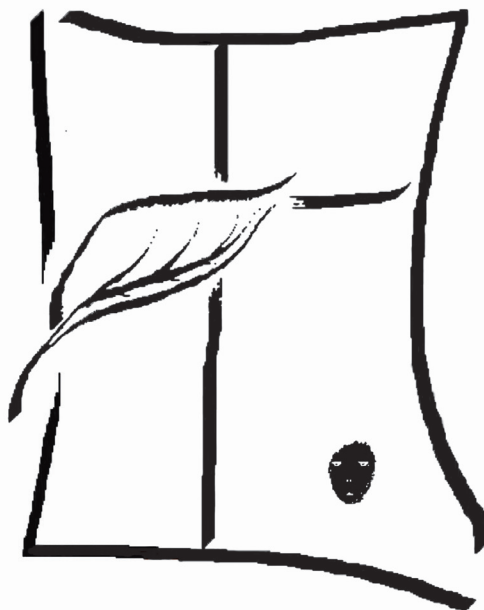

Гала Абдуллаева

Повседневные

Баку 2012

Аз. 83.3
Г(17)

Г(17)2012 Г. Абдуллаева. “Повседневье”
Издательство “Нагыл еви”, Баку 2012 302 стр.

Редактор	А. Абдуллаева
Корректор	А. Салимов
Дизайн	Азада

Охраняется законом об авторском праве. Воспроизведение всей книги или любой ее части запрещается без письменного разрешения автора. Любые нарушения закона будут преследоваться в судебном порядке.

978-9952-21-071-2

Г $\frac{4702060101}{093 - 2012}$

© Гала Абдуллаева. 2012
© “Nağıl evi” . 2012

СУТЬ ЖИТЕЙСКОЙ МУДРОСТИ

И вновь мы, почитатели искрометного таланта Галы Абдуллаевой дождались выхода новой, одиннадцатой по счету, книги, названной чуточку буднично-«Повседневье».

Повседневье, это наш с вами день, читатель. Мы часто и не задумываемся о прошедшем или идущим с нами в ногу, дне. А вот повседневье, у каждого свое и разное, и как точно замечает автор: «Тяжелая задача анализировать взгляды и убеждения, когда нет принципов, а есть события и обстоятельства».

И, действительно, верно, если события не будут описаны, то с течением времени они сотрутся и исчезнут навсегда из жизни многих других поколений.

Повседневье-переменчиво для каждого человека в отдельности и, как раз таки, написанная Галой Абдуллаевой книга открывает нашу сущность окружающим и главное облик человека, который совершает то или иное деяние.

«Повседневье»-книга-зеркало, в которой основательным образом отображено несовершенство, в силу тех или иных обстоятельств. Да, реальность нашего повседневья имеет бесконечное многообразие, многовариантность в огромном океане нашей жизни.

В жизни вообще много непонятого еще и необъяснимого, однако каждый решает для себя сам, как ему кажется, гарантируя надежное решение. Мои рассуждения могут многим показаться излишними, как говорил М.Горький: «Жизнь та-сует нас, как карты». А она, как раз и состоит из повседневья, кратковременного отрезка по времени, данного каждому из нас Природой.

Судьба даровала Гале Абдуллаевой проницательность и ясновидение драматизма бытия в течение будничной жизни обыкновенных людей.

Наблюдательный психолог, автор с неотразимой художественной убедительностью изображает своих героев, настойчиво вторгаясь в их жизнь. И все написанное Галой Абдуллаевой повести, роман, рассказы, стихи, теснейшим образом связаны между собой и как бы переплетаются их сюжеты, и герои создают своеобразное многоцветье, вобравшее в себя весь этот многообразный, сложный и противоречивый мир: события и поступки людей, специфические истории, сложные отношения...

Просто сообщить факт-этого недостаточно, писатель должен к этому приложить свой талант и уж тогда правда обретет ценность и смысл явлений проявится в произведении само собой.

Любопытно, что начиная писать повесть «Интервью её жизни» она и не догадывалась, что постепенно, она станет трилогией. И сегодня «Интервью её жизни-3» по праву можно назвать самостоятельным романом, с высоты приобретенного автором жизненного и художественного опыта.

Не стану подробно останавливаться и на повести «Женщина в красном», рассказах-могу только сказать, что жизнь сложнее законов, а справедливость выше всякого закона в отдельности. И, конечно-любовь, может дать подсказку каждому человеку и веру в то, что он может быть лучше, чем есть.

Обязанность любого писателя или поэта помочь человеку-читателю, восторгаться, вынести все, возвышая его сердце, напоминая о доблести, чести, жалости, сострадании и самопожертвовании.

Гала Абдуллаева пишет обо всем, что было, что она видела, о чем переживала или осуждала, как говорится из бытовых мелочей повседневья являя миру свой почерк, свой взгляд на жизненные ситуации.

Главное, что книги написанные ей-читаемы и их можно перечитывать по нескольку раз, находя для себя все новые и новые откровения, увлекающие за собой как будто бы впервые при чтении.

Книги Галы Абдуллаевой как великая истина, однажды открытая, существует по сей день, для каждого почитателя её таланта.

И вполне естественно, что откровенность между автором и читателем взаимна уже многие годы, заставляет выскочить из грязи равнодушия и побуждает стать чище, лучше, терпимее, возвышает душу, открывая каждому суть житейской мудрости.

В.Леофанов

ОТ АВТОРА

«Повседневье»... Каждый из нас живущих, ежедневно отдает себя во власть естественной связи физического воплощения, порою уклоняясь от восприятия многих жизненных явлений, противоречащих нашему устоявшемуся воззрению. Не желая отойти от всех мирских убеждений и пристрастий, мы несем в себе обыденное, даже не стремясь преодолеть свои многочисленные порочные привычки и предвзятое отношение к кому или чему либо.

Жизнь не приговор, а всего лишь понятие действительности существования, и путь людской, скорее, череда страданий в непрерывной цепи повседневья.

Природа, заложенная в человеке-это сострадание и доброта, изначально присущие каждой живой душе, но каждая индивидуальная энергия, со временем, попадает в порочный круг, не желая освободиться от гнета своих привычек и убеждений, все больше отягощаясь заблуждениями, иллюзиями, обманом, завистью, злобой, выходя за рамки многообразия вариаций, привычек и собственных убеждений. И так до бесконечности...

Повседневье-бесконечно и неизмеримо, у него нет пространственных границ. Оно безгранично, оно повсюду, оно очевидно в своей истинности, основывается на обыденной реальности, общепринятыми убеждениями.

Тяжелая задача анализировать взгляды и убеждения, когда нет принципов, а есть события и обстоятельства. В своей одиннадцатой книге мне бы хотелось, мыслью, воздействовать на души и тронуть сердце каждого читателя, говоря с их рассудком.

Гала Абдуллаева

ИНТЕРВЬЮ ЕЕ ЖИЗНИ-3

ПОВЕСТЬ

1. Тамилла подъехала к дому и увидев припаркованную машину мадам Изабелл, поморщилась: каждый приезд свекрови в их с Пьером дом, не сулил ничего хорошего.

Она открыла дверь своим ключом и тихо начала подниматься по ступенькам лестницы застеленными коврами, глушившими ее шаги. И проходя уже по коридору в свою комнату, услышала недовольный голос мадам Изабелл:

- Я тебе желаю добра. Только добра! Она не жена тебе вовсе, сынок! Ну открой глаза пошире! Что ты нашел в ней! Меня всегда возмущал твой выбор!

Тамилла усмехнулась проходя в свою комнату, голос Пьера настиг ее:

- Мама! У нас трое детей! Как ты можешь...

Тамилла с силой хлопнула дверью, войдя в свою комнату, чтобы мадам Изабелл и Пьер знали, что она уже дома. Тут же прибежала служанка:

- Вам, что-нибудь нужно, мадам?

- Нет,- ответила ей Тамилла чуточку нервно. - Можешь идти.

- Мадам, госпожа Изабелл уже целый час у нас в доме, - уведомила ее служанка.

- Я знаю, - ответила Тамилла безэмоционально. - Ее голос слышен даже на улице...

Она, конечно же, преувеличивала, но в ней, как обычно, уже начинало подниматься негодование.

Через мгновение, в комнату влетел Пьер, чуть не сбивший с ног выходившую служанку.

- Душа моя! – сказал он чересчур любезным голосом, - ты уже дома?

- Опять, с наставлениями, была твоя мать? Что она от тебя хочет?!

- Тами! Тами! Тами!!! Тами! – прильнул он губами к ее

руке, целуя ладонь и каждый пальчик. – Ты, радость моя, все слышала? – его лицо покраснело.

- И не первый раз...-не стала уклоняться от разговора Тамилла. –Всегда одно и тоже, слова и мысли словно под копирку. Что она хочет, твоя мама? Чтобы мы разошлись?

- Нет, нет, нет! О чем ты?!-Пьер был обескуражен и принялся целовать Тамиллу в лицо, губы, лоб.-Ты моя любимая женщина! Самая!

Тамилла отстранила его в сторону:

- Тогда мне не понятны слова мадам Изабелл!

- Ты только не волнуйся!-попросил Пьер, вновь притягивая ее к себе.–Это все Жанетт! Она выкрала письмо, которое тебе передали на острове в Карибах от мужчины, влюбленного в тебя!

Тамилла хранила написанное ей Эмином письмо в шкатулочке со своими драгоценностями и не найдя, как-то раз его, уволила Жанетт, сославшись, что та украла у нее, ее любимое кольцо с бриллиантами. «Ах, вот в чем дело», - подумала она, с презрением посмотрев в глаза Пьера.

После того, как она узнала, что Эмин жив, в ней все перевернулось. Вновь вспыхнувшее чувство любви не давало ей покоя и она, всякий раз, находила причину, чтобы улизнуть из дома, когда Пьер приезжал из очередной командировки, тем более, миновать их спальную комнату. Ей были неприятны чувственные проявления Пьера и она, всякий раз, старалась уйти от его ласк и признаний.

Тамилла не нашла, что ответить, но Пьер заметил ей:

- Это старик–отшельник! Какой из него любовник... Душа моя! Уж, он, наверное, давно помер... А мама все в себя не может прийти от его слов. Слов-тебе, Тами! Тебе! Разве я го-

ворю тебе слова любви хуже?!-Пьер с жаром поцеловал Тамиллу в губы, прижав, к себе с такой силой, что та не могла вырваться от него. – Я люблю тебя так, - сказал он, - как никто тебя не любил! – он схватил ее за руку и потащил к спальной комнате.

- У меня критические дни, - вырывалась Тамилла.-Пьер! Ведь мы не бедуины какие, чтобы насиловать женщину в дни, когда этого делать нельзя?!

Пьер резко остановился.

- Последнее время, ты всегда находишь причины,-сказал он сухо. – Ведь это так пошло, жить с одним мужчиной, а думать о другом! Ты желаешь, чтобы наша любовь была только духовной, без секса? – спросил ее Пьер, отталкивая от себя.

Тамилла растерялась. И в тот же миг, голова закружилась и она упала на ковер.

Пьер засуетился и стал звать служанок, чтобы те принесли воды, лекарство и нашатырь, от которого сознание тут же к ней вернулось.

- Извини меня, любовь моя,-суетился вокруг нее Пьер. – Да, да, ты еще не здорова... Я вел себя по-хамски, недостойно, грубо... - он приподнял ее с ковра, служанка влила ей лекарство и общими усилиями все вместе, они отвели Тамиллу к ее постели, уложив на кровать.

- Любовь моя!-сказал Пьер,-дядя Мишель желает видеть тебя,-начал он, как только Тамилла пришла в себя.-Он создает журнал и хочет, чтобы ты тоже, как журналист, участвовала в нем. В его галерею принесли несколько работ неизвестного художника, то ли испанца, то ли итальянца, но желающего выставиться на очередном вернисаже. Его имя Натаниэл Деманд.

- Ну и что? –безучастно спросила Тамилла. - Что предлагает мне дядя Мишель?

-Взять у него интервью. Ты сможешь это сделать в самое ближайшее время. Первый номер уже почти готов к выходу в свет.

- Хорошо, - согласилась Тамилла. – Мне будут нужны его координаты. Этот Натаниэл Деманд, где-то же живет в Париже?

- Ты все узнаешь у дяди Мишеля сама, завтра же...-заторопился Пьер.-Приходи в себя, а я улечу, любовь моя...-он поцеловал ее в щеку и вышел из комнаты.

Тамилла вздохнула. Дядя Мишель давно приглашая ее работать у него в издательстве, зная, что она журналист. Но Тамилла все как-то отнекивалась от его предложений, а тут, что-то, неожиданно от нее самой, екнуло в ее груди. Натаниэл Деманд. Интересное имя. Кто он, появившийся недавно в галерее дядюшки Мишеля? Ее захватил интерес. И сразу же, уйма вопросов зароились в ее голове.

Сегодня, от нечего делать, она ездила в Лувр и вновь к любимой картине «Мона Лиза». Когда-то там она встретила Эмина и это место для нее стало каким-то особым, ценным, значимым.

Она слышала экскурсовода не единожды об этой картине и авторе, но каждый раз, ловила себя на мысли, что стремится именно сюда, к великому и вечному, как и ее чувства, возвращаясь к прекрасному и святому.

Народа, как обычно, было много: туристы, осенний сезон. Тамилла было затосковала, вспоминая встречу с Эмином, в ней разыгралась вновь сила настоящего чувства и, неожиданно для самой себя, она поймала на себе взгляд мужчины. Он смотрел на нее из под черных очков, таким взглядом, видимо

противясь приятному своему легкомыслию, но Тамилла душой поняла его взгляд, полный значения и стала сама не своя от напряжения.

Высокий, статный немолодой уже мужчина в шляпе, из под которой на плечи ниспадали черные, как смоль волосы, чуточку затемненные очки и шикарный костюм, видимо от какой-то очень известной фирмы. Чувство благородства исходило от него, стоявшего среди группы туристов.

Тамилла испуганно посмотрела на него и считая верхом позора иметь знакомство в музее, тем паче, впоследствии встречу, в каком-нибудь отеле, постаралась побыстрее скрыться среди толпы людей окруживших картину. И промчавшись по залу, выскочить на улицу, будто за нею гнался тот мужчина, дьявол-искуситель, сесть в свою машину и как можно быстрее уехать подальше от Лувра.

И сейчас, когда вызванная сестра милосердия меряла ей давление, клала на голову компресс, нежно дотрагиваясь до ее руки, тела, головы, Тамилле казалось, что это тот, луврский незнакомец, находится с ней рядом. Почему-то он не шел у нее из головы. Он имел особое оружие околдовывать, магически очаровывая, наверное, любую, понравившуюся ему, женщину. И Тамилла вздохнула, этот незнакомец, сам не зная того, оживил ее мертвую окружающую среду. И когда сестра милосердия ушла, она тут же набрала по мобильному номер дядюшки Мишеля и спросила адрес художника о котором ей уже хотелось писать.

- Ты засиделась, девочка, дома,-сказал ей дядюшка Мишель.-Так нельзя. Твои близняшки уже учатся. Эми растет. А где твой рост? Ведь ты, как я полагаю, не плохой журналист. Чтобы через день, материал о Натаниэле Деманде был у меня на столе. Все! Спокойной ночи!-и продиктовал ей его адрес.

2. Тамилла не спала всю ночь, как будто это было ее первое задание. Она испытывала какое-то напряжение и если на короткий миг ее одолевал сон, то она видела что-то хаотично-кошмарное и всякий раз, проснувшись, вскакивала в страхе и отчаянии, ее горло сдавливало удушие и ей, казалось, что в комнате нечем дышать.

Она распахнула настежь окна и услышала, где-то совсем рядом пиликанье скрипки, неприятной музыки, мотивчика, отрезвившего ее. «Вот так, кто-то зарабатывает деньги...»-подумала она грустно.

Осенний, холодный, почти хрустальный воздух прорвался из вечности в комнату, заставив ее поежиться от прохлады. Она затворила окна и еще долго, словно замороженная стояла у подоконника, вспоминая облик незнакомца так поразившего ее. В ней, что-то произошло и она, как женщина не избалованная сексом, сейчас почувствовала в себе предельную готовность отдаться. Но не Пьеру, к которому уже не испытывала никаких чувств, а тому незнакомцу. И она решила, что сразу же после интервью с Натаниэлом, отправится опять в Лувр.

Позавтракав на скорую руку, не дожидаясь Пьера, Тамилла поехала искать улицу, названную ей дядюшкой Мишелем. И к одиннадцати часам уже стояла у трехэтажного здания, с полной готовностью нажимая на звонок.

Дверь долго не открывали, и Тамилла уже хотела набрать номер дядюшки Мишеля, чтобы переспросить данный ей адрес, как за дверью раздались шаги и послышался звук открываемых замков.

Когда дверь распахнулась, Тамилла чуть не грохнула в обморок: перед ней стоял луврский незнакомец.

- Вы и есть Натаниэл Деманд? – спросила она дрожащим голосом.

- А вы? – спросил ее мужчина, необычно хриплым, совершенно не подходящему к его образу, голосом,-журналистка, которая должна взять у меня интервью?

- Да...да,-ответила Тамилла. - Кажется, вы не очень меня ждали...

- Ваш шеф сообщил мне об этом совсем недавно. Прошу прощения, но я еще лежал в постели. Заходите.

- Да, конечно, я была не права. Мне нужно было договориться с вами о встрече заранее...

- Опыт, барышня. Опыт! Опыт-это школа!

- Но я давно в журналистике,-как бы оправдывалась Тамилла .- Просто...

- Я знаю о чем вы подумали, - сказал Натаниэл, и видя растерянный вид Тамиллы, добавил: - Это все наша вчерашняя встреча с вами, в Лувре. Вы думали обо мне... Всю ночь не спали...

- Однако!-рассерженно отозвалась она, чувствуя, что краснеет.- Вы слишком о себе большого мнения, Натаниэл.

- Это дыхание судьбы, - как бы успокоил он ее, беря за руку и ведя по лестнице.

Его рука была в тонкой кожаной перчатке и соприкосновение материи с кожей ее руки, было неприятно Тамилле.

Натаниэл ввел ее в комнату и усадил в кресло.

- Что будем пить?-спросил он ее. -Чай, кофе? Соки, предпочтительны больше летом. А сейчас...-он сделал паузу, дожидаясь ее ответа.

И дернуло же ее ответить:

- Все вы, художники – эстеты, уж лучше выпить йеменский «мокко» с пенкой!

Натаниэл обжег ее своим взглядом из под очков:

-И много таких эстетов вы знали?

Тамилла смутилась:

- Да, знала одного художника, пьющего только йеменский кофе, и только с пенкой... Кстати, его имя Эмин Ахмедов, в последние годы он был хорошо известен в Америке...

- ...тот, что погиб 11 сентября? Я был в его галерее как-то раз. Но лично с ним не знаком. Так значит, вам кофе с пенкой? -переспросил Натаниэл. – Вы пока посмотрите мои художества, а я сварю кофе.

- У вас нет прислуги? – удивилась Тамилла.

- Пока нет... Я недавно в Париже и этот особняк купил всего неделю назад. Вообще-то, я привык к одиночеству,- сказал он удаляясь.

Тамилла прошлась по комнате, на стенах которой висели редкие работы Натаниэла и ощутила в себе, какое-то двойственное чувство сладостно-горького настроения. Она вновь вспомнила голос Эмина, и голос Натаниэла раздражавший ее, своим хрипом. Он совершенно не соответствовал его внешности и был, как будто, из другого мира, мира роботов, чего-то внеземного.

И ей стало неловко за свои мысли, когда в ночи она почувствовала предельную готовность отдаться этому человеку, будь он в тот момент рядом...

- Ну вот и ваш кофе... - услышала она за своей спиной голос Натаниэла, вздрогнув от неожиданности.

Он заметил это:

- Я понимаю вас... - сказал он грустно. – Я и сам, от своего голоса ощущаю, какую-то внутреннюю помеху, какую-то скованность, поэтому больше молчу, не имея желания входить в общение с большим количеством людей...

- Нет, нет, - поспешила заверить его Тамилла, кривя душой. – Ваш голос вовсе не помеха при общении...

- Не верю! – ответил он ей, повторив:- Не верю вам! Мне

самому противно! Но это горло, горло...-пояснил он ей. – Травма гортани. Я жду операцию, и уверен, что врачи, что-то смогут мне сделать... Помочь.

- Итак, - сказала Тамилла, - я должна взять у вас интервью. И всегда начинаю с вопроса: ваш любимый цвет?

Натаниэл усмехнулся:

- И слышите всегда один и тот же ответ: красный!

- Да! – отозвалась Тамилла. – Ну почему в его понятие вкладывают любовь, секс, страсть, жизненные силы?

- Вы хотите услышать о негативном аспекте цвета? Да, этот цвет связывают и со злом, особенно в египетской мифологии. Красный цвет был цветом бога Сета и змееподобного бога Хаоса-Анепа. «Блудница в багряном?» Слышали?

- Проституция,-усмехнулась Тамилла. – Знаете, Натаниэл, мне нужны ваши данные, откуда вы родом, где учились, женились...

- Я не женат,-сказал он поспешно. – Считаю, что семья мешает искусству. Я холоден и старомоден и, как бы выпал из времени. В створевшем сердце не теплится даже намек на чувство... Все, увы, в прошлом...

Зазвонил мобильник.

- Извините,-сказал он, поспешно выходя из комнаты.

«Видимо, ни так-то прост этот Натаниэл, и к завтрашнему дню, интервью с ним, вряд ли будет готово», - недовольно подумала Тамилла.

- Еще раз извините, - сказал он вернувшись, - но давайте отложим нашу беседу на некоторое время...

- Да вы что?! –вспылила Тамилла, вскакивая с кресла. – Написанный мной материал должен уже завтра лежать на столе у дядюшки Мишеля!

- Вы-журналисты, - улыбнулся ей Натаниэл,- можете многое насочинять о человеке. Так пишите! Вам карты в руки!

Какая разница, где я родился, как начал рисовать, где жил? Подпустите побольше негативных фактов и... Мои полотна, выставленные в галерее дядюшки Мишеля пойдут нарасхват! Это я вам говорю: пишите, что пожелаете, но, чтобы был смак, тайна! И отбросьте скованность и робость! Я все приму вами написанное, каждое слово! Не хочу копаться в прошлом... - он подойдя к Тамилле, развернул ее к выходу. – Только без обиды... Удачи вам!-помогая спуститься по лестнице говорил он, и открыв перед ней входную дверь, еще раз извинился.

Тамилла стояла на тротуаре, как оплеванная. Фактически, Натаниэл, культурно, а, может и не совсем культурно, вы проводил ее из своего дома!

- Хамло!- сказала она сама себе под нос, оглядывая особняк Натаниэла, и была заметно удивлена, когда увидела, дрогнувшую занавеску на втором этаже дома: он за ней подглядывал!

3. Тамилла в полной растерянности села в машину. Нужно было поехать в Центральную библиотеку, чтобы там выудить, хоть какие-нибудь сведения о художнике. К ее полному сожалению, никаких сведений о художнике не было, как не было их ни в каких других библиотеках города.

Человек-загадка. Библиотекарши только разводили руками:

- Нет, нет! Не слышали о таком!

Она перешерудила все данные в Интернете, но и он, всемогущий знаток всех и вся, ей ничего не дал. Даже имени такого не было.

«Данных не обнаружено», - мелькало у Тамиллы перед

глазами, всякий раз, когда она набирала имя Натаниэла.

- Позор!-позвонив Пьеру сказала Тамилла. – Я ничего не узнала об этом художнике! Он был совершенно ненамерен давать интервью. Мне стыдно перед дядюшкой Мишелем! Интервью нет! Мне нечего положить ему на стол завтра!

- Зайди в частную библиотеку,- посоветовал ей Пьер.- Может быть там тебе улыбнется счастье...

Да, об этом она не подумала. Узнав в справочной адрес, Тамилла ринулась туда, но и там ее ждало разочарование.

- Видимо из молодых, модных художников,-сказала ей библиотечарша. – Они к сожалению, обесценивают культуру нашей эпохи. И буйство красок, не говорит о вкусе авторов, скорее, их картины кажутся глупыми и вымученными.

- Что же делать? – сама себе сказала Тамилла. – Где же взять сведения об этом художнике?

- Недалеко отсюда есть магический салон мадам Лили. Она ясновидящая. Конечно, в ее работе есть, что-то призрачно-жутковатое, но она может рассказать о человеке все и даже больше. Вам, милочка нужно попасть к ней на прием и вы узнаете о нужном вам человеке все! Ее салон находится прямо за углом... Желаю удачи!

Магия... Магия... Магия...

Тамилла решила попробовать этот способ, уж очень ей не хотелось предстать завтрашним утром перед дядюшкой Мишелем пустоцветом.

«Салон мадам Лили»- прочитала она, как только завернула за угол библиотеки. Без всяких рассуждений, она нажала на звонок и почти тут же дверь распахнулась, будто ее ждали.

- Я к мадам Лили, - сказала она открывшей дверь девушке, чуть постарше ее самой и прошла в темный коридор, тускло освещенный одной – единственной лампочкой малого на-

кала.

- Я доложу о вас, - сказала ей девушка. – Только о чем пойдет разговор? О ком-то конкретном?

- О неизвестном художнике, - ответила Тамилла как можно строже. - Я об этом человеке должна знать все!

- У вас есть фото?

- Нет! Только по моему описанию.

Девушка скрылась за дверью. Через мгновение она появилась опять и взяв Тамиллу за руку, повела за собой, сказав:

- В комнате будет темно. Мадам Лили сама задаст вам вопросы, если это будет нужно.

Она усадила Тамиллу на стул и исчезла. Оставшись в крошечной темноте, Тамилла оробела. Но вот, в самом дальнем углу комнаты, загорелся какой-то чан, то ли чаша подвешенная на цепи к потолку.

Возникший силуэт женщины возле чаши, начал подбрасывать в нее какие-то снадобья. Повалил едкий дым.

- На любовь? – спросила ее женщина хрипловатым голосом.

- На работу, - ответила Тамилла. – Мне нужно все знать о художнике...

- Замолчи! – тут же перебила ее гадалка, начиная шептать заклинания, и с каждым столбом пламени, вырывавшимся из чаши, она ей вещала откровения, совершенно ненужные Тамилле.

- Ты замужняя женщина... Но твое сердце всю жизнь принадлежит другому мужчине. За свою роковую любовь ты заплатишься своим сыном...

- Что вы несете чушь! – вскричала Тамилла вскакивая со стула и подбегая к чаше.

Ее пыталась остановить девушка, хватая за руки и полы куртки, но Тамиллу было не остановить.

- Вы говорите мне, мадам Лили совсем ни о том, что я хотела бы услышать от вас! – закричала Тамилла над самым ухом женщины.

Та резко обернулась, и свет от огня высветил лицо мадам Изабелл!

- Это ты?! – закричала гадалка. – Мерзавка!

Тамилла в испуге, увидев лицо своей свекрови, тут же упала, сильно обо что-то стукнувшись головой.

- Скорее! Скорее! – вопила мадам Изабелл. - Нам нужно избавиться от этой мерзавки! Позови шофера, Нана!-приказала она девушке. –Господи!-вскинула она руки вверх.-Наконец-то ты даешь мне возможность избавить наше благочестивое семейство от этой проходимки!

Вбежавший шофер, с легкостью поднял обмякшее тело Тамиллы и мадам Изабелл, что-то зашептала ему на ухо, затем приказала девушке, своей помощнице Нане:

- Поедешь с ними! И молчок! Слышишь?! Сотру в порошок, если, кто-нибудь узнает о сегодняшнем! Все! Пошли, пошли!

Шофер бросил тело Тамиллы на заднее сиденье, а Нана, питавшая к нему самые искренние чувства, уселась впереди, рядом, не сдерживая своего любвеобильного чувства, шепча:

- Это счастье, что мы вместе! Я так хочу тебя, Серж!

- Отъедем подальше, - заводя машину, приказал ей тот. – Ты же, Нана знаешь, что я не каменный и тоже хочу тебя! Мы включимся в игру попозже, когда доставим эту шваль, что лежит на заднем сиденьи, по адресу...

Старенькая машина сорвалась с места и понеслась, по известному, только лишь шоферу, маршруту.

Нана от нетерпения, сторая в любовном экстазе, как только машина выехала из города, принялась расстегивать у Сержа

ширинку.

- Я больше не могу! Не могу, понимаешь,-говорила она, начиная вытаскивать из штанин член Сержа.

Тамилла же, начала постепенно приходить в себя, не очень понимая, где находится и куда ее везут. Она прислушалась к разговору, боясь пошевелиться. Но Нана, потеряв всякий стыд, уже с ярым остервенением делала Сержу минет и тот, забыв обо всем на свете от удовольствия, только «охал» и «ахал», выражая междометиями свою бурную радость, совершенно забыв о Тамилле.

Машина по шоссе неслась с бешеной скоростью, и когда Тамилла заметила мчавшийся по противоположной полосе огромный трейлер, она поняла, что нужно действовать именно сейчас, чтобы освободить саму себя из плена мадам Изабелл.

Резко вскочив, она притянула голову шофера к себе, открывая дверь, и шофер, потеряв управление, помчался на трейлер. Распахнув дверь, Тамилла выскочила из машины и покатилась по склону, куда-то вниз, цепляясь за кусты и колючки, больно обдирая лицо и кисти рук.

Уже лежа, где-то в глубине оврага, она услышала сильнейший грохот и затем взрыв.

- Господи! Спасибо Тебе, за спасение,-сказала она, и вновь отключилась.

А когда, через какое-то время, к ней вновь вернулось сознание, она сделав над собой усилие, поднялась на колени, и поняла, что находится в зарослях виноградника, еще не успевшего сбросить листву. Страшно болела нога и рука. Обувь на ногах не было, но ее спасли джинсы, от множества ран, но не от ушибов.

Она прислушалась: где-то ревели полицейские машины, видимо уже отъезжая от места происшествия.

«Ах, вот она, мадам Изабелл, чем занимается! Салон мадам Лили! Магия! Вот почему она все знала обо мне и без письма от Эмина!»

Память возвращалась к Тамилле, и встав с колен, она прошла какое-то расстояние, хватаясь за виноградную лозу. Остановившись передохнуть, она услышала собачий лай, мычанье коровы... Видимо, дом какого-нибудь фермера был близок. Она, преодолевая боль, прошла еще немного и... услышала хриплый голос Натаниэла, его-то Тамилла не смогла спутать ни с чьим.

Среди зарослей чертополоха она увидела дом и Натаниэла, к машине которого выносили продукты: баллон молока, хлеб...

- Натаниэл! – что было сил крикнула Тамилла, боясь упасть в чертополох.

Натаниэл сразу же увидел ее и бросившись к ней, схватил Тамиллу на руки, видя ее окровавленное лицо и кисти рук.

- Девочка моя, что случилось?

-Потом...-еле пролепетала Тамилла в ответ, вновь отключаясь.

-Дядя, дядя,-закричал хозяйский мальчишка выбегая из дома. – Только что сообщили, по телевизору, что на шоссе произошла крупная авария. Машины столкнулись и произошел взрыв!

- То-то, я чувствую запах гари, - сказал хозяин-фермер, вынося из дома корзину с яйцами. – Да и полицейские машины разметались...

Натаниэл положил Тамиллу на заднее сиденье своей машины и сняв со своей руки перчатку, снял с пальца перстень с бриллиантами.

- Николя, - попросил он, протягивая украшение фермеру.

– Ты ничего не видел и не знаешь, понял?
– Про эту мадам что ли? – уточнил тот.
– Да! Про эту мадам, которую я сейчас увезу.
– Как скажете, хозяин!-и алчно схватив перстень, начал тереть его о свой картуз, любуясь им, как самой ценной вещью на всем белом свете.

4. – Ну, слава Богу, ты приходишь в себя... - услышала Тамилла неприятный голос Натаниэла, и не понимая, где она находится, хотела было вскочить с кровати, но острая боль пронзила ее тело, так сильно, что она застонала.

– Лежи! Лежи! – вновь сказал ей Натаниэл. – Я приводил доктора и кроме ушибов и ссадин у тебя нет нечего особенно сложного. Обошлось! Но голова... С ней немножко сложно-вато: ты сильно ушиблась ею.

Тамилла пыталась вспомнить, что же произошло с ней: салон мадам Лили... Свекровь Изабелл... Машина...

– Натаниэл, - простила она, ей было тяжело говорить. – Сколько дней я лежу у тебя? Почему?

– Это провидение, девочка! Когда случилась авария на трассе, ты вылетела из машины и скатилась вниз, к подножью горки, прямоком к фермерскому дому Николя, у которого я в этот момент покупал продукты. Ты лежишь уже третий день...

– Почему не у себя дома? – голос Тамиллы чуточку окреп.
– Почему я здесь, у...

– Потому что, - сказал он, - сейчас я включу телевизор и ты увидишь свои похороны.

– Похороны?! – пределу удивленья не было конца. – Они меня хоронят?! Меня – живую еще!

На стене загорелся панельный телевизор и комната наполнилась траурной музыкой.

– Сегодня, ровно в двенадцать часов дня, - вещала диктор, - состоятся похороны представительницы одного из богатейших фамильных родов Франции Тамиллы Этьен, супруги, известного в мире профессора Пьера Этьена. Чистая случайность вырвала из жизни молодую женщину. Авария произошла...

Тамилла заплакала. Камера корреспондента выхватывала лица присутствующих: ее девочек, Эльмиру и Эльвиру, стоявших в строгих черных платьях до пят, друг с другом в обнимку, на их худенькие плечи положила свои руки матушка Катрин, ставшая настоятельницей монастыря, в котором учились ее девочки. Маленький, трехлетний Эми был на руках у бабушки, отца Пьера. Сам же Пьер, не скрывая слез обнял мадам Изабелл и что-то, всхлипывая, говорил ей... Было много знакомых и незнакомых лиц...

– Не плачь, девочка! – сказал Натаниэл. – «Желтая» пресса хорошенько облила тебя грязью.

– Какой грязью? – не поняла Тамилла, зарыдав, увидев гроб на постаменте церковного портала, над которым два священнослужителя читали молитвы и размахивали кадильницами.

– Какой могут поливать людей ваши собраты, журналисты, - проскрипел голос, добавив, переключив на другой канал, - смотри и слушай, что они нагородили.

Тамилла увидела искаженные машины и два обгоревших трупа, будто сросшихся друг с другом, причем, видимо, известный ей, женский, девушки Наны, так и не выпустил из своего рта член шофера, будучи в полусогнутом состоянии.

- Позор! – вещал диктор за кадром. – Любовником мадам Тамиллы был шофер ее свекрови, почитаемой женщины в обществе, мадам Изабелл! Как сказала она нашему корреспонденту: «Я всегда подозревала свою невестку в измене моему сыну. И не раз говорила Пьеру об этом...»

- Каким образом тело Наны приняли за мое? – вскричала Тамилла. – Какая гнусность! Какой подвох!

- Успокойся... - заскрипел голос рядом с ней. – В машине была твоя сумочка с документами, мобильником и косметичкой. Это ли не свидетельство того, что в машине было всего двое людей: мужчина и женщина?

Натаниэл вновь переключил канал.

- А ты? – спросила его Тамилла в сильном возбуждении. – Ты, поверил бы во все это?!

- К сожалению, мадам, факты упрямая вещь, а они все, как на ладони.

- Почему, - негодовала Тамилла, - ты привез меня к себе? Почему не отвез домой в тот же вечер? Ты хотел сделать меня своей заложницей? Изнасиловать меня? Я видела твой взгляд в Лувре! Ты хотел меня! Хотел, это было очевидно! Воспользовавшись моментом, да еще каким, ты привез меня в свой особняк! Кто я теперь, скажи мне?! Женщина без документов, похороненная в склепе семьи Этьенов!

Как раз в этот момент, гроб заносили в усыпальницу, церковные служки.

- Я думал только о твоём здоровье,-ответил Натаниэл глухо.- Тебе нужна была срочная помощь... И... тебя никто не искал. Все было очевидно.

- Очевидно!-передразнила его Тамилла. –А ты подумал о детях? Моих детях, которым нанесена травма! Иди, и завтра же заяви в полицию, что я жива!

- И что я держал тебя у себя три дня?

- Зачем это было нужно?! – гневу Тамиллы не было предела. Она откинула одеяло: - Ты сам переодевал меня? Ты видел мое тело? Ты прикасался к моим грудям, интимным местам?! Откуда на мне эта неадаптированная пижама?

- Из моих вещей, - глухо ответил Натаниэл. – А переодевали мы тебя вдвоем с моим личным доктором. Он и осматривал тебя и смазывал все твои ссадины и ушибы...

- И что я буду теперь делать?

- Ничего. Поправляться. Тебе нужно полностью прийти в себя, - он взглянул на часы. – Как раз сейчас ты примешь лекарство,-и начал капать в стаканчик, какие-то ей капли из пузырька, взяв со столика, стоявшего рядом с кроватью.

Церемония похорон подходила к концу и Тамилла попросила Натаниэла:

- Выключи, телевизор... Мне противно смотреть весь этот спектакль. Ну и мадам Изабелл... Отделалась все же от меня.

- Почему она тебя так не любила?

-Не знаю. Наверно, ей была приготовлена более значимая партия для сына. А кто я? Никто! Девушка родившаяся в Баку, бесприданница, да ко всему, побывавшая в браке... Просто... - Тамилла закусил губу. – У меня была трагическая любовь, Натаниэл. Кстати, тот человек, тоже был художник. Я его любила до обожания, обожествления, как человека с большой буквы, мою единственную любовь... 11 сентября все перечеркнуло. Он погиб. И Пьер воспользовавшись ситуацией, смог сделать все, чтобы я стала его женой. А через несколько лет, совершенно случайно, при сильнейшем ливне мы попали на островок в Карибском море и... - Тамилла заплакала, - ... оказалось, что свет моей души, мой Бог, мой мужчина жив! Он стал отшельником на своем ост-

рове, а я... Я больше не смогла лечь в постель мужа... Во мне, что-то надломилось и я не знала, как мне быть...

- Ну, а теперь выход найден, - прокрипел Натаниэл. - Сам Господь подал знак, чтобы ты сменила имя и стала жить вместе с любимым человеком.

- А дети?! - недоуменно спросила Тамилла. - Ведь их у меня трое!

- Дети, девочка, растут и еще мгновение и у них будут свои семьи, дети. Все относительно в этом мире. Так стань же счастливой наконец!

- Натаниэл, - вдруг спросила Тамилла, - а почему мы с тобой на «ты», ведь...

- Как-то само собой получилось, - ответил тот. - Видимо, с самых первых минут твоего пребывания в моем доме, мы сделали зримым наш мир, обретя легкость в общении. Так бывает...

- Но ты старше меня, я чувствую твой возраст и мне непростительно разговаривать с тобой, как с ровесником.

- С отцом, ты же не разговаривала бы на «вы». А наш возраст почти сопоставим с возрастом человека, который мог бы быть твоим отцом, а ты его дочерью.

- Хватит отцовства, Натаниэл! Мы из-за этой чехарды потеряли так много времени. Он все время сомневался, не отец ли он мне, на то были причины... - она тяжело вздохнула. - И все пошло прахом, хотя мы должны были быть вместе!

- Ты его любишь до сих пор?

- Да! Да!! Да!!! Это единственный мужчина на свете, которого бы я сейчас хотела видеть, быть его! Если на своем острове он видел мое погребение, то, я считаю, и для него был удар страшной силы!

- Глупая ты! Я же говорю тебе, советую, чтобы ты поменяла имя и фамилию. Остров я отыщу для тебя и доставлю

к этому человеку!

- Правда?! - в глазах Тамиллы появилась надежда, и тут же погасла. - Нет, Натаниэл, это будет мое бегство от детей. Можно я позвоню матушке Катрин и скажу ей, только ей, что жива, чтобы она успокоила девочек?

- Нет, Тамилла, нет! Не загоняй вторично себя в капкан к Этьенам. Все должно образоваться само собой. Дай время. И, вообще, девочка моя, тебе пора кушать. Ты и так два дня была на соках и жидкой кашке. И вообще, давай, попытаемся встать. Ты должна уже ходить не залеживаясь в постели. Дня на три мне нужно будет уехать...

- А я?! - испуганно спросила его Тамилла.

- А ты похозяйничаешь сама. Только никакой самостоятельности. Слышишь?!

5. Превозмогая боль, Тамилла облазила все три этажа, обойдя все комнаты в доме. Видимо, старый дом был без хозяев очень давно, и в каждой, нежилой пока комнате, все было покрыто жутким слоем пыли, а по стенам, в некоторых местах даже проступала плесень. Окна тоже давно не мылись и она, смотря через мутное стекло на улицу, так и не могла соориентироваться в каком районе города находится. Явно, что на интервью к Натаниэлу она приезжала не сюда, не в это место.

Удивительно, но во всем доме не было даже намека на телефон. А ей так хотелось позвонить матушке Катрин в монастырь и все рассказать, как самому близкому и дорогому на свете человеку.

Однажды, ее заинтересовала лестница ведущая с первого этажа вниз, видимо в подвальное помещение, и Тамилла кое-

как спустившись по лестнице, подошла к довольно массивной двери, толкнуть которую она не смогла, не хватало сил. Она посчитала, что это единственная запертая дверь в доме и сделав еще несколько усилий, так и не смогла ее открыть.

Но тайна всегда берет человека за живое и хочется открыть ее, не тяготясь вопросами: почему именно эта дверь закрыта Натаниэлом? Что там? Почему он не хочет, чтобы она зашла туда?

Теперь, после каждого пробуждения, Тамилла шла к этой заветной двери, все больше и больше, день ото дня, набирая сил. И, неожиданно для самой себя, она увидела ключ, висевший на стене неподалеку от двери.

«Я начинаю поправляться», - сказала сама себе Тамилла. – «Не видеть ключ все это время, это от болезни!»

Она схватила этот холодный кусок металла и мгновенно открыла дверь, словно кошка, с порога, осматривая нутро, то ли комнаты, то ли подвального помещения. Но выключатель был рядом, сразу при входе, и нажав на него, она была ослеплена ярким светом многочисленных лампочек вмонтированных в потолок.

Она ступила в комнату, как в пещеру Алладина и тут же бросилась к массивному столу, стоявшему, почти посередине комнаты. Компьютер! Вот кто выведет ее в мир всех тех, с кем она пожелает пообщаться! Но, к ее огромному сожалению, компьютер был отключен от сети и неизвестно, каким образом включался.

Она огляделась: стеллажи с книгами, причем, не современных авторов, а все в дорогих переплетах, фолианты, и вдруг – «Коран», священная книга всех мусульман мира. «Корану» было освобождено особое место на полке. Книга лежала на зеленом бархате, а сама была инкрустирована перламутром, в который были врезаны бриллианты. «Зеленый цвет, поду-

мала Тамилла,-цвет Самого Пророка, священен!»

- Неужели мне явилось Божье провидение. Знак! Что я должна поступить именно так, как говорит Натаниэл?- зашептала Тамилла. И независимо от самой себя, она сказала: - Субхана-л-лах! (Пречист Аллах!) Аль-хамду ли-л-лях! (Хвала Аллаху!) Аллаху акбар! (Аллах велик).

Слезы брызнули из ее глаз. Значит, не даром, Всевышний послал ей проводника в этом мире, в лице Натаниэла? Значит, через него она может покинуть прошедшее время, ту, тяготившую ее уже, действительность и войти в другую, более соответствующую ей действительность, в которой есть Эмин и остров, где они будут вдвоем наслаждаться покоем, принадлежа только друг другу?

Тамилла вновь пропела молитву:

-Астагфиру-л-лах! Астагфиру-л-лах! Астагфиру-л-лах! (Прошу прощения у Аллаха!)

Аллахумма анта-с-салям ваминка –с-салям! Табаракта йа заль-джа-ляли ва-ль-икрам! (О, Аллах! Ты-мир, и от Тебя – мир! Благословен Ты, Обладающий величием и великодушием).

Она дотронулась до Корана целуя его, и тут же услышала знакомый голос Натаниэла:

- Я могу дать тебе, девочка, только то, что ты уже несколько лет носишь сама в себе. Сейчас, сегодня, ты сама поняла, что наступил для тебя удобный случай, и твой собственный мир получил долгожданный ключ, чтобы открыть им твою новую жизнь.

Тамилла закрыла глаза, чувствуя в себе одновременно легкость и тяжесть.

- Ты все слышал? – спросила она Натаниэла. И не смотря на него сказала: - Моя собственная душа заблудилась, она

объята страхом. Я не знаю, что делать. Я не знаю, как мне быть!

- Ты получила ответ,- ответил ей Натаниэл спокойно: - Разве не ты, уже давно ждала это время, о котором мечтала постоянно, желая себе счастья?! Себе и...Эмину. Разве у тебя не было вожаденной цели быть с ним и только с ним, вместе?!

Тамилла ничего не смогла ответить на это Натаниэлу, а только утвердительно мотнула головой.

-Тогда...-сказал Натаниэл, чуточку помедлив, - ты, девочка моя, должна сменить имидж, стать другой, чтобы тебя не узнали.

Тамилла вскинула на Натаниэла свои огромные глаза, не понимая его.

- Как это? – спросила она, словно была не зрелой женщиной, а, действительно, девочкой, не знавшей авантюрных открытий.

- Пойдем наверх, - сказал Натаниэл, протягивая ей руку, чтобы помочь подняться по лестнице.

Но Тамилла самостоятельно, отвергнув его помощь стала подниматься наверх.

- Молодец! – похвалил он ее. – За эти дни без меня, ты пришла в себя. Я очень рад!

Наверху, на ее кровати, было расстелено вечернее платье, лежали какие-то коробки.

-Ты должна сейчас остаться наедине с собой и...-он посмотрел на часы. – Через час, предстать передо мной в новом виде. Я заказал для нас столик в лучшем ресторане Парижа!

Он вышел. А Тамилла понеслась в ванную комнату, чтобы принять душ и одеть все то новое, что принес ей Натаниэл.

«Где он находился все это время?- думала Тамилла. – Коран... на видном месте, значит, он мусульманин? Он очень

хорошо знает о моем душевном состоянии. Об Эмине. Моей любви к нему. Без единого прикосновения ко мне, а я вижу, что очень ему нравлюсь, он сделался моим союзником, желая мне лучшего. Почему?»

Это многочисленное «почему» не уходило из ее размышлений и она дала самой себе слово, что обязательно разузнает у самого Натаниэла, почему он так лоялен к ее новой жизни.

Через час она была готова и выйдя из своей комнаты, предстала перед Натаниэлом женщиной из высшего света: в вечернем платье, с бриллиантами на руках, ушах, с колье на шее, вся сверкая, как новогодняя елка.

- Браво, Тамилла! Но...

- Что такое!-не поняла она.- Все на месте.

-Волосы. Тебя выдают твои черные волосы. Их нужно осветлить и побольше макияжа: губы, глаза... Ярче! Ярче!

Они сели в машину и Натаниэл заехав в элитный салон, быстро договорился обо всем с парикмахершей. Та, как заправский специалист своего дела, не только перекрасила волосы, но и соорудила красивую прическу.

-Сейчас ты другая,-удовлетворенно сказал Натаниэл, расплачиваясь и накидывая на голые плечи Тамиллы шиншилловое боа.

- Зачем это все?-с удивлением и не без удовольствия спросила его Тамилла, разглядывая себя в зеркало.

- Затем. Ты все очень скоро поймешь сама.

6. Они поднимались по лестнице самого дорогого ресторана, Натаниэл элегантно поддерживал ее за локоток, шепча:

-Ты напряжена. Расслабься! Не смотри по сторонам, но

примечай, узнает ли кто в тебе прежнюю Тамиллу...

Тамилла тоже почти шепотом сказала:

- Да я похожа на шлюху! С этими волосами и вообще... рот, глаза...

- Девочка моя, - ответил ей Натаниэл улыбаясь. - У проститутток не могут быть такие бриллианты... а цвет волос, тебе очень даже к лицу. Не думай об этом, ладно?

Они задержались у гардероба сдавая вещи и подскочивший к ним метрдотель пригласил войти в зал, подводя к заказанному столику.

- Пока все чин-чинарем, - сказал Натаниэл, полуразваливаясь в кресле. - А ты, будь умница, сними с себя напряжение. А то, действительно, ты теряешь свой шарм, калорит женщины высокого полета! Неужели, Пьер никогда не брал тебя в рестораны такого ранга?

- Нет, - ответила сухо Тамилла. - Он считал это плохим вкусом.

- Да?! - усмехнулся Натаниэл.

Официант накрывал стол с космической скоростью легко и ловко. Зал был полон волшебства: музыка, аромат духов, разговоры сидящих за столиками, смех, блеск крутящихся вокруг своей оси, зеркальных шаров и шариков.

- Потанцуем? - спросил ее Натаниэл.

- Позже, - ответила Тамилла.

- Тогда выпьем. Я заказал такое вино! Такое вино!

Официант налил им в бокалы вино янтарного цвета, и Тамилла, особа не пьющая, поняла, что если она сейчас выпьет, а затем еще и еще, она ночью отдастся Натаниэлу, потому что он вновь начал ее возбуждать. Она отказалась пить, вызвала недоумение Натаниэла.

- Ты только пригуби, почувствуй аромат и прелесть этого напитка... Кстати, я слышал, что ты читала мусульманские

молитвы... Ты - мусульманка?

- Да! - ответила Тамилла. - Ну если у тебя в доме я обнаружила эту Священную книгу, то и ты, должно быть - мусульманин?

- Я понимаю, что ты этим желаешь сказать, - улыбнулся Натаниэл. - Вино изготавливали, именно на Ближнем Востоке очень-очень давно, свыше 5000 лет назад. Оно ценилось, как Божественное доказательство силы Природы, благотворного, оживляющего духа...

- Я знаю, - перебила его Тамилла, - что у евреев, в их ритуале вино служит напоминанием о благословении, которое дал иудеям Бог Иегова. Да и христианство придало вину символизм крови Христа, как символ жертвенной крови.

- Да, все верно, но ты не уточнила, что в Исламе говорится о вине, как о благословении для тех, кто достиг рая. Пророк запрещал не само вино, а злоупотребление им. Ты же сама видишь, хорошее вино не пьется полным бокалом, его наливают по чуть-чуть, чтобы уловить спасение, радость, исцеление, истину, преображение. Это духовное благословение, Тамилла, оно открывает сердце рассудку.

- Вот видишь, сколько интересного ты бы мог рассказать мне в своем интервью. Но, почему-то не захотел этого сделать... И все сейчас было бы совершенно по-другому...

- Нет, Тамилла. По другому бы не было. Значит, все то, что с тобой произошло это было предрешиено Свыше. И твоя ось, стержень, вокруг которого вращалась твоя жизнь - переместилась. Так что... выпьем за... любовь!

Они чокнулись и звонко зазвеневший хрусталь заиграл множеством разноцветных радуг.

- Хорошее предзнаменование, Тамилла! Сейчас, при звоне бокалов наше материальное бытие преобразилось в чистый свет будущей жизни.

Напиток, действительно, был необычным не только по вкусу, но и аромату, то было символом духовного совершенства и, действительно, божественного благословения.

-Ты выпила капли Утренней Зари, вот видишь, что могут сотворить с виноградом наши виноделы. А год вина, - Натаниэл поднес бутылку к лицу Тамиллы. – Читай-читай!

-Боже! – удивилась она. – Вино сделано в год моего рождения! Откуда ты знаешь об этом?! – растерялась Тамилла.

-Случайность! Откуда же я мог знать год твоего рождения? Ты лучше, посмотри направо, незаметно так, вроде поправляя прическу.

-Что там?

-Ни что, а кто. Твой муж, Тамилла. Твой муж.

Кровь прилила к щекам Тамиллы, то ли от выпитого вина, то ли от услышанного только что. Тамилла увидела Пьера, сидевшего к ним лицом и не было никаких сомнений, что это был ни он.

-Подонки! – сказала она нервно.

-Почему? – улыбнулся Натаниэл. – Это – жизнь. Жизнь, моя девочка!

-Хватит называть меня девочкой! – укоризненно заметила Тамилла.

-Я намного старше тебя, так как ты прикажешь мне тебя называть?-спросил ее Натаниэл, видя ее негодование, скорее, по поводу мужа.

Заиграла музыка. Парами присутствующие пошли танцевать. Пошли танцевать и Пьер со своей пассией.

-Пойдем! – приказала Натаниэлу Тамилла.-Я хочу танцевать! Причем, мы должны подойти как можно ближе к бывшему мужу...

Натаниэлу видимо понравились последние сказанные Тамиллой слова и он подхватил ее, словно пушинку, закружив

в танце, все ближе приближаясь к Пьеру и его подружке.

Пьер не обратил никакого внимания на кружащуюся рядом с ним пару, строя из себя холостяка, не обремененного ни детьми, ни «смертью» жены.

Тамилла была полностью разочарована в муже, она ощутила дыхание судьбы, решив, что Натаниэл был прав, что посоветовал ей поступить, именно разорвав всю слитность с семьей Этьенов, со всеми местами и вещами прежней жизни.

Она ощутила в себе неожиданный прилив злости, и была уже готова, подойти к Пьеру и надавать ему пощечин, положить стулья, сорвать скатерть со снедью с его стола, но чуткий Натаниэл понял ее состояние и медленно, в такт, увел с танцплощадки, сказав на ушко:

- По домам!

-Да! Да! – согласилась тут же Тамилла, чувствуя, что больше не выдержит испытание судьбы. Это было ее поражением!

Она видела знакомые лица людей, которые были вхожи к ним в дом, у многих и она бывала в гостях, но никто не признал в ней Тамиллу, и ей, как никогда, захотелось скорее сбежать вниз по лестнице и одевшись, сесть в машину Натаниэла, чтобы он увез ее, как можно скорее, от этой толпы прожигателей жизни.

Тоска охватила Тамиллу, жизнь перекрыла ее прошлое полностью, дав дыхание новой судьбе, в которой она еще не чувствовала ни особого счастья, ни радости, ни лучезарно-прекрасного времени, в котором ей было бы хорошо.

-Ты подожди, я на минутку заскочу в одно место,-попросил ее Натаниэл, останавливая машину.

Она задумчиво посмотрела в окно, подумав, что ждет ее дальше. Ведь по сути, Натаниэл делает все для того, чтобы

она стала его женщиной, хотя прекрасно понимает, что Тамилла всегда жила только Эмином.

Натаниэл и вправду, вернулся очень быстро, его лицо светилось радостью.

-Все получилось, как нельзя лучше, девочка моя! – воскликнул он.- Дома для тебя будет сюрприз!- загадочно сказал он.

-На сегодня сюрпризов хватит, - отозвалась Тамилла безучастно.

-Как знать! – улыбнулся он ей и его лицо покрытое множеством шрамов, стало каким-то жалким и отталкивающим.

«Чудовище!»-подумала Тамилла, стараясь не смотреть в его сторону. – «Что за сюрприз он мне приготовил?»

Всю дорогу они промолчали. Тамилла не могла знать, что думал Натаниэл, ее же, раздирало желание пойти к себе домой, в дом Пьера и продравшись через столько грязи, облившей ее телевиденьем и «желтой» прессой, заявить о себе, что она жива!

Когда они приехали, Натаниэл сказал ей:

-Пойди переоденься. В твоей комнате есть все, чтобы прилично одеться.

Тамилла вздохнув, сняв с ног туфли на высоком каблуке, поплелась в свою комнату и обнаружила на стульях, кровати и в шкафу столько одежды, которая ей и не снилась в доме мужа.

«Он меня хочет купить! – подумала она и чувство злости поднялось из глубин ее существа.- Перекрасил меня, как проститутку и думает, что купив мне все эти вещи, сможет заполучить меня!»

Она сбросила с себя вечернее платье и оделась в простые джинсы, теплую рубашку, забыв снять и колые и кольца, подумав, что сейчас как раз пришло время разобраться, что

хочет от нее Натаниэл, почему он сделал ее своей заложницей?!

Тамила поднялась к Натаниэлу, но его не оказалось в комнате.

-Натаниэл!- позвала его Тамилла.-Натаниэл!-крикнула она погромче.

«Что он вздумал сыграть со мной в прятки что ли?»-подумала она, спускаясь на свой этаж и все зовя его по имени. Но он, как сквозь землю провалился и не отвечал ей. В доме, как обычно, стояла мертвая тишина и только тусклый свет бра развешенных по стенам, создавал тусклое освещение вокруг.

Тамилла спустилась на первый этаж и тут же заметила яркую полосу света, выбивающуюся из подвального помещения. Она стремительно бросилась туда, с шумом распахивая дверь.

Натаниэл сидел за письменным столом и что-то писал. Он поднял на Тамиллу глаза в очках (их он никогда не снимал) и улыбнулся:

-Тебе очень подходит этот костюмчик...

-Натаниэл! - начала Тамилла и по ее резкому тону, он понял, что она не в лучшем расположении духа.

-Я слушаю тебя, - сказал он, вставая из-за стола и подходя к ней, почти вплотную.-В чем дело? Чтонибудь случилось?-он видел на ее лице нескрываемый гнев.-Я же хотел тебе сделать сюрприз...-он протянул руку и взял, что-то со стола.-Ну-ка, примерь на себя это...-Натаниэл протянул Тамилле паспорт.

-Эллис Деманд,-прочитала она и перевернув страницу увидела уведомление мери, что Эллис Деманд супруга Натаниэла Деманда. – Это я, что ли? – спросила она его, рассматривая свою фотографию со светлыми волосами. – Я

стала твоей женой без моего согласия? – она швырнула паспорт в лицо Натаниэлу. – Ты заманил меня в свой дом и окрутив меня вокруг пальца, как девочку-школьницу, не спросив моего согласия...

- Тамилла, ты не узнала меня, я – Эмин, родная моя, любимая, единственная...

Тамилла бросилась к двери, которую увидела, только что и открыв ее, выскочила в сад, не имея даже понятия, что он существовал в этом доме.

Натаниэл снимал с себя парик, очки... Но Тамилла продираясь через кустарники подошла к еще одной дверце и видя ее хлипкий вид, выбила ее ногой, и выбежав на улицу понеслась в темноту.

- Придумал тоже мне: Эллис...-все ругалась и ругалась она, не слыша, как Натаниэл звал ее из темноты:

-Тамилла, вернись! Ты делаешь большую глупость! Тамилла! Я-Эмин! Эмин!!

Но она уже забежала за угол и плохо ориентируясь в темноте, в незнакомом районе, все же продолжала бежать куда-то, думая только об одном, что все равно выбежит на какую-нибудь магистраль или знакомую ей улицу.

-Эй, крошка! – остановил ее приклатненный мужской голос, вплотную подойдя к ней.

-Пошел вон! – сказала Тамилла со злостью, стараясь оттолкнуть наглеца от себя.

-Что? Что? – вроде бы не понял тот, приставляя к горлу Тамиллы нож. – Ты еще со мной будешь разговаривать в таком тоне?

Он начал стучать каблуком туфли в дверь, держа нож у горла Тамиллы. Открывшая ему дверь женщина, видя бриллианты, сказала:

- Хорошая добыча у тебя сегодня, сынок. Папа будет доволен тобой, - и они вдвоем ловко втащили Тамиллу внутрь помещения, закрыв дверь.

7. Коридор был темным, и если рука Тамиллы касалась стены, то она ее тут же отдергивала от скользкой плесени и мха. И вот, ее наконец, втолкнули в тускло освещенную комнатушку и седевшая в ней женщина, непонятного возраста, поднялась с ветхого кресла и начала осматривать Тамиллу со всех сторон, оценивая, как вновь прибывший товар.

- Девочка не так уж и молода, - подвела она свой вердикт, - но для пьяных моряков сойдет. В порт они приходят все изголодавшиеся, как волки.

Тамилла вырывалась из рук держащих ее, и старшая им приказала:

-Отпустите ее! Куда она денется...-взяла ее руки и начала снимать кольца, затем вынула из ушей серьги, растянула цепочку и сняла колье, все бросив на стол, покрытый бархатной скатертью.

-Это все бриллианты или бижутерия?-спросила она в упор Тамиллу.

- Не знаю...-процедила та сквозь зубы.

Все трое, с жадной алчностью бросились на драгоценности, рассматривая их на свет, протирая краем скатерти. Казалось, Тамилла их уже не интересовала, и та, крадучись, словно кошка, выскочила из комнаты и помчалась по темному коридору, наугад, к двери. Она уже достигла ее, старого дерева, с массивным железным засовом, который хотела уже открыть, как в дверь забарабанили кулаками с такой силой, что она от испуга отлетела в сторону, вжавшись в мокроту стены.

- Иду! Иду!!-завопила женщина выскочившая из комнаты

и открывая засов, бросила на ходу:

- От нас не убежишь, - видимо заметив Тамиллу вжавшуюся в стену, и подойдя к ней начала хлестать ее по щекам со всей силы.

В открытую дверь ввалился огромных размеров мужчина и видя происходящее, засмеялся каким-то неестественно грубым хохотом:

- Что, новенькая? Молода? Красива? Ко мне ее в комнату...
- и пошел по коридору, громко стуча своими, видимо большого размера, сапожищами.

Женщина на секунду выпустила Тамиллу, чтобы закрыть дверь, а затем вновь схватила, но уже за волосы и потащила по коридору в комнату.

- Дура! – заорала на нее, «старшая». - В чего ты превратила ее. Била зачем? Все лицо горит, не было бы синяков... Запомни: это товар! А с товаром нужно обращаться аккуратно! Каким бы он не был.

- Она хотела убежать, - хотела оправдаться женщина, но сама получила такую звонкую оплеуху, что взвыла от боли.

- Приведи ее в порядок! – грозно приказала «старшая». – Я же пойду кормить хозяина.

Женщина притащила не первой свежести таз, и начала умывать Тамиллу грязноватой водой. Затем обтерла ее лицо таким же грязным полотенцем, от которого воняло за километр и начала натирать ей щеки красной помадой и подводить глаза какой-то черной краской из бутылочки. Волосы она ей расчесывала с такой силой, что слезы непроизвольно, сами лились из глаз. Затем она поднесла к лицу Тамиллы зеркало и та, чуть не упала в обморок: из нее сделали страшилище, стерев весь человеческий облик. Затем сняли новенькие джинсы и новую рубашку, одев в какое-то несущ-

разное платье, висевшее на Тамилле, как на вешалке.

-Для портовых сойдет,-засмеялась женщина.-Бывали и похуже, - и она вновь начала истерично смеяться, никак не желая уgomониться.

- Хозяин зовет! – сказал мужчина, который затащил Тамиллу с улицы, почему-то с испугом в голосе.

Тамиллу, как пленницу, вновь повели по коридору, вводя в ярко освещенную комнату, где за столом сидел хозяин и смачно обдира л своими огромными зубами баранью ляжку. Осушив бокал с вином, он обтер руки о скатерть и поманил ее толстым пальцем подойти к нему поближе.

Тамилла не сдвинулась с места.

- Я с тобой говорю, обезьянье отродье!-зло крикнул мужчина.

Одна из женщин, что-то зашептала хозяину в ухо, показывая на Тамиллу.

-Да?-удивился тот.-Ну-ка покажите мне богатство этого чучела.

Ему поднесли на тарелке все снятое с Тамиллы до этого.

Хозяин хмыкнул.

-Богатая пташка залетела в наши края... - сказал он, перебирая кольца, смотря на каждую вещь с подозрением.-Видимо бижутерия, -отшвырнул он от себя изделия.-Куда уж этому чучелу иметь такие драгоценности.

Он смачно отрыгнул. Налил себе еще полный стакан вина и залпом опрокинул его в свой рот, больше напоминавший грязную, зловонную пещеру.

-А теперь я лично должен попробовать этого цыпленка на профпригодность, а потом, - он указал на мужчину, - ты отвезешь ее в порт к старухе Мими. Не торгуйся, сколько даст за нее, бери...

Хозяин вышел из-за стола и начал медленно, пританцовы-

вая подходить к Тамилле, вытягивая свои огромные руки с лапищами, желая ее обнять.

- Прочь! Прочь от меня, - завопила Тамилла, отбегая от него, в сторону.

Две женщины и мужчина захохотали, визжа от предстоящего шоу.

У хозяина же, потекла слюна, от предстоящей программы, которую он, вероятно, не раз уже проделывал здесь.

Самозабвенно, пьяно, сладострастно зажмурившись, он мотал головой из стороны в сторону, демонстрируя хищного зверя.

Тамилла вновь заметалась, видя, что еще мгновение и этот великан достанет ее, заключив в объятия.

- Начинаем наше представление! - неожиданно заявил он, своим громовым голосом и посмотрел на Тамиллу дикими глазами, от взгляда которых, она почувствовала в себе, что-то ужасно страшное.

- Снимите с нее одежду! – приказал он женщинам.- Я хочу видеть натуру живьем!

- Если только одна из вас прикоснется ко мне, - гордо сказала Тамилла, -я устрою вам такой праздник...-она резко подскочила к столу и схватила огромных размеров нож, почти тесак, которым хозяин резал мясо и приставила его к своей груди. – Ну, кто будет первой?- выкрикнула она, зло рассмеявшись. - Ну?

Хозяин, что-то пробормотал невнятное, а женщины с визгом выскочили из комнаты.

-Ты-блоха! Блошка!- зарычал на нее хозяин.-И ты считаешь, что нож поможет тебе? Ты будешь моей! Я уже готов!- он неприлично потряс рукой гульфик.-Я люблю таких как ты, непокорных девиц! Брать их, одно удовольствие!

«Нет уж! Нет!» - подумала Тамилла, уверенная, что даже держа в руках нож, никогда не справится с этим громилой.

-Получи же меня! – крикнула она, вонзив нож себе в грудь. Кровь брызнула, заливая пол.

-Ей вы, шалавы проклятые! – в страхе завопил хозяин. – Она покончила с собой! Ну-ка, заворачивайте ее в самое старее одеяло и несите на свалку! Черт бы ее побрал, натворить такое в моем доме!

Женщины и мужчина закружились по дому, словно осы, с брезгливостью укладывая тело Тамиллы на какую-то ветошь и под недовольные крики хозяина потащили его по коридору, вынося на улицу.

Была ночь. И трое людей, в необычном напряжении, пронесли под прикрытием темноты к близлежащей свалке и бросив свою ношу, еще быстрее промчались обратно к дому, тут же закрывая дверь на засов.

8. Тамилла очнулась от неприятного запаха карболки, йода и каких-то сильно бьющих в нос лекарств.

-Господи!-услышала она, чей-то женский голос.-Девушка пришла в себя.

Тамилла открыв глаза увидела рядом с ее кроватью стоявшую монахиню и облегченно вздохнула.

- Сестра...- еле-еле произнесла она, чувствуя на груди тугую повязку, стягивающую ее тело.

Монашка подставила свое ухо к ее губам:

- Где я?

- В больнице для бедных, дитя мое, - ответила ей та. - Где же тебе еще находиться, бедняжке...

- Я из рода Этьенов, - выдавила из себя Тамилла.

- Какое это имеет значение, - ответила ей скорбно монашка. – Тебя нашли на свалке, утром, будь ты из рода самого Рокфеллера...

Боль пронзила грудь Тамиллы и она вновь впала в беспомощность.

-Ей бы хороших лекарств...-задумчиво сказала самой себе монахиня. – А так...-она махнула рукой, куда-то в сторону и присев на колени, стала читать молитву.

Подошедшая медсестра сделала Тамилле внутривенный укол, от которого та вновь начала приходить в себя.

-Ну и что нам с ней делать?-спросила медсестра у читавшей молитву монахини.-Ни документов при ней никаких нет. Никто ее не ищет, а уже прошла неделя. Куда ее?

Тамилла услышав последние ее слова, вновь попросила монахиню приблизиться к ней:

-Скажите матушке Катрин из монастыря кармелиток, что это я -Тамилла лежу здесь. Пускай она придет...-и вновь отключилась.

-Видите, сестра, она знает саму матушку Катрин. Позвоните сейчас же ей. Эту девушку нужно перевести в лучшую клинику.

Когда Тамилла очнулась в следующий раз, то не поверила своим глазам: не пахло карболой, йодом и лекарствами, а возле ее кровати с одной стороны стояла матушка Катрин, с другой – Натаниэл, но без шляпы и длинных волос, без очков, хотя лицо и было все так же обезображено множеством шрамов.

-Господь услышал наши молитвы! - сказала матушка Катрин, крестясь на образ Иисуса Христа, а затем целуя в обе щеки Тамиллу.

-Что ты наделала! – сказал все тем же скрипучим голосом

Натаниэл. – Ты не узнала во мне своего Эмина? А я так хотел, чтобы у нас с тобой все сложилось!

-Не упрекай ее, - остановила его матушка Катрин. – У вас и так все будет хорошо, ведь вы любите друг друга.

Тамилла стала всматриваться в Натаниэла. Нет, она не узнавала в нем Эмина. Она отрицательно помотала головой.

-Да, девочка моя,- сказала ей матушка Катрин. – Это твой Эмин, сменивший после 11 сентября свое имя. А обезобразил его твой прежний муж, Пьер...

-Он был на острове?-у Тамиллы хватило сил, даже подскокнуть от такой новости, на кровати.

-Да, душа моя!-сказал Эмин.-Был! И ты видишь, что он натворил со мной!

-Это большой грех, убить человека,-сказала матушка Катрин.-Даже попытка, мысль-грех! Он ответит за это.

- Как это случилось?-Тамиллу будто прорвало.

-Тише, меньше эмоций, родная,-сказал ей Эмин, показывая на капельницу, тянущуюся своим шнуром ей в вену.-Он приехал убить меня на остров под прикрытием ночи. Я всегда закрывал дверь спальни на втором этаже. Окна были задраены решетками. И он совершил поджог, предварительно, закрыв дверь с обратной стороны. Политый керосином этаж, вспыхнул быстро, а я никак не мог выбраться из западни. Ни дверь, ни решетки не поддавались взлому. И когда комната рухнула вниз, он искалечил мое и так изуродованное огнем лицо, злорадствуя:

- Она тебя никогда не узнает, если даже ты останешься жив! Но ты умрешь! Умрешь! Тамилла будет моей!

Он уехал...А меня выходила моя служанка. У нее целый арсенал лекарственных трав и заговоров на здоровье.

Эмин умолк.

- И это мой сын! – сказала с укором матушка Катрин.
- Как ваш сын?!-хором спросили ее Эмин и Тамилла.-
Пьер?!

-Да, дети мои. Уж раз мы разоткровенничались сегодня, то...

-Говорите, матушка,-попросил Эмин, и Тамилла замахала головой в знак согласия.

-С мадам Изабелл мы были не просто сестрами, а двойняшками. Матушка, царство ей небесное, родила нас в один день, с разницей в час с небольшим. С раннего детства сестра возненавидела меня, ох и натерпелась я от нее пакостей! Затем пропала неизвестно куда. Оказалось, занялась магией и уплыла на остров Гаити, где обучают многим магическим ритуалам, в том числе и вуду. Она стала-мамбо, жрицей вуду, обязанная пожизненно работать на Барона Субботу. Барон Суббота- «повелитель мертвых» и через жрецов вуду можно получить любой ответ через прямой контакт с загробным миром.

Я уже вышла замуж и родила Пьера, и, как-то раз, ночью, страшно испугав меня, ко мне в спальную комнату проникла Изабелл, о которой все уже давно забыли...Этой же ночью она отвезла меня в монастырь и приказала, молчать, видимо проведя надо мной магические обряды и...стала матерью Пьера и женой моего Франсуа...

- И они не догадались об этой подмене, -вскричал Эмин.

-Мы были очень похожи с ней: одно лицо... А имена... Она была Катрин, а я-Изабелл, но вот и здесь все на подмене... Но Пьер! Пьер!!! Она из него сделала не человека! Я рада, что в моем монастыре обучаются две мои кровные внучки, я их так люблю! И тебя Тамилла всегда считала самой лучшей невесткой, женой и матерью на свете, хотя хорошо знала об Эмине, о твоей любви к нему... Ты сейчас на-

ходиться в моей опочивальне, родная. К тебе приходят самые лучшие врачи. Я сама молюсь о тебе лично и хочу, чтобы весь свет узнал о подлости Изабелл и Пьера!

Неожиданно дверь распахнулась и влетевшая вне себя мадам Изабелл, подлетела к кровати Тамиллы.

-Так ты жива, негодная!-бросила она ей с упреком.-Тебе никогда не бывать женой Пьера! Никогда!

Оказалось, что за ее спиной возник Пьер, и, как обычно полез с поцелуями:

-Я так рад! Так рад, что ты жива, - начал он, но мадам Изабелл оттолкнула его от кровати:

-Слизняк!-сказала она ему дав пощечину.-Конечно, от такой матушки может родиться только такое бесхребетное существо!-и вылетела за дверь, таща, за собой Пьера крича на ходу: - Все равно вы все подохните!

В комнату вошел месье Франсуа.

-Извините ее...-начал было он, но матушка Катрин не выдержав, обняла его:

- Франсуа...милый!

- Изабелл?!-тут же узнал он свою любовь.-Ты и... матушка... настоятельница монастыря? Я сразу понял, что, что-то произошло... Что это не ты около меня находилась все годы...

- Пойдем, мой любимый муж, поговорим в другом месте... Они вышли, оба плача.

-Натаниэл, прости меня, что я в тебе не узнала Эмина. Знаешь, я очень беспокоюсь об Эми, сыне. Ведь эта мадам Изабелл способна на любую пакость. Тем более, когда она мне гадала, а у нее есть магический салон мадам Лили, то она сказала, что я лишусь сына.

-Ты только не волнуйся, любовь моя! И набирайся сил. Я лично прослежу за мадам Изабелл. Должен сказать тебе, что

ту шайку обокравшую тебя, поймали. Они сдали твои бриллианты в ломбард, не зная истинной цены и были уже на прицеле полиции. И не зови, родная моя, меня Эмином, для всех я – Натаниэл. Но ты не захотела стать моей женой, - погрозил он ей пальцем, улыбаясь.

-Я хочу восстановить свое имя, Натаниэл. Честное имя! А не быть той, что занималась в машине минетом! Я стану твоей законной женой! С Пьером покончено раз и навсегда!

-Тамилла и еще: я должен сказать тебе, что я продал свой остров, я не мог оставаться на нем... Извини!

- Я тебя понимаю... Кому?

- Изабелл...

-Изабелл?!-вскричала Тамилла.-Ты немедленно должен поехать туда. Мое сердце предчувствует, что это чудовище, мадам Изабелл заберет Эми именно туда, раз ее карты открыты все до одной!

- Еду, любимая! – Натаниэл расцеловал Тамиллу, и ей он уже не казался после всех откровений противным и уродливым чудовищем.

9. Заявив в полицию о проделках мадам Изабелл, на нее было заведено дело. И эксгумация тела показала, что захоронена действительно не Тамилла Этьен, а совершенно другая женщина.

Эльмира и Эльвира теперь всякий раз, с позволения матушки Катрин, были у постели матери, радуясь, что она осталась жива.

-Как ты решилась на такое?-спрашивали они ее.-Убить себя?! Ведь нож, чуть-чуть не задел сердце!

- Лучше-смерть,-ответила Тамилла,-чем попасть в бордель

для моряков!

-Ну ты, чуть-чуть не задела сердце...-вновь повторила с ужасом Эльмира.

- Тогда бы все! Тебе был бы конец!

- Бог справедлив! Он все видит! Это Он отвел от меня беду, сделав так, чтобы я выскочила из этого бедлама, этого ада...

-Ну-ка, болтушки мои,-входя сказала матушка Катрин своим внукам,-на занятия! Или вы не видите, что до звонка осталось всего пять минут?

Девочки выскочили за дверь, посылая воздушные поцелуи.

-А ты, Тамилла сейчас поднимешься и немножко пройдешься по комнате. Нужны движения и...молитвы, родная моя, доченька.

Тамилла стоя у окна видела, как побежали через двор ее дочки и невольно прослезилась, так они были резвы и хороши.

-Матушка, что слышно о мадам Изабелл?-спросила она.

Матушка Катрин, начала креститься и читать какую-то молитву. По окончании ритуала, она сказала, обнимая Тамиллу:

- Ее не могут найти, девочка моя. К сожалению, вместе с ней пропал и Эми!

Тамилла изменилась в лице:

- Я же говорила Натаниэлу, что нужно поехать на остров! Уверена, она прячется там!

- А если на Гаити? – спросила ее матушка Катрин. – Не забывай, что она – мамбо, жрица вуду и ей, скорее нужен Барон Суббота для своих черных дел.

- Ну причем тут Эми, ребенок?

Матушка Катрин только махнула рукой:

- Кто знает этих чертовых прислужников, - и тут же, подойдя к распятию Христа, начала молиться.

Тамилла взяв сотовый телефон, вышла в коридор и позвонила Натаниэлу:

- Ну что там нового?-спросила она.

-Суд оставил в силе ваше расторжение брака с Пьером, это раз.

- Ура!!!-воскликнула Тамилла.

- Деление наследства Этьенов тоже в большем размере в твою пользу и в пользу твоих детей. Но возрадуйся, душа моя, моя любовь, остров на Карибах вновь наш! Он отошел тебе по наследству! Тебе! Он твой!

-Ура! Ура!! Ура!!!-прокричала Тамилла.-Я всегда мечтала жить рядом с тобой именно на этом острове, любимый!

-И еще новость: сегодня группа полицейских и я, конечно, выезжаем туда, на остров.

-Натаниэл! Родной мой! Я с вами! Мне уже хорошо! Я не хочу больше лежать в кровати! Уже прошло столько месяцев! Родной мой, ну пожалуйста! Прошу тебя!

-Приготовься, - не смея отказать ей, ответил Натаниэл.-Я заеду за тобой к двум часам дня!

-Спасибо! Я люблю тебя! Люблю!

-А я тебя-обожаю, любимая моя! Уверься, все будет хорошо! Мы обязательно найдем эту мерзавку. А главное: Эминчика.

...Корабль неся с бешеной скоростью к острову Натаниэла, хотя теперь по документам он принадлежал Тамилле.

Сидя в каюте, Натаниэл всячески успокаивал ее, прижавшуюся к нему, как маленький ребенок, требующий защиты.

-Кто знает, куда отвезла Эми эта стерва,-рассуждала Тамилла. -А если на Гаити, чтобы его обучили черной магии и мой мальчик стал бокором – колдуном?!

-Он слишком мал для обучения. Разве можно обучить трехлетнего ребенка магии? Не выдумывай, прошу тебя. Он еще мало, что понимает...

-А если, - выдвигала она новую версию, - эта мадам Изабелл принесет его в жертвоприношение?

-Тамилла! Прошу тебя...ну сколько можно выдвигать сумасбродных версий! Лучше выпей лекарство и поспи. Мы будем на острове только рано утром...

-Что-то нехорошее предчувствие жжет меня. Ведь мадам Изабелл ясно мне сказала, когда я была в ее салоне: «За свою роковую любовь ты заплатишься своим сыном!» Да я не раз слышала, что за все в этой жизни нужно платить, понимаешь, самым дорогим! Я обрела тебя, бесценный мой, но... могу потерять сына...

-Ты сама притягиваешь к себе дурные мысли, которые могут материализоваться! Тамилла, любовь моя, ты можешь думать о хорошем?! Радостном?! Возвышенном!

-Нет!-ответила она глотая слезы.-Не могу, Натаниэл! Как ни стараюсь, не могу...

-Своими речами ты должна притягивать к себе чистые мысли, они должны вывести тебя к просветлению. Призывай в своих словах добродетелей благословенных мудростью. Не пребывай в заблуждении! Освободи свой ум от мысли о мадам Изабелл. Не нужно разжигать в себе огонь печали!

-Господи! Как много ты знаешь Натаниэл успокоительных слов, но мой ум настолько пуст сейчас, что причиняет мне боль и страдание, не ведя к просветлению, а заводит в дебри, понимаешь?!-Тамилла откровенно разрыдалась.

-Ты многое пережила за это время, моя девочка!-грустно сказал Натаниэл.

-Но это - жизнь! Интервью моей жизни,-добавила Тамилла.- Путь моей обыденной реальности чересчур тернист, мне кажется, он бесконечен в слезах и горе!

-Все устаканится, родная моя! Вот увидишь, вдвоем нам

будет легче.

- Я верю тебе, Натаниэл, верю!

Так они проговорили всю ночь, а утром, когда занялась заря, корабль начал пришвартовываться к небольшой пристани.

Полицейские первыми покинули корабль сойдя на берег. Вокруг все было тихо.

-У меня здесь было всего двое рабочих,-сказал Натаниэл,- муж и жена. Они живут, если еще живут здесь, вон в той хижине,-крикнув: - Исмаил! Исмаил!!Марьям!

Тамилла спросила:

- Они-мусульмане?

-Да, арабского происхождения, марроканцы. Я их нанял на торгах. Не знаю, остались ли они на острове при новой хозяйке. Исмаил!-крикнул Натаниэл как можно громче, подходя к их хижине.

-Боже! А что стало с твоим домом,-сказала Тамилла, с жалостью смотря на обгоревшую фазенду.

-О! Хозяин!-на ходу одеваясь, выскочил им навстречу, заспанный Исмаил.-Какими судьбами?-он почтительно склонился перед Натаниэлом, целуя ему руку.-Марьям,-позвал он жену.-Хозяин вернулся.

Тамилла сразу же признала в вышедшей к ним женщине, ту, что передала ей письмо от Эмина и забытый шарф.

Она так же, склонилась перед Натаниэлом в поклоне, целуя ему руку.

-Теперь здесь хозяйка она, - Натаниэл указал на Тамиллу. – Хозяйка острова – Тамилла ханум Деманд, моя супруга, - он притянул ее к себе, целуя.

- Скажите Исмаил, - спросил начальник полиции строго, - кто еще, кроме вас, находится на острове в данное время?

- Мадам Изабелл, - тут же выпалила Марьям.

- Она обвиняется в краже ребенка трех лет – Эмина Эт-

ена. Есть ребенок на острове? И где сама мадам Изабелл?

Марьям, глядя на Тамиллу и Натаниэла, потупила свой взгляд, прикрывая краешком платка свой рот.

- Ее парализовало, начальник, - ответил Исмаил, показывая на пристройку к их хижине.

-Мадам Изабелл парализовало?–вскричала Тамилла, ринувшись в пристройку из банановых листьев и каких-то коряг.

Полицейский включил фонарь, следуя за Тамиллой.

На топчане, сколоченном из каких-то бревен, на тонкой ветоши лежала с широко раскрытыми глазами мадам Изабелл, не смея вымолвить ни слова, парализованным языком, она только мычала что-то, исторгая слюни...

-Доигралась ведьма?-спросила ее Тамилла, испытывая в себе сильную внутреннюю дрожь.-Где Эми? Куда ты его дела?!

Мадам Изабелл еще сильнее вся затряслась от испуга, увидев Тамиллу и что-то внутри начало в ней булькать от перенапряжения, как в дьявольском котле.

- Оставьте ее в покое, - сказал Исмаил. – Идемте со мной...

Тут раздался душераздирающий плач Марьям.

Тамилла все сразу поняла, увидев небольшой холмик покрытый цветами.

-Это...это...-она не находила слов, чтобы выразить свою мысль о сыне.

-Да, здесь покойся ваш малыш, мадам Тамилла,-сказал Исмаил.- Все произошло неожиданно... Мадам Изабелл приехала на остров в сильном волнении и попросила переправить ее на какой-нибудь остров подальше от этого. Она предлагала большие деньги, но, почему-то, яхта на которой ее сюда доставили, капитан категорически отказался это сде-

лать.

Малыш, как все мальчишки в его возрасте, начал с любопытством исследовать остров и полез в обгоревший дом. Мы с Марьям просили его, чтобы он не поднимался на второй этаж, но шалунишка, как будто бы нам назло, полез наверх. Мы и не поняли, как это произошло: малыш оступился и падая напоролся на штырь, который и проткнул его насквозь... Он даже не успел закричать. А мадам Изабелл увидев это, тут же замертво упала рядом с нами: ее от увиденного тут же парализовало!

Тамилла, как онемевшая стояла рядом с могилой сына. Не было ни слез, ни стонов, в этот момент, она, как будто умерла сама.

Натаниэл удержал ее, чтобы не упала, прижав к себе, как маленького ребенка, и она сказала ему с укором:

-А ты говорил, что у нас все будет хорошо...

10. Начиналось лето и Тамилла приехала в монастырь по-видать своих девочек и матушку Катрин, к которой ее всегда тянуло как к самому близкому и родному человеку.

Девочки, увидев мать, бежали по монастырскому двору визжа от радости.

-Мама!

-Мамочка! – кричали они, стараясь перекричать друг друга.

-Ну разве этому вас учат в монастырской школе, давая такое воспитание? – вышла вслед за ними матушка Катрин, была недовольна их поведением.

- Ну разве так можно? – сказала Тамилла дочкам. – Вон как недовольна матушка Катрин, глядя на вас!

Но девочки висли на Тамилле от радостной встречи с ней, целуя и обнимая ее.

Подошедшая матушка Катрин, погрозила внучкам:

-Ну-ка, уgomонитесь! Я понимаю вашу радость, но есть рамки приличия.

-Да!-согласились девочки.-Мы, что-то разошлись,-и вновь громко засмеялись.

- Уж простите их, матушка,-заступилась за них Тамилла. – Это я виновата, что не была у вас несколько месяцев. Натаниэл затеял огромную стройку и я стараюсь во всем ему помочь. Хочется, чтобы хоть один этаж был полностью закончен и вы все вместе приехали бы к нам отдохнуть.

- Это было бы здорово! – сказала Эльмира.

- Конечно! Мы-за! – добавила Эльвира.

-А я... никак не смогу, Тамилла, - уж очень дел много и... -она показала, качнув головой в сторону другой аллеи, как раз по которой, две сестры-послушницы везли в инвалидной коляске мадам Изабелл.

-Она всем нам причинила столько горя, - в сердцах сказала Тамилла. – Эта ведьма в монастыре! Уму непостижимо!

Матушка Катрин тяжело вздохнула, осеня себя крестным знаменем и целуя четки.

-Ты думаешь, находясь в таком состоянии, она ощущает радость жизни, у нее вечный ад, здесь, на Земле. Я специально положила ее в нашей монастырской больнице, чтобы следить за ее лечением.

-Вы, матушка – святая!

-О святости или подлости человека будет решать Всевышний на небесах, а пока... Я действую по канонам церковных заветов и правил, и по своему личному желанию.

-А меся Франсуа? Как он?

-Обижен на меня, что я не сказала ему в свое время правды. Он чувствовал, что рядом с ним ни я, что я не могла

так измениться после рождения Пьера. Но врачи говорили, что такое возможно с женщинами после родов. И он верил. Верил врачам и жил с этим исчадием ада. А сейчас, когда прошло столько времени, когда я приняла сан настоятельницы и полностью посвятила свою жизнь служению Отцу нашему, что может измениться в моей и его жизни? Он приходит сюда чаще обычного к внучкам, ко мне, мы ведем с ним беседы о Боге и Священном Писании, ну и, иногда заглядывает к мадам Изабелл, чтобы отдать чисто человеческий долг больному человеку.

-Что говорят врачи?

-У нее уже почти что мозг прекратил свои функции. Она-овощ! Просто – овощ! Ее держит крепкое сердце... А в общем-то, мадам Изабелл - это и не человек уже, ведь она ничего не понимает, не слышит... Хочешь, я позову сиделок подкатить ее к нам?

- Нет, матушка Катрин, нет! – остановила ее Тамилла. – Этого делать не нужно, - и она зашептала матушке на ушко: - Я беременна! И хочу видеть все только красивое!

-Да, такой обычай существует! Поздравляю, доченька! Я так рада за вас с Натаниэлом.

- А мы все знаем! – засмеялась Эльмира.

- Все-все знаем!-вновь расшумелись, на время примолкшие, девчушки.

- Ну и что же вы знаете? – спросила их матушка Катрин. Девочки захихикали, сжав у рта кулачки.

-Ну?-подтолкнула их к откровению матушка Катрин.-Говорите же...

-У мамы скоро будет малыш, - сказали девочки почти одновременно.

- Это будет наш Эминчик, - сказала Эльвира.

-Да, мамочка, это должен быть обязательно Эминчик!-ото-

звалась, со стеснением, Эльмира.

-Да, это будет Эминчик,-сказала более чем утвердительно Тамилла. – Я еду с консультации и УЗИ показало, что будет сын!

Матушка Катрин прослезилась:

-Будь очень осторожна, Тамилла. У вас стройка, не подними чего-нибудь тяжелое...

- Матушка, - рассмеялась Тамилла,-ведь дом строят мастера!

- Ну все, проказницы мои,-строго сказала девочкам матушка Катрин. – Или вы не слышали прозвеневший звонок на урок?! Ну-ка, быстренько попрощайтесь с мамой, и... бегом, бегом в класс...

Когда девочки убежали, Тамилла спросила у матушки Катрин:

- А как же Пьер?

-Он редко бывает здесь. Редко навещает и девочек, и мадам Изабелл, хотя той все равно, кто рядом с ней, никого не узнает.

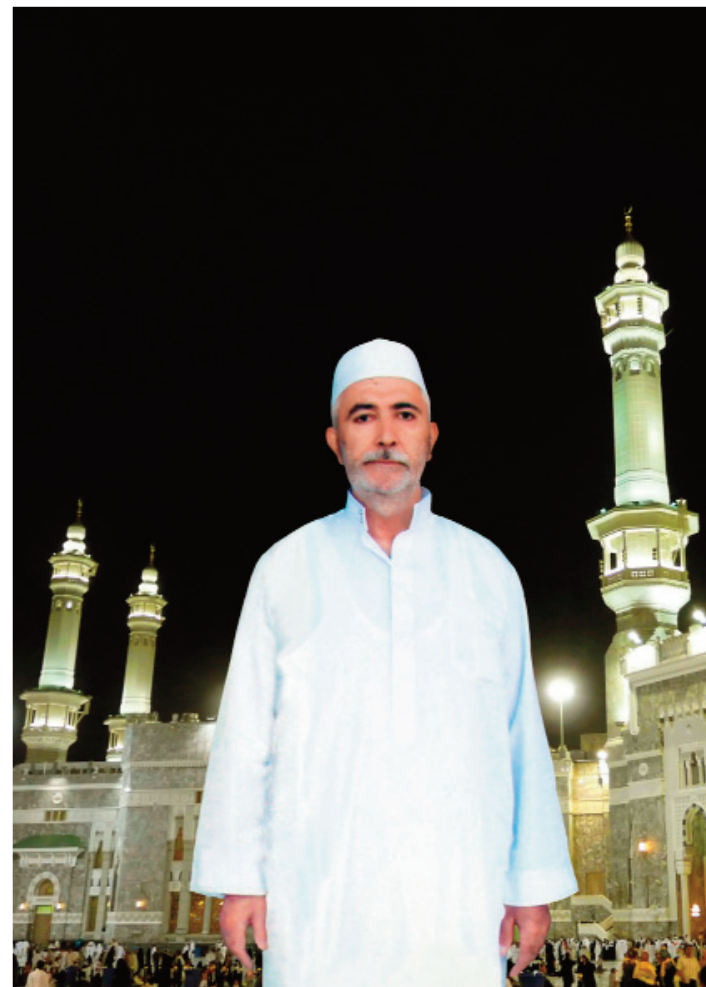
- Почему же так?

- Видимо ему стыдно за все то, что произошло... Жениться он не женился, все больше в работе. Ты же знаешь его, как ученого. За каждым новым фактом, он готов мчаться на край земли... Меня удивляет другое, дочка: как быстро он потерял семью...

- Еще все образуется, матушка...

- Дай-то Бог, дай-то Бог...

Конец

Хаджи Заур
1943-2011

ЭЛЕГИЯ

Посвящаю хаджи Зауру

Мысли полны тайных сил,
Больно жалят мозг усталый,
Жизнь, как путник запоздалый,
Душу мне разбередил.

Отчужденья пью яд сладкий,
Слезы горькие из глаз.
В дне обычном страшен час,
На тоску и скорбь он падкий.

Тишина... Луны лишь тень,
Наполняет дом дыханьем.
Вижу лика очертанье
Твоего, как в будний день.

Спишь, увы, без пробужденья,
Вечный сон сжирает прах...
Может было все ни так
В жизни нашей... Но виденье

Отметает тяжесть дум,
Тень стоит и глаз не прячет.
Мое сердце ж горько плачет,
Оголяя нервы струн.

Но распахнутая осень
Вмиг закроет луч луны
И я знаю: точно ты
Был сейчас... и сгинул в просинь...

Краткий миг... Вернись ко мне,
Чудом дождика омывшись...
Но увь... Ты вряд ли слышишь
Слова скорби о себе...

ТОСКА

Жестокая злодейка с рассудком не в ладу
И душу не врачует, и сердце, как в аду.
Разнузданна, кичлива не сбиться ей с пути,
И в каждое мгновенье и к вам может зайти.

Премудрые философы, ликуя по весне
Стараются судачить, что обрели в себе:
Спокойствие и радость, тоске их не пронять,
Но в суете созвучий, ложь будет волновать

Греховно воспаряя, чуть скрасит краткий век
И мир несовершенный познает человек.
Кем б не был он, от Бога, в руках сила Творца,
Он движет свод небесный с начала до конца.

Тоска же, лицедейка, дни, ночи напролет
Земные ощущения к вам ближе подведет.
И грусть омоют слезы покорствуя судьбе,
Чистейшего начала не обретя в себе.

ПРОКАЗНИК АМУР

Былые времена... в бессоннице ночной,
Пленительны, в мгновениях отрада.
Да, было, было... Но прошло... Разладом
Года несущиеся от весны, спешат порой,

А осень покориться многим уж велит,
Все отнимая, в хитром исступленьи,
Всех ставя пред зимою на колени,
Перечеркнув любовь и сердца жар уж не тревожит, он забыт...

Огонь затушен, и Амур, мальчишка бывший чудный,
Негодник, всем язвит, смеясь над тысячами тел,
К которым он, страстями охладел,
Становится не божеством, а дикарем коварным, и занудным.

Проказник, отплатив ценою непомерной,
Вселяет старость и болезни в каждого из нас.
Удар свой нанести готов он каждый час,
Круг очертив предательский, но верный.

Куда уж старикам вселять ему любовный жар,
Тоскать бы еле-еле ноги волочив, презренным сердцедам.
Все в прошлом, чуда нет, как места нет победам.
Увь! Растерян драгоценно-сокровенный дар.

Я слышу скорбный вздох блаженного Орфея,
Что песни пел и завлекал прекрасных дев в свой круг.
Считал себя бессмертным он, меняя радостно подруг,
Записывая каждую красавицу в тетради лишь трофеем.

Бесстыдный мир, нескромный... Времена...
Жива любовь! Юнец, лови мгновенья
И прояви любовник молодой побольше рвенья,
Пока еще в тебе любовь жива, не отмерла.

Знай наперед: короток век, казалось бы, нетленный,
Мелькнет мгновеньем, превратишься в старика
И будешь удивляться потрясенный, думая недавно свысока,
Ты о любви возвышенной, бредовой, совершенной...

СОБЛАЗН

Случай соблазном бесовским,
Хочет замучить до боли.
Я же смотрю философски
На дерзость его... Я на воле!

И мне от страстей и фантазий
Избавиться благословенно б,
От слов и удушливой грязи
Плыть дальше по жизни смиренно.

Таинственность любвообилья,
Греховность, а не отрада,
Распутства союз и насилие
Чванливо-блудливого стада.

Какие б в том были сомненья,
Ведь каждый день дарит урок нам изъяна.
Быть может и это стихотворенье
Глупцу вселит благоразумье, что он человек, не обезьяна.

УСЛЫШЬ МОЕ СЕРДЦЕ

Услышь мое сердце – немеркнущий жар,
Когда-то ты чувствовал этот пожар.
Когда-то любовь души наши дробила,
Их вдребезги, как-то случайно, разбила.

От слез горьких тех не осталось следа,
Безумно любить... Но теперь я одна...
И слезы мои, в них одна чистота,
Очищена я белизною Христа.

Услышь мое сердце и вновь мне скажи,
Слова, как в конверт свой, когда-то вложи.
Чарующий голос печалью объят,
Я верю, что вновь наши души горят.

Я верю, и знаю, наступит наш час,
Любовь благозвучьем вселится вновь в нас.
И песни воспетые страстью твоей,
Вновь будут божественным гимном всех дней.

Услышь мое сердце, твое обожгло,
В объятиях сладких, трепещет оно.
Мы снова ожили, вернись же ко мне,
Я знаю, как душно в чужой стороне.

Единственный! Знаю игру бытия
И знаю, как манят родные края.
Услышь мое сердце: тобой я живу,
Ведь знаю, страдаешь: тебя я люблю!

Мой сон, мое Солнце, мой Ангел, мой вздох,
Моя бесконечность, в молитве – мой Бог,
Мое упование, мой трепет, мой путь...
Услышь мое сердце и вновь рядом будь.

СПАСЕНИЕ

Не уснуть сегодня и не видеть сны,
Тишиною скованна и лучом Луны.
Чары слишком грустные болью мне встречать,
В мраке птицей белою только бы мне стать.

Крылья б мне расправить и к тебе лететь,
Песню колдовскую твоей душе спеть.
Звездные виденья тайной зримых слов
Тень успокоенья, но, увы, нет снов.

Мысль во тьму уводит, каждый шорох, звук,
А судьбы творенье холод тонких рук...
Каждое мгновение милости прошу,
Божее спасение я в себе ношу.

ДАР

О, дивный хоровода круг
Земных таинств священных.
Через прозрение прорицателей блаженных,
В искусстве демонических услуг.

Необратимой силой естества взрывает пламя,
Дух трепетный, неожиданно, вводя в грех,
Восторгом наполняя сердца всех,
Кто возликует вне божественного храма

Отца небесного. Несущих вреда суть,
В неистовстве своем, которому нет счета.
Занятье Сатаны, его забота
Втянуть как можно больше грешников, не праведных отнюдь.

О, ремесло! Во зло, берущее от грязного начало,
Которое повергнуть может только в ад.
Ведь нет пришедшим к Сатане пути назад,
Он тоже обладает мощью небывалой.

Унизив правду и добро, возвел в величье ложь,
И всех, кто слаб, он взял на услужение рабами.
Рассудку вопреки, увлек тлетворными и лицемерными
словами.

И создал мир свой хитроумный на себя похож.

О, дерзость! Непочтительность ценою непомерной,
Когда заблудших всех он вводит в свой чертог.

ГРЕЗЫ

Меркнет вечер темных бед,
Полутени испытаньем.
Холод, мгла, тоска изгнанья
Грез, несущих собой бред.

Дух не дышит, стержнем ад,
Пришлых всех воспоминаний.
Звук разорванных признаний –
Было... Вижу даже твой я взгляд...

Незаконченные сплетни всех разнужданных страстей,
Мир чудовищный в движеньи.
Сны, мечты и скорбь забвенья
Перечеркнутых идей.

Мыслей рой теперь основой,
Неуютна злая ночь...
И любовь, и счастье прочь,
Смертным стало твое слово.

Скоро будет Новый год,
Безучастный, равнодушный...
В одиночестве лишь душном
Побежит вперед, вперед...

Вряд ли будет откровеньем
Пытка в мудрости чудес.
Исцелением небес,
Душ подвергнутых сомненьям.

Вновь померкнет вечер – бред,
Злая ночь умрет в печали.
Светлый сумрак новой дали
Унесет ли вечность бед?..

ТЫ

Ты, солнца луч животворящий,
Зажегся, в душном зное снов.
Тяжелый плен запутанных миров
Возник во множестве горящем.

Во мне, в потоке Вечном бытия,
Вселил дыханье Гения Вселенной.
Непостижима сила жизни бренной,
Единства власти, где лишь ты и я.

Мгновенья чуда подвижны в сплетенье
Часов, минут, столетий мировых.
И заблужденье ль все в судьбе двоих,
И может ль быть так сладостно виденье?

Где все ничто, где вроде тлен, но в этом свет,
Что далеко, то близко и реально.
Глухая пропасть тишины астральной
Проникновенна в мудрости великой лет.

Все помыслы ума таинством откровенья,
Безбрежность мирозданья в постиженьи красоты
И в каждом вздохе: ты! Один лишь ты!
Непобедим восторг неописуемых явлений.

Крик наших душ сжимает горло: ты любим!
Любовь моя пророчеством сонета.
В молитве обретаю четкость силуэта,
В заветный час со мною ты один!

Особый мир рожден в понятных нам основах,
В терзаниях, иступленьи, сладости пролитых слез...
Нашу любовь Господь так высоко вознес,
Накрыв сердца нетлеющим покровом.

Да, многим это просто не дано,
Не ведают они, в суетности мгновений,
Что сила есть любви, ее значенье,
Когда скрепляет Бог двоих в одно.

ЗЛО

Многоликость силы зла,
В ядовитости мгновений.
Над хаосом тем, - забвенье,
Расплетет крепость узла.

Символ бездны мировой,
Сфера чар толпы безликой.
Обезумевшей от крика,
Гвалта, ссоры вековой.

В центре дьявольских светил,
Души в черноте тумана.
Напоенные злом, пьяны,
В рабстве мрачных, темных сил.

Добрый Боже, это ж, дети,
Коих создал Ты в любви.
Почему же зло в крови
Разлилось в них, в солнца свете?

Испытанье злом души,
Бешенством, в кошмаре боли,
Ужас тьмы, удел неволи
В распростертом блеске лжи.

Испытанье фурий равно,
Искуситель возрожден!
И под бурей зла знамен
Правит бал свой он исправно.

Беспредельна мощь тех сил,
Испытанье – наказаньем.
Пасмурность судьбы в изгнании
Лучших дней, что свет дарил.

Душно душам средь людей,
Нет гармонии с телами.
Меркнет мир, убит словами,
Темных, низменных страстей.

Да... Не рай, увы... ад гнева,
Желчи, яда... Как же быть?
Как же все восстановить,
Где он рай наш справа, слева?

Многоликость силы зла,
В ядовитости нетленной.
Дух живуч в судьбе надменной,
В каждом нить его узла.

ВЕЧНОСТЬ

О, Вечность Света обаянья,
Когда и Солнце и Луна
Пленят певучестью слиянья,
Страсть жизни музыкой даря.

Воздушный сон жадных желаний,
Лелеет нежностью мечты.
Бесстрашие мысли льет признанья,
Расцветом светлым с высоты.

Восторг бездонен и безгрешен,
Молитвой напоенный дух,
В бессмертии миллиона вешен,
Блаженством замыкает слух.

Мгновенья отстранят печали
Бесследно растворясь, как дым...
Втолкнув в безумство новой дали,
Их силой будет всяк пленим.

ЛИСТЬЯ

Листья в нежной позолоте
Все грустнее с каждым днем...
Убаюкивает сном
Осень их... И разлиться непогоде

День за днем, вгоняя в мрак
Свет и тьму сливает нежно
Час серебряный безбрежно
Безысходности то знак.

И о лете невозвратном
Им взгрустнется в сказке сна.
Догорит в скорби краса
В мире этом необъятном...

СВЕТ ОГНЯ

В твоих объятьях нежных рук,
Излечатся все раны прежних жизней.
В желанной тишине, слова все будут лишни,
Не стоит ни одно, перечеркнув любовью столько моих мук.

От взгляда твоих глаз несчастья забывая,
Блаженству отдаешь меня в его ты власть,
Целуешь губы ты медово, жадно, всласть,
В служение себя по-рабски отдавая.

И дух свободный покорит мой сокровенный жар,
В страстях земных не будет и сомненья.
Впитает разум только нежность изумленья,
Что в людях может воплотиться наших душ пожар.

Бред дышит ласок близостью живою,
Твой смех, твой голос сладострастно чист,
Любви живой язык неподражаемо лучист,
В беспечном забытии жива, любимый мой, тобою!

Благословляю жизнь, что за любовь плачу,
Благословляю страсти в полыхании пламя.
Господь дарует милостиво воздаяньем,
Желанней всех наград любовь я получу.

Твоя любовь! Всех прежних вожелений,
Когда печаль и слезы играли свою роль.
Судьба была похожа на юдоль,
Но ты реален, ты со мной и нет воображений...

Есть истина, есть сила, есть порыв,
Есть страсть, язык любви искусный.
Целуй меня! Целуй! Мне радостно, не грустно,
Я знаю теперь свет огня, который так правдив!

ПИСЬМА

О, письма, письма... вот поток словесный,
Читать «торжественно, оплакивая страсть»,
В отчаянии всех тех, кто пишет, только клясть,
Желая поскорее вырваться в просторы поднебесья.

Унять зуд гнета духа своего,
Безумствуя в плену словесной лихорадки,
Не выпить ли вина в бреде припадка,
Не веря властелину сердца моего?

О, письма! Заурядные по духу своему,
Все о любви, признание обрести чтобы и славу.
А чувства? Спят... Слова глотаю, как отраву,
Листы безжалостно в камин летят, еды полно ему.

Толкает что людей порок иль добродетель,
Писать во искушенье, мне о любви своей?
Похожи мысли их скорей на письма дикарей,
А словеса, конечно ж, главный их свидетель,

Который говорит, увы, не в пользу их.
«Дар творчества» льстецов бездарен в восхваленьях,
Их главный козырь слов в премудрых обольщеньях,
Обильнейший поток достоин всех других.

Скорее вашим виршам будет рад лишь Интернет,
Вот где достоин каждый небывалой славы,
Там все обман, лишь видя свой экран, в созвездии
находятся державы,

Пустые словеса и страсть, а главное, души-то нет.
А письма... Это дар и Солнца и Земли всесилье,
Мощь света, сила разума в зените бытия.
Не станет слово прахом, в памяти его храня,
Оно придаст огня мне, вытолкнув бессилье.

ТОСКУЮ О ТЕБЕ

Тоскую о тебе, свой вечер коротая,
Одна... Как вырваться из цепких его лап?
Брожу понуро, жду звонка хотя б,
Я о тебе , любимый, только вспоминаю.

Боюсь бессонницу, которая придет,
Как только лечь в постель, не хочешь, а придется.
Моя тиранка под покровом ночи встрепенется
И до утра, измучив сердце и рассудок, не уйдет.

Невинна вроде болтовня ее, но бред, как острие кинжала,
Все мысли о тебе, мне вывернет и задом наперед,
К подушке мягкой, будто к камню голову мою прижмет,
И будет колкостью разлуки меня мучить, жала.

Стерпно обиды, слезы, боль - мучения мои благословенны,
Я верю, что душа, твоя под той же пеленой,
И так же бродишь, ты без сна ночами, человек родной,
И так же, в сладких муках, у любви с бессонницей,
ты пленный.

Тоскую о тебе... Пусть рок назначит встречи час
Хотя живем мы, к сожалению, в разных странах,
В томленьи одиноком принят будешь благосклонно и желанно,
И звезды в час ночной объятья распахнут для нас...

БЕЗНРАВСТВЕННОСТЬ

Храню приют любви счастливой,
Где каждый час дарил нам сумасшедший пыл.
Ты и сейчас мне говоришь: «Тебя одну любил»...
Любил... В прошедшем времени, любимый.

Порою на любовь я философски посмотрю.
Постигнув разумом я грешные пути со страхом,
Ведь первородный грех, увы, не обратим, хоть станет
даже прахом
И зачастую, в наслаждении бесовском, не говорят: люблю.

И в памяти стирают имена,
Исконно, как бы не было начала...
Ну с кем-то было, как-то раз, но разве это, что-то означало,
Когда есть в доме, лишь одна законная жена?!

Дозволенность диктует всему свету простотой,
О таинствах времен, давно уже забыто.
И все, как будто напоказ, по времени не скрыто,
И всяк живущий в этом мире не святой.

Своих мужей мы все-таки прощаем,
Измена современна, в дне закона бытия.
Предела нет, мы – жены, в глупых девочек играем: ты и я,
Хотя о «похождениях героев» наших все прекрасно знаем.

Всему виной, презрение к годам,
Безнравственность, что души и сердца затмила.
Какая уж любовь, не Божье все, что дьявольство явило,
Суть жизни нынешней в открытую показывает нам.

ОЖИДАНИЕ

Ожиданье... Ожиданье... Лета нет. Сон черноты...
И надежда угасает... И ноябрь умирает... Ветром сдуты все
листья.

Мир – знакомая картина: тень утех или скорбей,
Истина в душе блуждает, точно так же, как в твоей.

Ожиданье... Ожиданье... Звуки музыки дождем,
Горечь слез... Струйки по окнам... Миг небесный перед сном.
Тайна жемчуга в слиянии, след фантазии живой,
Бездна призм фонарным светом, на столбе передо мной.

Ожиданье... Ожиданье... Мне б забвенье и покой,
Но живы воспоминанья, вызывающие боль.
Рок сплел мысли ненапрасно, в узелки ума,
Между нами бездна гулом пролегла.

Ожиданье... Ожиданье... Из камина горький дым,
А в потрескиванье чурок, слышу: вряд ли будешь ты моим.
Духи тьмы кружились в вальсе без стыда,
Я же о тебе молилась пред распятием Христа.

Ожиданье... Ожиданье... Мчится заблуждений рой,
Я уже, как в мертвой петле, не надеюсь быть с тобой.
Утомленная душою, небу вряд ли внять мольбам,
Сердце в пламени перегорело, оставляя тлен словам.

Ожиданье... Ожиданье... Полночь спит в печали мук
И кошмар без окончания ловит обостренный слух.
Прошлого уже умчалось, не вернуть его назад,
То любви с судьбой веленье, сблизили и... разлучат...

НЕСУТСЯ ГОДЫ

Несутся годы: мрачно и сурово,
И истлевают постепенно все мечты,
Порою прахом покрываясь, не достигнув глубины,
Воображенье же хранить их до смерти готово.

Душой летим, несемся мы в мечтаниях своих,
Вселенной, Солнцу и Луне открыто доверяя чувства.
Наверное, любить всегда и одного, искусство,
Хотя из-под тешки подглядываем порой и на других.

О, человек, дитя хаоса, гений наслаждений,
Не станешь вечно жить один в самом себе.
Пространный путь дорогу подведет к тебе
И отберет покой без всяких принуждений.

Сиянием окатит райских звезд
И сладостный прилив сольется с тишиною.
И сердце опаленное неистовой волною,
До упоения в таинстве будет прост.

Но жизнь идет, и как бы весел и беспечен был восход,
Несутся годы мрачно и сурово...
Кто прожил жизнь, уж для того не ново,
Что было, есть и будет, подойдет черед...

Жизнь не обманешь, смерть, как сестра родная,
Стоит с рождения у каждого из нас у ног.
И сколько б не было в Судьбе путей, дорог,
Но неизбежно приведет к единому пути, все знают.

Бессмертья не желай, то лицемерья ложь.
Хотя, быть может, и прекрасное кому-то пожеланье...
Утештесь: ведь душа бессмертна, хоть ее воспоминанья,
В терпении житейских и сердечных бурь не сбережешь.

СТИХИЯ

Светлый месяц мне не блещет... Спит.
Только крупный дождь, как ливень, по окну стучит.
Громогласно ветер стонет, буйствуя, шумит,
Тайну силы, как безумный, он в ночи творит.

Все услышишь: крики, стоны, визг шальной и вой,
Беспрерывное движенье, словно ад земной.
Вот она, стихия ночи, смел ее полет
И сегодня, чью-то душу, властно унесет.

КОГДА-НИБУДЬ

Провидение нас скрепило любви узлом.
В слиянии благословило с тобою на пути земном.
Теперь же, после долгих лет, любви остыл тот жаркий след
И старость грусть уже несет... Тебя со мною нет...

В тиши досужной и пустой могильная плита,
Теперь она передо мной и недугом тоска.
Хотя, уверена, в раю, ты будешь ждать меня,
В том утешение мое, живу теперь с ним я.

Стремлений нет, нет теплоты, все замерло во мне,
В душе томимой холод злой и вьюга в голове,
Всех мыслей, что наотмашь бьют, лишь теплая слеза
Скатившись затуманит взор, увижу я глаза:

Твои глаза, как две свечи, надежду подадут,
Я буду знать, что не ушел, твой дух со мной, он тут.
Что тело? Это только прах, одежда для души,
Ее, когда-нибудь любой, сняв, сбросить поспешит...

Не тело, душу, призовет Господь, сомненья нет.
Увы! Но только так, устроен Божий свет.
Да, очень страшно схоронить любовь и жизни путь...
Для каждого ж настанет час, когда-нибудь, когда-нибудь...

ПРОЩАЙ

Прощай! Теперь в стране ты дальней,
И большей частью полагаю, одинок...
Отец с тобою, пребывает, наш Всемогущий Бог,
Но мне, здесь на Земле, до слез, поверь, печально,

Жить без тебя, без слов твоих, в которых нет любви,
Где стены дома, вещи, все о тебе одном воспоминанье
И сердцу больно и звучат слова моих признаний,
Которые уж не услышишь больше ты.

Прощай! Теперь со мною познакомилось страданье,
Расстались мы, но холодно тебя забыть.

Все чувства и любовь так страшно схоронить,
Теперь я получила, к сожаленью Свыше, вдовье званье...
Прощай!
Прощай!!
Прощай!!!

Послесловие:

К моему огромному сожалению, сборник стихотворений «Очертания» получился скорбным, впрочем, именно таким увидела его моя душа, моя скорбь по невосполнимой утрате, ухода из жизни моего супруга.

Сборник «Очертания» получился из 22 стихотворений, и хотя великий Марциал, римский поэт-эпиграммист и говорил, что подлинно тот лишь скорбит, чья без свидетелей скорбь, на мой же взгляд, есть - память, потому что, мертвые живы, пока есть живые, чтобы о них вспоминать (Э.Анрио, французский писатель и критик), а так же, мне, как автору многих книг можно и необходимо нужно сделать посвящение человеку, с которым я прожила сорок восемь лет, и который был ни только мужем, но и отцом, и дедом.

Но очевидность есть очевидность, вот оно, на лицо – повседневье, которое, многие не видят, но которое можно выразить словами, взяв в свои союзники чувства, разум и память.

Очертания-понятие многогранное, совокупность незаконченности, фигура без четкого начала и конца-это наиболее важная и универсальная из всех форм в мистических учениях. Именно, в очертаниях мы видим небо объемлющее Землю, а значит, это символ Божьей искры в бренном теле человека.

Прощай!

Эти 22 стихотворения я посвящаю тебе, хаджи Заур, как дань моей памяти, любимый!

**Гала Абдуллаева
2011 год. Осень.**

Р
А
С
С
К
А
З
Ы

ПИСЬМО

После смерти отца, я часто пользовалась книгами из его библиотеки. Расставленные по алфавиту, в строгом порядке фамилий и имен авторов, я легко находила нужную мне за считанные доли минуты.

Вот и в этот раз, я зашла в кабинет отца и начала искать нужную мне книгу по работе, а она оказалась на самом верху полки и пришлось за ней лезть, приставив стремянку.

Книги стояли слишком плотно друг к другу, и когда мне, наконец-то, приложив усилия, удалось вытащить нужный увесистый том, из него, что-то вылетело и я, со слепу, и не поняла сразу, что это было письмо, в старом, советских еще, времен, конверте, с картинкой в левом углу.

От времени конверт обветшал и стал каким-то коричневым. Он был заклеен и на нем стоял наш бакинский адрес. То ли отец забыл отправить письмо, то ли, не пожелал сделать это намеренно, но в любом случае, читая название улицы, я вспомнила, как в детстве мы с отцом ходили в тот дом, на тихой улочке обсаженной с двух сторон деревьями, отчего на ней, летом всегда было прохладно и удивительно красиво.

Адрес был написан с точностью до номера дома и квартиры, а вот, имени и фамилии адресата почему-то не было.

Меня настолько заворожило найденное, так неожиданно, письмо, что я забыла о нужной мне книге, и начала вспоминать имя той женщины, к которой мы ходили с отцом, и он всякий раз мне говорил:

- Это тайна, понимаешь? Думаю, что ты не расскажешь о ней маме?

И я пятилетним ребенком, соглашалась с ним, зажав паль-

цем губы, во-первых, в доме, куда он меня водил, было много игрушек, во-вторых, на стол, к чаю, обязательно подавался вкуснейший торт или пирог собственного приготовления хозяйки. Как же было ее имя?

Да, да! Отец всегда говорил:

- Фаина, какая же ты искусница!

Итак, ее звали Фаина. И еще у нее, кажется была сестра, которая всегда исчезала, когда мы появлялись, и всякий раз отец останавливал ее:

- Фрида, ну куда же вы? Хоть чайку с нами попейте...

Недолго раздумывая, я оделась и понеслась по улицам, желая доставить письмо адресату. Ведь письмо точно было написано отцом Фаине, кому же еще, если адрес совпадал?

Когда я ступила на нужную улицу, то удивилась, ее жалкому виду: многие дома были уже сломаны, но дом с зелеными воротами был цел!

Я остановилась, чтобы передохнуть: сердце колотилось от быстрого шага и от воспоминания детства.

Да, мы с отцом входили именно в этот двор с зелеными воротами и поднимались по деревянной лестнице на второй этаж. Сейчас же, а прошло уже свыше сорока лет, лестница была прогнившей от дождей, снега и времени, и шаткой, и я очень неуверенно ступила на первую ступеньку.

- Вам кого? – тут же раздался старческий голос женщины. – Будьте очень осторожны поднимаясь. Мы здесь доживаем последние месяцы. На этом месте должны построить высотку.

Я прошла по такой же шаткой площадке до двери, которую тут же узнала и постучалась.

- Кто там? – тут же раздался голос, и открыв дверь, женщина, почему-то без всяких расспросов, пригласила меня

войти внутрь.

Я стала объяснять суть своего прихода, протягивая письмо.

- Это Фаине, - сразу же сказала женщина. – Так это вы, малышкой бывали у нас? – спросила она.

- Да, тетя Фрида, - подтвердила я, хорошо понимая, что передо мной стоит та самая сестра, которая при нас всякий раз убегала. - Случайно выпало письмо и я решила, что должна вам его отнести.

Старуха вздохнула, достала из очечника очки и взяв ножницы, аккуратнейшим образом отрезала по краю конверта, заметив:

- Конечно, не хорошо читать чужие письма, но...

- Что... но?... – спросила я.

- Давайте сначала прочитаем написанное, а затем расставим все точки над «i».

- Вы можете это письмо не читать вслух, - добавила я.

- Нет уж! Никаких тайн! – она придвинула ко мне стул, вероятно на котором я сидела в детстве, а сама села на диван, поближе к свету и начала читать:

«Дорогая моя Фаечка! Рад написать тебе. Только не бранись: да, дорогая, да, единственная, да, моя самая большая любовь в жизни!

Извини, что это время не захожу к тебе, родная моя, много работы. И еще ввязался в написание докторской диссертации, приходится сидеть в библиотеке. Ты же, моя умница, всегда знала, что я раб своей работы, своего служения науке и сейчас, я отыскал такую тему, которая и должна стать моей диссертацией, моим главным козырем всей моей жизни.

Родная моя! Как там наша дочурка, радость радостей, Ланочка? Уверен, что тех денег, которые я посылаю вам, доста-

точно, чтобы у крошки, нашей ягодки, все было.

Фаечка, ты можешь думать обо мне, как и что хочешь, но... Я давал и тебе и себе самому слово, что разведусь, что женюсь на тебе, потому что, только в тебе, единственная, моя жизнь. Но когда я смотрю на свою дочь – не могу сделать этот шаг. Как она будет без меня? Как будет без меня семья? Хотя, хочу только тебя видеть рядом с собой, дышать тобой, любить и целовать только тебя одну!

Любовь моя! Мы немножко поздно встретились с тобой, родная. Совсем чуть-чуть разминулись наши пути. Я не лгу, но никогда, слышишь, никогда не говорил своей жене всех тех слов, которые ты слышала от меня. Никогда, слышишь, никогда не целовал ее, как тебя, не любил так...

Но судьба, она еще и судья... Я это понял, когда однажды решил завести речь о разводе. Дочка так сильно заболела, что ей даже самые именитые врачи не давали шанс выжить. И я дал зарок: если она поправится, я больше никогда не зайду в твой, моя ненаглядная, дом, хотя и буду помогать материально.

Факт есть факт: дочь выздоровела и я уже никак не мог пойти против своего обета...

Сейчас я пишу это письмо и горько плачу: любимая, прости меня! Прости! Я каждый день думаю о тебе, и о нашем цветочке Ланочке. Дай Бог ей счастья. Я знаю, верю и не сомневаюсь, что ты дашь ей прекрасное образование и она будет нашей радостью все оставшиеся дни жизни.

Я глубоко виноват перед тобой, мой лучик Солнца! Ты грешь меня всегда! Любимая, прости! Прости и ты меня, Ланочка, когда вырастешь и мама тебе все расскажет. Я люблю вас, мои дорогие! Счастья вам! Везенья по жизни! Всегда ваш: М.П.»

Теперь-то мне стало понятно, почему мне часто говорили,

что в городе есть девочка очень похожая на маня, но на лет пять-шесть младше. Но я ее никогда не встречала, а сейчас...

- Где же они? – спросила я. – Лана и тетя Фаина?

- Уехали в Израиль. А я не смогла оставить отцовский дом, наш город.

Неожиданно, Фрида порвала письмо и конверт на мелкие кусочки и положив их в глубокое блюдечко, подожгла, полив из зажигалки бензином, затем открыла окно и выставила горящее письмо на подоконник, и ветер тут же, начал поднимать обгоревшие частицы вверх, рассеивая их в вышине.

- Что это за ритуал? – не поняла я.

- Эх, девочка моя! – вздохнула старушка, вытирая набежавшие слезы. – И Фаина, и Ланочка погибли при теракте.

- Их уже нет?! – вскричала я.

- Да, нет, моя хорошая. Так пусть слова написанные твоим отцом достигнут их души и им, всем троим, будет хорошо... Благостно.

НАЗАКЯТ

Ахмед даи зашел в дом и по гнетущей тишине понял, что Назакят находится в дальней комнате своей молельни. Три раза в день она совершала омовение и шла совершить намаз.

Ахмед даи все же, на цыпочках подошел к комнате, где творила молитвы Назакят, успокоившись, что она чувствует себя хорошо.

Вчера ночью он вызывал к ней «скорую», что-то сердце у его жены прихватило слишком сильно. Наверное, годы стали брать свое, дети, внуки, невестки, а тут, такой удар: дом должны были снести, и уже многие соседи переехали с их

улицы в новые квартиры, а их дом, построенный еще прадедом, стоял в гордом одиночестве на развалинах, а Назакят, все усерднее молилась Богу, чтобы их дом уцелел, женским умом не понимая, что так быть не может.

Ахмед даи только что встретил управдома и тот сказал ему вполне официально:

- К вечеру снесем твой дом, хочешь ты этого или нет. Вон экскаватор закончит с того угла сносить остатки, и перейдет к вам. Машина уже выделена, через час можете грузить вещи.

А какие вещи остались, всего ничего, рухлядь одна. Старший сын одним из первых переехал, как только дали ему квартиру, за ним средний, а младший, все с ними жался, не хотел бросать стариков, хотя его жена Медина все мозги ему прокомпостировала, и дети в голос орали:

- Там и кабельное телевидение есть!

- Там и лифт!

- Там и горячая вода идет из крана...

И все: там, там, там, - в новых домах лучше, благоустроеннее, а здесь и туалет на улице, и водопровод тоже, да и телевидение почти ничего не показывает, все перекрыли многоэтажки, даже сотовый телефон и тот хрипит при разговоре...

Но уперлась старая Назакят:

- Лучше умру здесь, чем уйду из моего дома, в котором все годы жизни прошли!

Годы... Годы... Конечно, Ахмед даи вздохнул, вспоминая, как привел свою юную жену в родительский дом, как появился их первенец... Да сколько событий здесь было! И свадьбы, и похороны, и дни рождения... Весело и грустно...

Ахмед даи закурил, хотя ему в доме это строго запрещалось делать, и вышел во двор. Ах как цвел в эту весну абрикос, казалось, места на ветках для листочков не осталось, все

сплошь покрылось белым цветом, как при зимней вьюге. Да и розы распустились раньше времени: огромные, наборчатые соцветия распространяли дивный аромат.

- Ну что? - спросил его входивший во двор сын. - Вот с работы отпросился, грузиться через час будем. Уж мои-то рады! Так рады! Медина окна мыть стала и сразу мастеру позвонила, чтобы кабельное телевидение подключили! А мать? - спросил он тихо. - Как мать-то?

- Не знаю... - ответил Ахмед даи, затягиваясь как можно сильнее. - Намаз совершает, ее время...

- Давай отец, как подъедут машины, мы все разом погрузим, что там из вещей осталось и мать перед фактом стоять будет...

- Будет, будет, - во двор вошел подъехавший на грузовике шофер. - Сегодня вам и газ, и свет, и воду, все перекрыть должны. Так что, с вашей бабушкой проблем не будет...

- А вон и экскаватор подходит, сейчас соседнюю стену поломает и за ваш дом возьмется, - сказал еще один вошедший во двор рабочий. - Ну-ка, взялись за дело, да с песней!

Он затянул какой-то мугам, но Ахмед даи остановил его:

- Сынок, там жена намаз совершает, потише бы надо.

- Нашла время, - хмыкнул рабочий. - У нас, отец, дорога каждая минута. Сегодня десять семей должны перевезти! - со значением сказал он, беря стоявшие во дворе два стула и неся их к грузовику.

- Пойду предупрежу Назакят, - сказал Ахмед даи сыну, а то она вчера весь день проплакала, каждую стену целуя, каждую дверь... А ночью... ведь в больницу «скорая» взять хотела, но Назакят упертая женщина, сказала, что утренний и дневной намаз совершит у себя дома. А там видно будет...

Бульдозер начал ломать соседнюю стену и зубья ковша с каким-то остервенением вгрызались в камни круша их, дробя

и отбрасывая в сторону.

- Аллаху Акбар! – неся голос Назакят, почему-то не из глубины дома, а как будто был совсем рядом, здесь, на улице.

Ахмед даи бросились с сыном в дом и добежав по коридору до молельной комнаты Назакят, увидели обрушившуюся на женщину стену, голова которая была полностью разможена камнем.

Бульдозер же крутил свой ковш направо и налево, и молодой рабочий лихо сдвинув кепку на затылок, орал какую-то новомодную песенку:

- Стой! Стой, тебе говорят! – закричал Ахмед даи бульдозерщику, но тому было отчего-то так весело, что он еще громче заорал песню.

- Стой, сукин сын! – уже закричал подбежавший откуда-то рабочий, влезая на ходу в кабину бульдозера.

Бульдозерщик замер на мгновение и с большой неохотой остановил свое «чудовище».

- Господи, Назакят... - навзрыд заплакал Ахмед даи, присаживаясь у бездыханного тела жены. – Какая же ты у меня упрямая! Сказала, что не уйдешь из дома и... - он вновь заплакал, сотрясаясь от рыданий. – А обо мне ты подумала? – причитал он, отбрасывая с ее головы камни. – Что я теперь без тебя буду делать? Как жить дальше?!

Собравшийся неизвестно откуда народ, с горечью смотрел на происходящее. И какой-то мальчишка крикнул:

- Дядя Ахмед, смотри... - и указал своей рукой на абрикосовое дерево, в единый миг сбросившее все свои обильные цветы на землю...

НИЩАЯ

Дул пронзительно-холодный ветер, и проходившие по улице люди, с жалостью смотрели на сторбленную, посиневшую старуху с протянутой рукой, одетую в грязный зипун и какую-то, дореволюционных времен, косынку, из под которой выбивались седые пакли давно не мытых волос.

Кто-то из сострадания протягивал ей мелочь, кто-то манатную купюру, и она, опутив лицо ниже плеч всех благодарила, желая счастья и здоровья, и начинала негромко творить молитвы, все больше поминая Бога.

Простояв почти что день, а это обычно бывало при любой погоде, она внезапно исчезала до следующего утра, именно подходя по времени, спешащих на работу и в институты, людей.

За углом огромного дома, ее по обычаю ждала машина, в которую она очень легко впрыгивала, и в ней совершенно не чувствовалась та, сторбленная старуха, только что стоявшая на углу.

Машина срывалась с места и вскоре останавливалась перед домом, поближе к блоку, и «старая» нищенка, бросив шоферу на переднее сиденье купюру, с проворностью юркала в подъезд.

Она открывала дверь и войдя в прихожую, всегда тяжело отдувалась. И стоя перед зеркалом, висевшем почти во всю стену, с брезгливостью начинала сбрасывать с себя ненавистные, ей как казалось со стороны, платок с накладными волосами, зипун с дореволюционных времен, стоптанные туфлишки и опрометью неслась в ванную комнату, наливая себе воду в джакузи. Она нежилась в горячей воде с добавлением ароматных масел, смывая с себя грязь рабочего дня.

Когда она, искупавшись, выходила из ванной комнаты, то была королева: с распущенными по самые лопатки, волосы вороньего крыла, статная, длинноногая, молодая...

Сделав тщательный на лице макияж, она подбирала себе из своего гардероба нужные ей на вечер, платье и совсем преобразившаяся «нищенка», выходила из своего подъезда садясь за руль своего «Седана».

Она колесила по городу, чтобы восстановить свой светский облик, а уж затем, подъезжала к ресторану, независимо бросая ключи от машины подбежавшему метрдотелю и входила в помещение роскошной красавицей, на которую тут же таращилось множество мужских глаз.

Она выбирала столик, заказывала меню из изысканного ассортимента и непременно бокал вина, поясняя принимавшему ее заказ официанту:

- День был тяжелый...

И тот услужливо улыбался ей, очарованный ее видом, духами и изысканной бижутерией.

Когда начинались танцы, и к ней кто-нибудь подходил, чтобы наладить знакомство, она всегда говорила одно и тоже:

- Занята! – продолжая смаковать заказанные яства.

Иногда, плотно поев, она неподвижно сидела с открытыми глазами, ощущая истинное наслаждение.

Иногда, из любопытства или в наказание самой себе, так как от долгого стояния на улице, ее ноги гудели, она все же шла танцевать с каким-нибудь понравившимся ей мужчиной, но с самым серьезным видом давала понять, что она не его возлюбленная.

Она так же внезапно исчезала, как и появлялась в зале, расплачиваясь на ходу и всегда давая приличные чаевые, что ее

хорошо помнили во многих ресторанах города и хорошо относились, даже, где-то раболепствуя перед ней.

Но с каждым годом жизнь ее становилась все тяжелее и опаснее. Тяжелее, потому что уже все труднее было стоять в холодные месяцы года, а опасность доставляла ей полиция, охотившаяся за попрошайками, чтобы и себе, что-то от них урвать.

Ее занятие, которое она называла работой, заставляло ее перевоплощаться для новой игры, и она, действительно была отменной актрисой, сбежавшей со сцены в трудные годы перестройки, прихватив с собой несколько костюмов из костюмерной, решившей на время играть с публикой на улице, разыгрывая из себя нищенку.

Но потом, этот театр одного актера, ее так увлек, а главное, что деньги ей платились жалеющими ее людьми не плохие, даже куда выше, чем в их театре и она решила продолжить действие не на сцене, а прямо на улице, раз так удался балаган. Она себе купила и квартиру, и машину, а главное, она стала более свободной, плюя на общественное мнение и мораль мещанского общества в котором жила.

Ее жизнь была изолирована от посторонних и отчуждена, но после мучительных перемен перехода от Союза к истинной свободе республики, у нее появилось ко всем, и ко всему такое равнодушие, что ей уже хотелось продолжение избранного ею пути, который, как она понимала, был ей уготован судьбой.

Ее обновленная самооценка бытия полностью разрушила прежнее «я», превратив в устойчивое состояние ее эго.

Сейчас в ней как будто бы было две души: ложное и подлинное смешалось воедино. И это слияние и было теперь ее настоящей жизнью, надежным путем...

А мужчины? Ведь в ней, утонченной особе, было то, им-

пульсивное, что не могло обмануть ее, как женщину, ведь наиболее чувственные инстинкты заложенные в нас матерью-Природой толкают на опасный мостик между тоской и трепетом, отдавая личность противоположному полу, ведь путь мучительного одиночества, это самообман личности.

А «нищенка» и не сводила свое эго к столь примитивной формуле, и не смотрела на себя, как на наивную, упрощенную, иллюзорную женщину. Она обретала цельность, как только наступали жаркие летние дни, и купив путевку куда-нибудь в фешинебельный район мирового пространства прорывалась через многосложность личности, чувствуя возможность встречи с нужным ей мужчиной, развеяв фикцию обмана, лжи, устраивая очную ставку с любовью и сексом, отменяя подальше от себя мещанский мир и сентиментально-утешительную философию.

Она пила волшебный напиток любви, чувствуя свое исключительное положение в мироздании.

ЗВОНКИ

И опять раздалась телефонные звонки. Кюбра ханум, женщина уже довольно пожилого возраста, на сколько это было возможно, ускоренным шагом пронеслась из кухни в комнату, в которой стоял телефонный аппарат.

- Алло! Алло!! – чуть задыхаясь сказала она, но в трубке послышались отбойные гудки.

- И так всегда! – недовольно сказала она самой себе вслух. – Молчат, будто воды в рот набрали или дают отбой. Зачем тогда набирают наш номер?

Она опять прошмыгнула на кухню и принялась доделыв-

вать долму, от приготовления которой ее только что оторвали.

- И так каждый раз! Каждый раз! – говорила она самой себе. – Кто бы это мог быть? Живем вдвоем со стариком, кому он нужен сейчас, если это звонки ему... Еще бы был моложе лет на десять, а сейчас... - она махнула рукой. – Ушел его поезд в дальние края. Какие могут быть женщины, - хотя всю жизнь Кюбра ханум считала, что ее муж изменяет ей и у него обязательно, но должна быть любовница.

Не успела она сделать несколько штучек долмы, как вновь зазвонил телефон.

- Тысячу раз говорю Мамеду, сделай шнур длиннее, чтобы аппарат стоял на кухне, а он молчит, мычит, ну как об стенку горох!

Она недовольно вытерла руки и вновь зашаркала из кухни в комнату, и взяв трубку, тут же сказала с негодованием:

- Или вы будете говорить, или я заявлю в милицию о вашем хулиганстве! Кто вам нужен? И вообще, что вы постоянно звоните и молчите, или даете отбой? В конце-то концов, отрываете от дел, а я человек довольно пожилого возраста и мне трудно бегать взад вперед!

Кюбра ханум выдала тираду и пригрозила:

- Я кладу трубку!

И уже хотела это сделать, как услышала голос, какого-то парня, еще не возмужавший, совсем молодой:

-Бабуля, - сказал он, - ты уж не сердись на меня... Просто я никак не мог начать разговор с тобой или с дедом, ведь вы меня не знаете...

Кюбра ханум, тут же подумала о злоумышленнике, который хочет втереться ей в доверие и оборвала его:

- Какой еще такой внук взялся? Ты смотри у меня, телефон

твой высветился, заявлю в милицию, вон вас сколько сейчас умных развелось, стариков обманывать!

- Бабушка Кюбра, пожалуйста не заводись! Я внук ваш с дедушкой Мамедом, от сына вашего Пярвиза.

- Господи! – сразу вся взмокла Кюбра ханум. – Да сынок наш...

- Да, бабушка Кюбра, мой папа Пярвиз Мамед оглы Курбанов погиб на Карабахской войне, а я...

- Боже Правый! – перебила его старуха. – Уж не Анька ли Саркисова твоя мать?

- Не Анька, а Анна Геворковна Саркисова, она сейчас здесь, в подмосковном поселке главным врачом работает, а я в Москве учусь, в институте, скоро диплом получу. Я с вами очень познакомиться хочу, родные мои!

Кюбра ханум заплакала:

- Это невозможно, внучок, ну как ты приедешь?

- Как приеду? Просто: я—Анар Пярвизович Курбанов, азербайджанец. Ведь мои родители зарегистрировались без вашего ведома.

- Господи, приложила руку к сердцу Кюбра ханум, - да это проделки Седы Абрамян, она тогда в ЗАГСе работала.

- Работала, бабуля. И перед развалом Союза, и всех этих трагедий, она маму с папой зарегистрировала, а потом... - Анар замолчал.

- Значит, Анечка уже тобой беременная была, когда их семья из нашего двора уехала?..

- Да, бабушка, а папу в армию призвали. Карабах.

Помолчали. Видимо, каждый думая о своем.

- Ты деньги-то, Анарчик на междугородку не трать, а приезжай, дорогой мой, к нам, вот уж и наговоримся. Да и маме привет передавай, как никак, а наш сын ее любил...

В трубке слышались отбойные гудки.

- Ну вот и не простились как надо! – с сожалением сказала Кюбра ханум.

Она пошла в комнату сына, где все оставила так, как было при Пярвизе.

Подойдя к его портрету, сказала:

- Ну, сынок, дорогое мое дитя, вот и внучок у нас объявился. Только что звонил. Ты в армию, на войну еще совсем молоденьким уходил по призыву, а сын твой, Анарчик, видать постарше тебя сейчас будет. Ах, дети, дети, все же ты переспал с Анькой?! А ведь мы так не хотели этого. Ведь армянская девчонка была. Красавица, но армянка. Любила тебя значит, раз на такой шаг пошла. А эта, соседка наша, Седка, все же свидетельство о браке вам сделала. Рисковые уже были дни, а сделала? Скоро Анарчик приедет к тебе, сынок, увидишь его, да и нам, старикам, радость, а то все одни, да одни...

Кюбра ханум заплакала и не слышала как с улицы зашел ее муж.

- Опять ты здесь? – сказал он ей с осуждением. – Ну сколько можно лить слезы, ай, Кюбра! Ты лучше о своем здоровье подумай! – начал увещевать ее Мамед.

- Да ничего ты не знаешь! – махнула на него рукой Кюбра. – У нас такая новость, такая новость!

Мамед глядя на жену, даже испугался. Она изменилась на глазах, и лицо стало прежним, мягким, добрым и глаза засияли, и губы со щеками расцвели розовым цветом.

- Да что случилось-то? – не понял муж. – Объясни! Что за новость?

- Ой, Мамед! – Кюбра подошла к мужу и уткнулась ему в грудь, как раньше, когда они были молодыми. – Внук у нас

есть! Внук! Только что звонил. Анарчик! Он приедет скоро.

Мамед отстранил ее от себя, и все смотрел на жену, не веря ее словам.

- Счастье-то какое, Мамед!

Мамед все еще не веря словам жены, вертел в руках флакончик купленного, в аптеке для жены, лекарства.

- Не знаю, что и сказать на это... - вымолвил он, и почему-то, сев на диван, заплакал, чего до этого никогда не делал.

ВСТРЕЧА

После концерта, я увидел ее на улице и пошел следом за ней. Она куталась в пальто, почему-то запахнув его полы друг на друга, не застегивая пуговицы и чувствовалось, что ей очень холодно.

Неожиданно она остановилась перед тускло горевшей рекламой, взглянула на часики, что были одеты на ее руке и пошла дальше, не обращая никакого внимания на идущих людей.

Я шел за ней, сам не понимая, зачем это делаю, но что-то толкало меня на этот шаг, хотя уже давно мог быть дома.

Мне с трудом, почему-то верилось, что она шлюха ищущая клиента, уж очень быстрым шагом она шла, не выискивая соискателя на ночь, но почему-то заинтриговала меня. И я, как дурак, из любопытства, отправился за ней следом и уж было поздно менять свой маршрут, тем более, что, где-то в глубине души, я все же уповал на ее близость и даже откровение.

Неожиданно начавшийся моросящий дождь, видимо надоумил ее отбросить разум и забежать в близлежащий ресто-

ранчик, и волею случая, усесться за один пустующий столик вместе со мной.

Теперь она сидела напротив меня и все в ее облике было восхитительно, начиная от волос и фигуры до аромата неизвестных мне духов, вызывающих чувственность.

Она же была напряжена и когда подошел официант, чтобы принять заказ, девушка резко посмотрела на меня и мне пришлось задать ей вопрос:

-Чего же ты хочешь?—протягивая красную папку с наименованием блюд.

Она пробежала беглым взглядом меню, и потупила свой взгляд, ничего не ответив.

- В чем дело? — спросил я, чувствуя ее прелестный соблазн. Не понимая авантюру или начало любовной игры.

Официант начал вертеться и как-то пофыркивать, выражая свое неудовольствие клиентами:

- Ну и?.. — спросил он чуточку нагло.

-Шампанское и... - я показал ему на блюдо, указанное в меню.

Он тут же улетучился.

Блаженно и бешено колотилось мое сердце, я вбирал ее волшебный аромат в себя.

-Мы даже не знакомы с вами, - сказал я ей, и протянув руку, представился.

-Кому это нужно? — ответила она, не идя навстречу моей руке и не называя своего имени.

Мы сидели напротив друг друга и смотрели в лица. От взгляда, ее проникновенных черных глаз, рушилась всякая реальность и я ощутил невероятный холод, которым наполнилась моя душа.

-Я не могу ничего вам дать, - сказала она. — Мне очень на-

доела моя жизнь...

-Вы хотите покинуть этот мир? – спросил я ее. – Но вы не похожи на сумасшедшую. Вы молоды и хороши собой.

-К сожалению, я не могу вам открыть то, к чему вы стремитесь и что ищите в этой жизни.

-А я и не прошу вас об этом. Вы лучше подумайте о том, что ищите вы лично сами. У вас есть желание избавиться от самой себя, от своей личности?

Официант принес на подносе бутылку шампанского и заказанные салат оливье и цыпленка.

-Я пришла сюда не пить и не есть, - сказала она. – А только переждать начавшийся дождь.

-Вы готовились к самоубийству? – спросил я ее. – К суициду, так будет вернее...

-Какая разница, - ответила она, и как мне показалось, в ней, что-то дрогнуло глубоко внутри.

Официант разлил шампанское по бокалам и разделил цыпленка на две части, переложив на две тарелки, обложив зажаренное изделие помидорами и огурцами.

-Ешь, - сказал я ей, - и выпей, уверен, тогда и умереть будет легче.

-Умереть с наслаждением? – хмыкнула она, и ее глаза стали до ужаса страшными.

-Сейчас суицид очень стал модным среди подростков и молодежи, - заметил я ей. Мне казалось, что я возвращаю ее к самой себе своими словами, отгоняя ее напряженность.

- А твоя вера в людей? – недовольно спросила она. – Как?! Я промолчал.

- А моей вере стало нечем дышать, понимаешь?! – сказала она. – Великие подвиги и чувства – чушь собачья.

-Претерпевшие мученическую смерть – герои, ну, а сила настоящего чувства у каждого своя.

-Кажется дождь закончился,- сказала она, смотря в неподалеку находившееся окно. – Я пошла...

Она привстала.

- Подожди! – попросил я ее. – Завтра у нас в институте бал – маскарад и я бы хотел, чтобы...

- Хм... - садясь на стул, хмыкнула она. – Видимо, это дыхание судьбы...

Я почувствовал, что в ней вдруг все стало полно значения, напряжения и особого, хотя и двойственного чувства, изменившего ее горькое состояние души.

Она еще противилась своему легкомыслию, готовая к смерти, и я сказал ей:

- Искупать перед Всевышним легкую смерть не для меня... Нужно достичь венца жизни, чтобы Он Сам забрал душу к Себе.

Я увидел в ее глазах страх. Затем она с любопытством посмотрела на меня, сказав:

- Земля – временное прибежище, а там... - она показала куда-то вверх, - и есть наш истинный дом.

- Ты права, - ответил я, доедая цыпленка и допивая шампанское. – Тебя проводить?

- Смелая мысль! – улыбнулась она впервые за весь вечер. – Но я уйду одна...

Она вскочила со стула, и я еще не успел ей сказать, что хотел, как она исчезла из зала.

- Часто эта девушка бывает у вас? – спросил я у официанта.

- Впервые вижу, - с безразличием ответил тот, принимая от меня счет.

Я выбежал на улицу. Дождь кончился. Редкие люди шли по улице, закрываясь воротниками от ветра.

- Снег будет... - сказал кто-то, пробегая мимо меня. – Поспешите домой...

И, действительно, пока я дошел домой, повалил густой снег, охладив мой пыл и отчаянье, что я так и не познакомился с хорошей девушкой, у которой, в голове, видимо завелись, «тараканы»...

Больше мы с ней, никогда не виделись.

БРАТ

В который раз, Самеду снился один и тот же сон:

- Обвиняемый! Вы отрубили голову своему брату и приговариваетесь к наказанию в...

- Нет! Нет!! Нет!!! – вскакивал он с постели, весь в поту и начинал метаться по комнате.

- Ты – сумасшедший! – с спросонья говорила ему жена. – Пей лекарство, оно успокоит твои нервы.

Как все просто: пей лекарство, оно успокоит твои нервы...

Самед вновь ложился, но сон никак не шел. И только начинал было дремать, как вновь слышал:

- Вас нужно приговорить к самому тяжкому наказанию...

-Черт! – вновь вскакивал Самед и шел на кухню выпить кофе, чтобы отогнать от себя сон окончательно, навсегда... Но это плохо получалось.

-Этот негодяй сидит у меня уже вот где, - сказал он жене за завтраком, показывая, ладонью скользя, по своему горлу.

- Кажется, ты должен отнести сегодня деньги в больницу, а то вновь начнутся разговоры, чтобы забирали его домой.

Самед от бессилья стукнул по столу кулаком, да так сильно, что задребезжали чашки.

-Это хорошо придумал человек—эфтаназию, сделали укольчик и... нет мучений. Что твой брат, живет что ли? Проклятый овощ! Да еще с нас деньги тянет... Неужели ты не можешь договориться?!

-Не говори ерунды. У нас это запрещено! Нет такого закона, понимаешь?

-А надо бы... -недовольно заметила ему жена, добавив. – Поторопись, опоздаешь... -И вышла из кухни, кому-то звоня из комнаты по сотовому. Самед по разговору понял, что договаривается с косметическим салоном. Уж следит за собой, ничего не скажешь, лишнего грамма хлеба не съест, конфету: нельзя! Диета!

...Самед ехал в больницу, надо было отдать деньги за брата, а то, действительно, скажут: забирайте!

И, почему-то, невольно вспомнил, как возненавидел принесенного из роддома брата, сказав матери, обидное:

- Ну и зачем он нам здесь?

А отец, за такие слова, так вообще дал по затылку, и схватился было за ремень, да мать встала на защиту:

-Да, что с него взять? Пустое говорит, дитя, два года всего. Они еще такими друзьями будут!

Когда брату было два года с небольшим, а тот любил вставать на табурет на балконе и смотреть через перила вниз, - вытолкнул его, от лютой ненависти, и тот полетел с пятого этажа, переломав себе и ноги, и руки, и позвоночник...

Самед помнил, как сам юркнул в постель и притворился спящим. В доме поднялся шум, крик, а он отвернувшись к стене, вроде спал...

Так целых сорок с лишним лет, Самед не мог забыть подлости, совершенной в детстве, и пока были живы родители, они сами ухаживали за инвалидом: неразвивающимся, скрюченным, вечно стонущим от боли... Он и разговаривать не

научился, все мычал, что-то свое, и слюна обильно стекала из его рта...

А теперь, когда родителей уже не было, он всеми правдами и неправдами, уложил брата в клинику и исправно платил за его содержание и лекарства.

Но сны... Эти сны, особенно за последние годы, выматывали его, истощая нервную систему. И, действительно, может права была жена, сказав про эфтаназию? Действительно, с этим уродцем нужно кончать...

Он подъехал к клинике с черного хода, как обычно делал, чтобы не столкнуться с кем-нибудь из знакомых: он не хотел лишних расспросов, его это раздражало, и крадучись, по-воровски, поднялся на этаж, подойдя к палате, в которой лежал его брат.

Через растворенную дверь, он увидел, что тот спал, а подошедшая медсестра, как из под земли выросшая, сказала:

-Что-то состояние вашего брата ухудшилось...

«Слава Богу! - подумал Самед, - видно Господь услышал наш сегодняшний разговор на кухне!», но вида не подал, а опустил голову, будто выражал сожаление. А медсестра все тараторила:

- Что-то и давление стало зашкаливать и с головой не все в порядке... Всю ночь мы его держали на обезболивающих и снотворных. А он все рвался куда-то, представляете, приподнимался даже, в его-то состоянии и пытался даже кричать: это он! Это он! Он!

Самед вздрогнул: «Господи, неужели этот уродец обрел дар речи?», но ничего не сказал медсестре, а взяв ее под локоток, подвел к окну, заговорчески сказав:

-Дорогуша! Мне больно видеть, как мучается мой любимый брат. Вся жизнь его – сплошные мучения с самого детства...

-Да, в эпикризе все это описано досконально, - подтвер-

дила та.

-Неужели нет такого укола, родная моя, чтобы прекратить все его страдания разом?!

Медсестра округлила глаза:

-Вы толкаете меня на преступление?! Вы что, хотите, чтобы я была исполнительницей...

-Ну к чему эти разговоры? – улыбнулся Самед. – Я хорошо вам заплачу, любезнейшая. Вы, я и Бог будем знать это.

-А небесная кара? – С испугом в голосе произнесла медсестра, оглядываясь по сторонам.

-Это, дорогая моя, - жизнь! Оставим патетику с ее проявлением божественного и человеческого. Примите мою мысль, как нечто само собой разумеющееся... Мир всегда был сложным, а мой брат стремится к освобождению, разве это ни так?

Медсестра боязливо сверкала своими беспокойными глазами, чувствуя, что предложение сделанное ей только что – шанс, и предложенные деньги, дьявольским искушением перевернули ее эстество. А дома, как бы кстати были предложенные деньги.

Очень смущенная, она спросила полупрошептом:

- Сколько?

Самед назвал сумму.

Она утвердительно кивнула головой, сказав при этом:

- Я – ничтожество!

- Это жизнь! Жизнь! – улыбался ей Самед, желая показать свою симпатию.

Медсестра потащила Самеда, взяв за рукав, к лестнице черного хода, где было сумрачно, а главное – безлюдно. Он отсчитал ей нужную сумму и отдал хрустящие купюры в руки.

- Все! Уходите! – приказала она, пряча деньги в карман. – Не заходите до завтрашнего дня...

- Хорошо, - согласился он с ней. –Но и вы не подведите меня...

- Не подведу! – и тут же испарилась, как белое облачко.

Самед с облегчением выдохнул, и так же, крадучись спустился вниз, сел в машину, и выехал со двора. Он не хотел возвращаться даже мыслью о брате, считая, что с тем кончено раз и навсегда!

Он думал о жене, подавшую ему эту поразительную идею. А, может быть, эта мысль была его собственной, а жена, угадала ее, и выдала за свою, опередив его?

Но почему, почему, сегодня во сне, ему зачитывали какие-то дикие приговоры и почему вменяли наказание?

Самед засмеялся, уже совсем уверенный, что его беды кончились, как неожиданно раздался страшной силы удар: мчавшийся на скорости БМВ врезался в его машину спереди, смяв ее в гармошку.

- Какой же ты подлец, - услышал Самед голос отца.

- Негодяй, - голос матери был строг и глух, так всегда бывало, когда она сильно нервничала.

- И это – мой брат, - стоя над Самедом сказал какой-то мужчина.

- Ты еще не один раз пройдешь через ад своего нутра и бесконечно будешь испытывать муки! – сказал чей-то твердый мужской голос.

- Нет... нет... Я не хочу... - хотелось закричать Самеду, и последнее, что он услышал, был сигнал «скорой» и кто-то сказал:

- Констатирую смерть. В морг его...

МОТЫЛЕК

Я ее встретил на Турецком взморье, несколько робкую и смешную, но с чересчур благородным взглядом, светившим умом и величием.

Испытывая недоверие ко всем случайным девушкам, я всегда, может быть, чересчур дотошно, обнаруживал в них лживо-идеальный образ, как бы срывал с любой из них, маску, находя все их неприятные черты характера. И я, всякий раз, пускался наутек, удивляясь, в каком обмане находился, и как каждая из них могла, благодаря своим способностям, провести через весь хаос в цивилизованном мире, войдя в свою роль.

Почему-то я чувствовал возможность встречи, считая, что забрезжит настоящее чувство, наконец прорвавшись через мою иллюзию.

И когда я увидел девушку, идущую по краю морского залива, приложившую к уху большую раковину и вслушивающуюся в морские откровения, сразу же понял, что мы должны познать друг друга без фальсификации масок.

- Как же тебя зовут, - спросил я ее, когда она подошла ко мне ближе.

Девушка посмотрела мне в глаза безо всякого смущения:

- Мотылек, - ответила она. – А это – раковина, которую, возможно, кто-то потерял из музыкантов или отдыхающих здесь. В этом море нет таких раковин, они есть только в Индии или Полинезии.

- Ого! Мотылек...

- Послушайте, - она приложила мне раковину к уху.

Что-то невнятное, но явно, живое, издавало внутри раковины звуки.

- Ну? – спросила меня Мотылек, - что вы слышали?
Я развел руками, не имея слов, выразить услышанное.

-Во-первых, - сказала она, - вы слышали дыхание бога Вишну, от дыхания которого вибрирует вся наша Вселенная. Во-вторых, индийские мистики связывают раковину и доносящиеся из ее чрева звуки, с главным звуком Вселенной, мантрой мантр, - и она пропела протяжно, - Аа-Уу-Мм... Это священное буквосочетание: АУМ – триада индуистского пантеона – Брахмы, Вишну и Шивы. Здесь, в этих звуках выражен весь цикл бытия! А теперь подержите эту раковину в руках и погладьте ее выпуклую поверхность...

Я гладил шероховатую поверхность и думал: «Мотылек выражает ко мне симпатию и простирает руки к нашему с ней сближению и единению».

-А теперь я скажу вам, что эта раковина, - она забрала ее из моих рук, - один из восьми буддийских Символов Доброго Предзнаменования.

-Боже мой! Мотылек! Ты, как солнечный лучик!-в восхищении воскликнул я.- Основываясь на буддизме, проливаешь, в данное время, свет своей духовной мудрости на меня!

-Нет! Нет!-воскликнула она, поднося свою ладошку, пахнущую какими-то благовониями, ко моему рту, закрывая его. – Жемчужина Мудрости–Сарасвати, великая утешительница, пробуждающая в душах свет познания, а не я...

- Так открой и ты мне природу извечного...

Я увидел в Мотыльке тонкого, умного, а, главное, самобытного человека, стоящей выше норм заурядной жизни.

- Если вы желаете обрести мудрость, - сказала она, садясь рядом со мной на песок, - то должны знать, что вам достаточно сложно будет все понять, с вашим обыденным умом. Только не обижайтесь на мои слова. У вас нет фундамента

духовных качеств, нет духовной свободы... Ведь, я извиняюсь, вы заговорили со мной, чтобы познакомиться, как с продажной девкой?

Меня бросило в жар. Хотя солнце еще не стояло в зените и с моря дул приятный, освежающий бриз.

-Но разве нужно сторониться тебя, Мотылек, чтобы подержать свой ум и душу?

Она вздохнула:

-Пробуждающая тяга к познанию – это светило, которое может затмевать, как светлые облака добродетели, так и темные тучи порока. А ты пришел сюда за пороком, это шаблон, ведь ты приехал отдыхать на побережье, а значит...

Мотылек была права: я приехал за грязью, грехом, пороком и, где уж, мне было познать в себе гармонию мудрости, хотя, как мне казалось, я неплохо разбирался в поэзии, музыке, художественных произведениях.

- Но я же всегда был не способен принять проститутку всерьез и отнестись к ней, как к равной! – заметил я ей с возмущением.

- Чтобы стать развратником, даже яркая индивидуальность оборачивается против собственного «я», ведя самого себя к разрушению. Проституция – обывательская договоренность мужчины и женщины, затрагивающая наиболее грубые инстинкты. Вы называете себя человеком? – спросила она, заглядывая мне в лицо.

- Человек мещанской условности, - ответил я ей.

- Вы – нигилист! – отозвалась она сухо.

-Наверное, так оно и есть. Я считаю сознание лишь временным, уничтожаемым смертью, причем, в рамках одного физического воплощения.

Девушка засмеялась.

- Ум становится бесконечным только после того, как достигну духовное просветление, - она взглянула на меня строго и назидательно. – Ты все равно ничего не поймешь... Нужно идти от света к свету, избегая тьмы!

Мотылек легко встала, глубоко погруженная в свои мысли:

- Тебе нужно переспать с какой-нибудь девушкой, вон их сколько шатается в округе, - сказала она с усмешкой. – Ты научился любить в этом мире обыкновенно, по-человечески...

- А ты? – спросил я ее, - отказываешься от всех своих плотских желаний, благодаря очищению своего эго – источника страстей? Не пребывает ли твой ум в заблуждении?!

- Ты еще маленький мальчик, - сказала мне она с усмешкой.

- Мотылек, да ты с ума сошла, не видя, что перед тобой я, - человек, которому далеко за сорок! – возмутился я.

Она от души засмеялась, прижимая раковину к груди. Затем начала играть на ней какую-то мелодию, скорее чилийскую, настроенную на совсем непривычные звуки.

Мотылек была рядом и я хотел видеть ее, как можно дольше, наверное даже, каждый день. И сейчас, пока все еще звучала мелодия, я начал испытывать угрызения совести перед всем, что было в моей жизни беспорядочным и случайным, и все обнаруживал и обнаруживал в самом себе неприятные черты... Эта девчонка растревожила мои душу и ум...

А мотылек все играла и играла на раковине, видимо устав от бесплодных разговоров со мной. Я вопрошающе взглянул на нее и у меня из глаз, независимо от меня самого, полились слезы.

Я уже полностью считал себя чужим в этом мире. Неудачником, разочарованным и ведущим самого себя к саморазрушению.

- Ну и что ты здесь раздуделась? – неожиданно услышал я злой мужской голос, добавивший, вплотную подходя ко мне, - ну, что, берешь ее? Плата разная у меня, за час, день, ночь, сутки, как?

Он беззастенчиво огласил преискурант, от чего мне стало ни по себе... Ведь я считал Мотылька другой, совсем ни такой, какими были истинные жрицы любви: самодовольные, наглые, вольные...

Разочарованный, я ответил резким отказом. Я никак не мог лечь в постель с Мотыльком после разговора с ней...

В ее глазах я почувствовал сожаление. Красивая, молодая, почти что, еще девочка, очень умная, она, как возлюбленная, нужна была мне, но я твердо сказал свое:

- Нет! Она мне не нужна.

Мужчина стремительно направился вперед, тяжело переступая песочные барханы, а Мотылек, резво, словно молоденькая козочка, бежала за ним, вновь наигрывая на раковине, какую-то неизвестную, в моих краях, мелодию...

«Мотылек – усмехнулся я, - вероятно, до бабочки ей еще нужно дорасти».

Наступила мирная тишина. Солнце поднималось все выше и в его лучах по-особому играло море икрясь миллионами волнообразных барашков. И я был благодарен Мотыльку за высказанные ей мысли, в тот ранний утренний час.

ИЗОЛЯЦИЯ

Инолу вновь мучила глубиннейшая тоска, она высокообразованный человек, имеющая в себе все утонченное, духовное, культурное, исчерпала свои ресурсы и теперь в ее натуре

стало все импульсивным, хаотичным, диким. И обманные мысли в трудно контролируемых состояниях сознания, вносили компромисс, ценой ужасных мук и она, не могла самостоятельно разоблачить самообман своей деградирующей личности.

Уже третий месяц она лежала в психушке, такой умный и светлый человек, сведя устоя своей жизни к грубой и примитивной формуле, чувствуя себя в промежутке между аскетизмом и мученичеством.

Инола любила одиночество и рассуждения вслух. И многие, рядом с ней обитающие «существа» со слабым импульсом к жизни, обычно, когда она начинала свои рассуждения, садились где-нибудь неподалеку от нее и ничего не понимая, все-таки вслушивались в слова сказанные ею, порою одобряя их, порою освистывая ее и зло топая ногами.

Тогда Инолу уводили в бокс, где она оставалась совершенно одна, считая себя натурой очень сильной, что и помогало, как ей казалось, сохранить свое эго в безопасности от всей этой одержимой толпы, ставящих каждый из них свое личное «я», выше рядом находившихся с ним людишек.

Инола понимала, что она находится в психушке, как в пространственно-временных условиях, к которым подвела ее жизнь, ее ум. А поскольку человеческий разум бесконечен, то он самостоятельно создает все новые и новые основы мышления, которые в конечном, итоговом счете, непрерывно порождают новую реальность.

Следуя духовной философии, и внутреннему, как ей казалось, очищению, Инола оказалась здесь, и ее добрые намерения, и идея высшего просветления, усилила противоречия и заблуждения, и, собственно, своими речами, она так надела своим сослуживцам и соседям по-коммуналке, что те

написали на нее заявление в дурдом, милицию и «скорую» для умалишенных, не дав ей на свободе реализовать свою истинную природу через язык Вселенной.

А так как она была немолодой, и с некоторых пор, одинокой женщиной, то из сочувствия, к ней, нет, нет, да и заскакивал кто-нибудь из сослуживцев с передачкой: яблоками и чем-нибудь, печеным, увещевая:

-Инола, хоть сколько-нибудь поступись своим «я», своими речами, спаси себя от гибели в «дурке». Неужели жить на свободе хуже, чем жить в изоляции, с людьми с бесчисленными крайностями...

Но Инола улыбалась:

-Я здесь нашла исходную точку своего существования и не чувствую себя посторонней. Здесь атмосфера порядка и благопристойности, и я нахожусь среди гениев, а не отшельников вовсе. Это вы все вместе взятые, ограничиваете себя обыденной земной философией, а я...

И она вновь начинала говорить, словно по-написанному, применяя в своих словах утонченную логику, и даже не замечала, как пришедший наведать ее сослуживец, оставив на тумбочке свои гостинцы, убегал от Инолы, говоря на ходу нянечкам или медсестрам:

- И как вы выдерживаете эту ересь!

Тем более, что Инола находилась в их отделении ни одна.

Как-то раз весной, когда на улице уже было довольно тепло, больных, кто не вызывал особые опасения, выпустили в сад, прилегающий к дурдому. Кто-то схватился за лопаты, вскапывать землю, кто-то заспешил за ведрами, чтобы полить деревья, а Инола, как обычно, встав на скамейку, начала своими разговорами блуждать в дебрях самоанализа. Она вновь говорила о пространственно-временных условиях,

силе земли, воды и огня.

- Bravo! – услышала она около себя мужской голос, протягивающий ей, сорванный, видимо с клумбы цветов.

Сегодня на прогулку выпустили одновременно мужчин и женщин, что бывало крайне редко.

Инола с радостью приняла из рук мужчины цветок, потому что ей их дарили очень-очень давно.

- Спасибо, - поблагодарила она его, и он, подав ей руку, помог спуститься со скамейки.

- Я слушал вас, - сказал он грустно, - смотря на безразличные лица людей вокруг.

- Так они же все тут больные, - ответила ему Инола. – Поэтому, чувства разных людей и отличаются друг от друга.

- Но не здесь... Увы! – сказал с сожалением мужчина. – Степень чистоты человека обуславливается кармически...

- Неужели?! – с восхищением заметила Инола. – Неужели, я наконец встретила человека, понимающего меня, понимающего существование буддизма на свете? И где? Здесь, в «дурке»?!

- Психотерапевты здесь таких как мы, эффективно лечат... И вовсе не задумываются, о своих прошлых воплощениях и не создают позитивную духовную энергию, поэтому их чувства не становятся более чистыми и возможности восприятия не расширяются.

- Теперь я должна сказать вам: bravo! Вы – профессор?

- Нет! Я простой преподаватель. Вокруг нас, заметьте, одни нигилисты. И я рад, что сегодня судьба свела нас, хотя, как сказал один мудрец: «Когда я нахожусь среди людей, то воспринимаю все через чувства. Пребывая же в одиночестве, я достигаю ослепительной чистоты сознания».

- Вот и все эти люди не имеют ни малейшего представле-

ния о присущих им духовных качествах, они сокрыты от них...

- Или наоборот... открыты, вырываясь из глубин их ума! Недаром же говорят, что именно сумасшедшему человеку открывается истина нашего бытия, хотя, может быть, и не несет для них самих никакого блага. Только практика совершенствования очищает наши чувства!

Они пошли по тропинке молча, ничего не говоря друг другу. Он видел в Иноле путь к общению и единению, и уже хотел взять ее за руку, как она, точно с цепи сорвавшись, взлетела на очередную скамейку и начала кричать:

- Вы раздвоены, грешны, и всех вас ждет одичание! Я презираю всех вас! Вы все далеки от меня, моего мышления, моего бытия...

Мужчина отскочил от скамейки, а санитары, уже стаскивали Инолу и, один делал ей укол, другой надевал смертельную рубашку.

- Началось! – сказала подбежавшая медсестра, и пояснила: - Очередной приступ... - Она призывает отбросить разум и вообще, самозабвенно заговаривается часами...

- Понимаю... - ответил мужчина, - она всегда отличалась от бытия и мышления нормальных людей...

- Вы ее знали? – удивилась медсестра.

- Я бывший, гражданский ее муж, а она меня даже не узнала, - сказал он с сожалением, поспешно удаляясь к воротам.

- Мужчина! – побежала за ним медсестра, - разве вы не из шестого блока? Не наш пациент?

- Нет! К великому моему счастью, нет! – он протянул медсестре пропуск подписанный главврачом. – Я пришел к Иноле, повидать ее и, возможно, забрать, но...

- Да что вы! – изумилась медсестра. – Она здесь выдает такие речи!

- Извините, - откланялся мужчина. – Значит, Инола еще обитает в пространстве высшего сознания, - сказал он, поспешно удаляясь.

ЖЕНЩИНА В КРАСНОМ **(повесть)**

1. Сегодня был последний вечер моего пребывания в Праге, городе, пахнувшим уютом, опрятностью и благопристойностью жизни.

Три дня конференции пролетели незаметно, и, наверное, мое волнение, как выступающего с огромной и проблемной речью по поводу мирового градостроения, никак не желало полностью покинуть меня.

Что-то тревожно-сладостное давило меня изнутри постоянно как «до», так и после моего выступления, хотя моя речь явно расположила ко мне незнакомых людей собравшихся со всех земных континентов. Со мной многие вежливо и приветливо раскланивались в кулуарах, как с давно знакомым им архитектором, хотя они видели меня впервые точно как и я их...

В душе я был горд, что сумел направить всю силу своего разума и всю гениальность своей фантазии в нужное русло конференции, вызвав доверие и интерес мэтров с известными именами.

Но все закончилось. И только мое волнение никак не хотело покинуть меня. Мне же хотелось успокоения. И я, неожиданно для самого себя, забрел в кабачок, заинтригованный тускло освещенным пятном из голубого света, по которому бежали пестрые, алого цвета, буквы: Весь вечер на сцене Женщина в красном!

Буквы появлялись и гасли, словно улетали куда-то безвозвратно угасая, но через какое-то время появлялись вновь, отражаясь на мокром асфальте.

Совсем недавно прошел кратковременный дождик, предвестник осени и в воздухе запахло чем-то удивительно терпким и... грустным. Откуда-то сверху неожиданно под ноги слетел желто-красный лист, какой-то причудливый и напроць

охладевший к дальнейшей жизни в этом мире, накрывая собой несколько слов рекламы подряд.

И оставшиеся на мокром асфальте слова: ...женщина в красном... женщина в красном... - обжигали, подталкивая войти во внутрь заведения.

Я нажал на старую тяжелую ручки двери, войдя во внутрь.

Меня тут же обволокла чарующая музыка, звуки которой поразительно, в мгновение, взбудрили и оживили меня. Моя душа ощутила волшебство!

Ах, эти звуки давно забытой мелодии, накрывшие лавиной, несшие собой тайное упование на откровение души. Она будто бы несла в себе ее тоскующий дух, звуковые виденья прекрасных символов неземных часов, когда-то ушедших от меня, отделившихся и возвернувшихся так неожиданно через увядшие годы.

Фламенко!

Да, то была мелодия фламенко, возбуждающая кровь настолько, что я, стоя как вкопанный в самом начале зала, будто видел перед собой единственного друга, одинокого, изведенного в холодном пространстве бессильной тоской. Меня начало лихорадить. Невольно почувствовав, чье-то легкое прикосновение к моему плечу, вздрогнул, резко поворачиваясь.

Молоденькая смешливая официантка, взяв меня за локоть, повела по рядам мимо переполненных столов, и усадила за пустой, одиноко стоявший в самом углу, наверное, резервно-запасной столик, не более чем на двух человек, и шепотом попросила сделать заказ.

-Лимон и пятьдесят граммов коньяка, - сказал я, желая побыстрее отделаться от нее.

На сцене же происходило действо!

Танцовщица в красном платье показалась мне существом не просто прекрасно созданной природой, в ней было что-то большее: неземное, священное, настоящее!

Среди серой мглы на маленькой сцене, в замкнутом пространстве, будто погруженном в сон, лилась неистово-пронзительная музыка, вбирая в себя, с каждым «па» танцовщицы сентиментальность и наивность, вызывая на все большую откровенность и чувственность.

Порхающая между столиками официантка уже раз пять к ряду приносила мне, как под копирку, заказанный в самом начале, коньяк, а я, блаженствовал и балдел, упиваясь настоящей музыкой, танцам без передышки, задыхаясь от тайного, но такого огромного, заполнившего всего меня, очарования.

Я закрыл лицо ладонями, видимо вобрав в себя атмосферу музыки настолько, что боялся прилюдно расплакаться. Вспомнилось детство, когда я трех или пятилетний мальчишка приходил к отцу на занятия из чистого любопытства. Он преподавал именно фламенко и эти чарующие звуки музыки, эти дробные пристукивания каблуками, кастаньеты, переливы гитар и гортанные звуки певцов, вошли в меня непривычной болью реальной культуры, несшей свой уклад естественной мягкости и красоты...

И сейчас я, сидя в этом душном зале, задыхался как неотесанный дикарь, оказавшийся зажатым между двумя эпохами цивилизаций: XX и XXI веками, чувствуя ад человеческой жизни, одиночество, хаос помраченной души...

Музыка! Музыка, своими звуками, являла попытку выразить форму зримых событий...

Мне даже послышались отдаленные звуки бандонеона, слышанные в далеком детстве, когда отец сломал себе лодыжку при падении и больше не смог танцевать, и целыми

днями, с большим усердием, учился играть на этом необычном немецком инструменте, похожим на баян, привезенный кем-то из родни с мировой войны...

Нежное прикосновение руки официантки вернуло к действительности. Она нагнулась к моему уху и прошептала:

-Вам презентуют орешки... - ставя передо мной тарелочку с кешью, многозначительно замечая: - Дама!

Она также быстро упорхнула от меня как и появилась, и я, невольно обернувшись к столикам, что стояли ближе к сцене.

Какая-то дама помахала мне, как мне показалось, чуточку нагло, будто предлагая себя, и видя, что я не отвожу взгляда, направилась ко мне, грациозно поднявшись со стула.

- Не удивляйтесь, пожалуйста, - улыбнулась она подходя к моему столику. – Мы были с вами вместе на сегодняшней конференции. С той разницей, что я сидела в зале, а вы были выступающей персоной на таком важном форуме.

Я предложил ей присесть.

-Скучно?- спросила она, внимательно всматриваясь в мое лицо.

-Где? На конференции или...

-Везде! Вас устраивает уклад нашей жизни? Лично я испытываю злость на эту тусклую мещанскую сферу. Хочется новой осмысленности человеческого бытия. У вас нет желания испытать сильные, сносшибающие чувства, какие могут быть между мужчиной и женщиной?

«Бог мой! Да она предлагает мне себя, как шлюха!» - подумал я. – «Грубо, беззастенчиво, пошло!»

Я ничего не ответил ей, закуривая.

Она поняла бессмысленность своих разговоров и если еще недавно тайно уповала на близость, то сейчас не стала изводить себя чувственностью, задевая мои инстинкты, а ребяч-

ливо улыбнувшись, бросила передо мной свою визитку и поднявшись сказала:

- Приходи... Наши номера рядом: 635...635.

Она легкой поступью пошла к выходу и многие мужчины обернулись ей вслед, смотря на нее, как на ускользящий «товар»...

Мне была неприятна эта грубая дикость, эта жадность взглядов вбирающая в себя приторную слащавость и необузданную похоть собственных фантазий, людей, испорченных нравами опасной, а главное, вседозволенной неукротимости...

Я слегка приподнял брошенную визитку и прочитал: Софи Фелье, архитектор-проектировщик. Следующие за этим данные меня не интересовали. Небрежно, я опустил кусочек картона в карман пиджака. Это имя мне не о чем не говорило.

Я вновь превратился вслух. Действо танца на сцене продолжалось и теперь с женщиной в красном танцевал мужчина, еще недавно игравший на гитаре и гортанно подпевавший в особо исключительных моментах, наделяя индивидуальную особенность танца сильными импульсами, почти вырывающимися в просторы Вселенной.

Кто-то от избытка чувств кричал:

- Браво! – в такт прихлопывая в ладоши.

И зал, постепенно, словно одержимый невиданной силой, обретал простор абсолютной мощи и охваченный единым порывом, не сговариваясь, объединялся во что-то совершенное и самобытное, что никак не претило человеческому естеству. То была формула высшей житейской мудрости: охватывай и объединяй невозможное!

То была магия невозможного: познать самих себя без -

масок, фальсифицирующих эмоции, ложь, наигранность, фальшивость...

-Купите цветочки...-заверещал рядом, чей-то голосок, отвлекающий меня от финального завершения.

Я мельком взглянул на аккуратные корзиночки с искусно подобранными розочками, и что-то подтолкнуло меня купить одну из них. Мне даже показалось необходимостью, купить цветы и подарить танцовщице в знак внутренней благодарности за настоящее искусство, за возможность освобождения от множества противоречий, за далекие воспоминания...

Но сцена опустела.

Зрители стремительно покидали зал. Мне казалось, что я похож на идиота с корзиночкой цветов в руках.

-Девушка, - позвал я официантку. - Передайте эти цветы танцовщице.

-Нельзя! Никак нельзя! Не положено! Извините! У этих артистов свои законы. Сожалею!

- А когда она будет еще здесь танцевать?

-Не знаю! – развела девушка руками. – Итак танцевала пять вечеров. Завтра у нас стриптиз. Приходите. Не пожалеете! Это намного интереснее, уверяю вас.

-Кому как, - ответил я небрежно, все же стараясь, не зная расположения этого заведения, попасть за кулисы.

Но меня, с настойчивой грубостью, вывели на улицу два амбала, захлопнув дверь.

И я остался стоять под дождем, с корзиночкой цветов, как сущий идиот.

2. Выпитого было достаточно, чтобы сделать еще один опрометчивый шаг: я постучал в дверь номера 635, что на-

ходился рядом с моим. И как только открылась дверь, я протянул корзиночку Софи.

Она не удивилась, и скорее, приняла цветы как должное.

- Это мои любимые розы, - сказала она.-Осенние. Их название «хрустальный поцелуй» и, действительно, взгляните на свет: каждый лепесток цветка настолько неестественно хрупок, прозрачен, будто стекло. Где вы их взяли? Это очень редкий сорт роз.

Она захлопотала у столика устанавливая корзиночку, как можно аккуратнее, касаясь лепестков лицом и губами. – Прелесть! Какая же прелесть эти дивные розы! Спасибо вам, Вигдор!

- Вигдор?- удивился я. – Откуда вам известно мое имя?

- Видимо алкоголь и эта музыка чувств...

- ...Жизни, Софи, жизни!

- О! В вас, кажется, просыпаются утонченные мысли, Вигдор. Вы не для кого не были инкогнито. Вон, в программе симпозиума значатся ваши имя и фамилия, страна пребывания. Целое досье. Так насладились вы музыкой и танцами?

- Это все вместе взятое, из моего детства, Софи. Из далекого детства...

-Удивительно, Вигдор, но и я постоянно вращалась среди всего этого: музыка, танцы – фламенко и танго, гитары и даже, бандонеон...

- Бандонеон? – переспросил я ее, не веря своим ушам. Она могла знать об этом, уже почти забытом инструменте далекого прошлого? Я с жаром схватил ее за руки: - Значит...

- Я обучалась танцам...Вернее, - она высвободила свои руки из моих, - меня насильно заставляли делать это... Но во мне не было высшего единства, способного изобразить множественное «я», и в каждом, драму характера. Мое тело противилось этому, а душа молчала.

- Значит, вам все это было противно и вы испытывали насилие взрослых над ребенком? Почему же сейчас, сегодня, вы восприняли сидя в зале все это импульсивное, весь трепет, экстаз, муку в противоположность своему сопротивлению души и тела?

Софи посмотрела на меня со смешанной двойственностью, будто размышляла: говорить или нет...

Она решилась, выплеснув жесткое:

- То танцевала моя мать!

- Боже! – воскликнул я изумленно. - Женщина в красном-ваша мать?! – хотя я не очень разглядел ее лицо, ведь главным была музыка и движения ног, рук, тела. – Как же, вы, Софи, могли уйти не дождавшись конца представления?

- У меня нет никаких чувств к этой женщине, - сказала она безразлично, добавив: - О-о-о! Это целая история Вигдор. Чтобы понять меня, нужно выслушать целую исповедь...А к ней я не готова...

Я стоял абсолютнейшим истуканом, не зная как вести себя, но Софи, почти вплотную подошла ко мне и подняв руки вверх, призывно захлопала в ладоши, приглашая к танцу.

От неожиданности, опешив, я испытал трепет и глубиннейшую тоску, сидевшую во мне долгие-долгие годы, и именно инстинкт, робкий, наивный, родом из детства, именно в этот момент, проложил опасный мостик между двумя душами.

Софи, ловко притопывая, закружилась вокруг меня, как бы случайно касаясь моего тела, желая заставить принять участие мое сознание и преодолеть мещанские условности, и найти путь к истинной человеческой природе, познав мудрость любви.

- Сегодня, я твой тангерос* ...

Она засмеялась, обнажая, ряд ровных, жемчужных зубов.

- Нет...нет...нет... Я не искала тангероса...Никогда не искала! Я искала человека, способного сбросить с себя видимую оболочку и стать возле меня – совершенством! Я хочу от тебя самоотдачи, готовности к страсти, а не равнодушия... Хочу многообразие несотворенного!

Постепенно я начал подтанцовывать рядом с ней, с каждым тактом все усложняя многообразные «па», подсказанные мне не просто, формами тела, рук и ног-душой!

То было обособленное рождение танца от Бога, коим правил здравый смысл, имеющий представление о Вселенной, небесах и безднах, о ложном и подлинном, о тонкости чувств!

Софи, эта черноглазая чертовка, завела меня настолько, что я стал сам собой, вернувшись к своему началу.

На ум пришла Индия, страна загадок. Адепты культа богини Шакти достигали высочайшего религиозного экстаза не через аскетический образ жизни, а через чувственное наслаждение, связанные с интимными отношениями между мужчиной и женщиной.

Секс для приверженцев богини Шакти был ни что иное, как богослужение. То была связь с Создателем, акт творения, великая духовная миссия, блаженство и экстаз, который не считался греховным и непристойным. Наоборот, секс поднимал мужчину и женщину над грехом, воспевая телесную сторону Любви!

Софи начала растегивать пуговицы на моей рубашке, а галстук вмиг улетел в дальний угол комнаты. Она задалась

* Тангерос (испан.)-платный танцор, нанятый женщиной, не имеющей партнера.

целью, не просто соблазнить меня в этот необычный вечер, а переплавить в жертвенном огне, обновленной самооценки, сорвав лживую маску мещанской сути.

- Софи! Софи! – стонал я, но она не обращала на мои стоны никакого внимания, мастерски раздев меня и сняв с себя легкий шелковый халатик.

- Софи!

- Нет, Вигдор! – сказала она, как будто приказала. – Это мой день и ты поможешь мне!

Она говорила много, как мне казалось бессвязно, целуя и лаская мое тело, заставляя меня дрожать и перерождаться, перевоплощаясь во что-то незримое и невесомое, ясно чувствуя себя внутри особого мира...

Почему, находясь в Праге, я вспомнил Индию, богиню Шакти, храмы Кхаджурахо? Неужели, Софи смогла воплотить в действительность каменные иллюстрации невероятной сексуальной необузданности?

У меня перед этой женщиной не было чувства неловкости, и, может быть, для приверженцев Шакти секс и был не что иное, как...богослужение.

- Осуществился акт творения! – сказала Софи. – Мы осуществили с тобой, Вигдор Великую духовную миссию!

«Боже! - подумал я. – Неужели и она думала о том же, о чем думал я в минуты соития?!»

- Софи! – начал было я, но она прикрыв мой рот своей мягкой ладошкой, сказала со значением:

- Посмотри сюда! – указав на расплывчатое пятно крови.

- Ты...ты – девственница?! – не поверил я своим глазам. В голову лезли многочисленные женские уловки: зашитая плева, мешочки с кровью китайского производства...

-Софи! Я ничего не понимаю...

-Сегодня, сейчас, тебе ничего не нужно понимать, Вигдор. Обо всем ты поймешь позже... Главное, что я нашла именно тебя и именно ты стал моим первым мужчиной.

Заметив мое недоумение, Софи продолжила:

-Да, да, Вигдор! Мне уже тридцать и за эти годы у женщин могло быть множество мужчин, но... Я не стану, пока не стану, ничего объяснять тебе, Вигдор... Потом, позже, ты все поймешь... Все!

Она вновь закружила меня в каком-то немыслимом танце и я, будто зомбированный любовью, принимал Софи со всеми секретами и противоречиями интимных отношений.

То был какой-то высочайший неведомый лично мне, культ любви и не очень хотелось верить, что Софи могла быть девственницей.

3. В самолете, стюардесса передала мне письмо, на конверте которого не было никаких данных об отправителе. Я с недоумением повертел его в руках, спросив стюардессу:

- Кто передал мне его?

- Еще в аэропорту, - ответила та, как мне показалось, с долей пренебрежения.-То была женщина, высокая, очень хорошо одетая, красивая ко всему же. С аргентинского рейса...

- И получателем должен быть именно я? – с недоумением спросил я ее. – Может быть, вы ненароком ошиблись, и это послание ждет кто-то другой?

- По списку, здесь только вы Вигдор Камов... - еще более безразлично ответила стюардесса, отходя от моего кресла.

Я повертел конверт в руке, и тут... вдруг увидел женщину танцевавшую фламенко. Может быть мне показалось... но, нет, что-то подсказывало мне, что это она, именно Женщина

в красном.

На ней и сейчас была накинута на плечи красная узорчатая шаль, и я бросив конверт в кейс, встал со своего места и двинулся за ней.

Я обрадовался, видя, что когда она села, то рядом с ней место оказалось пустым. Попытался сесть рядом, но женщина недовольно спросила:

- Разве это место ваше?

- Я видел вас вчера танцующей фламенко... - начал было я, но она тут же меня перебила:

- Ну и что?!

- Как?! – вскрикнул я. – Вы испытываете к тому как танцевали – безразличие?!

- Я испытываю к таким как вы – безразличие... - с насмешливым презрением заметила она.

- Значит, вы испытываете безразличие ко всем, кто видит вас на сцене и восхищается вами?!

Ее холодный взгляд окатил меня еще большим равнодушием.

- Да сядьте вы наконец! – почти приказала проходившая стюардесса. – Вы загораживаете проход!

Я повиновался, сев рядом с Женщиной в красном.

- Не ожидал, - продолжил я, - что у вас такие мещанские условности. Вы далеки от всех, понимаю вас, люди все одиноки в своих душах, но ведь сохраняется какая-то связь, возникающая, когда музыка слившись в единое с танцем заманивает за пределы неведомого нам мира и разжигает разум, который даже не ведает о мире фантазий, об особых законах мира души...

- Уникальная галлюцинация, не более того... Блеснет, что-то в сознании и... померкнет....

- Нет, нет, нет! Фламенко – оглушающее снадобье, мадам!

Яд, от которого нет спасения!

Женщина усмехнулась.

- Откуда вам все это знать? – спросила она. – О забытии, нетерпимости боли, разочарованию, терпении, презрении... Господи! Зачем сейчас вы проводите меня вновь через мучительную болезненность? Вы испытываете удовольствие увести мой разум в безвоздушные сферы? Я боюсь адскую пустоту и тишину...

- Вы просто тщеславны и неустойчивы в своем состоянии, хотя процесс неоднократного прохождения через предельное отчаянье в танце, дает вам обновленную самооценку и открывает новую дорогу к возрожденному «я».

Женщина посмотрела на меня с интересом.

- Вы психолог? – спросила она уже более доброжелательно.

- Нет, мадам, нет! Просто, порой мной правит здравый смысл и...

- Нет, все ваши рассуждения, это – не просто! Далеко не просто! Вы вряд ли подозреваете о тонкости своих чувств! Наш мир, в котором мы существуем бок о бок друг с другом, однажды делается слишком тесным и хочется расширить свою душу, вновь осмелиться объять Вселенную, потерянную нами при рождении... Можно стыдиться самого себя, смеяться над собой, быть безразличным или...

У меня к горлу начали подступать слезы и я встал, чтобы поскорее уйти от нее, но женщина удержала меня, ухватив за рукав пиджака, усилием своей воли, заставляя сесть с ней рядом.

Больше ни она, ни я не проронили ни слова, молча сидя рядом друг с другом, но почему-то, женщина не выпускала из своей руки рукав моего пиджака. И я не желал высвободить свою руку, сентиментально находя в том, какое-то ду-

шевное успокоение.

Не было ни слов, ни мыслей, я просто благоговейно сидел рядом с женщиной, покорившей меня в прошедший вечер своим танцем, и будто до сих пор пребывал в царстве природы духа, искусства, музыки. И во мне, где-то отдаленно звучала нехитрая мелодия бандонеона, и все было, как-то по-человечески, обыкновенно и просто.

Неожиданно, я почувствовал ласковое поглаживание женской руки по моему плечу, усмотрев в том высшую трогательность и расположение не просто женщины, а женщины – матери, ведь я ничего не знал о танцовщице, кроме того, что Софи была ее дочерью...

От этого поглаживания, моя душа затрепетала и сердце забилось в особом ритме наполняясь по ребячески – пылкой растроганностью.

-Я очень давно не была в Москве, - сказала женщина приглушенно, видимо не желая, чтобы нас кто-то услышал.- Очень давно, лет двадцать пять, а то и все тридцать. Можете ли вы помочь мне отыскать нужный адрес? Я боюсь заблудиться. Или, скорее, попасть на удочку жуликам.

- А где это? Хоть примерно.

-За городом. Кажется, за...МКАДом. Для меня эта аббревиатура совсем непонятна...

Она протянула мне листочек, на котором был указан адрес подмосковной деревушки. Но больше всего меня поразило адрес. То был адрес моего отца!

«Наверное, одна из его прежних партнерш или учениц, подумал я. – Надо же, такое совпадение!»

- Я довезу вас, мадам по указанному адресу. Только по приезду в аэропорт, возьму с платной стоянки свою машину.

- Спасибо! – сказала она.

Весь оставшийся путь мы промолчали, каждый думая о своем...

4. Когда женщина села в машину, я предложил ей:

- А не пора ли нам познакомиться? Ведь я не знаю вашего имени, вы не знаете моего.

-Зачем?! – спросила она. – Ты не знаешь ничего обо мне. – перейдя на «ты» сказала она, - я не знаю ничего о тебе. Имена совершенно ни к чему, как и судьбы, они у всех разные и новые знакомства, как и новые отношения, часто вносят сложности и... бессмысленность. Зови меня просто: Женщина в красном.

-Почему в красном? Без имени? Вы от кого-то скрываете свое имя? Кстати, красный цвет несет в себе мужское начало.

Она с интересом посмотрела на меня.

-Кто ты по-профессии?

-Архитектор.

-Сложное творчество. Своеобразная летопись жизни человечества,-задумчиво сказала она.-Поездить по миру пришлось не мало и воочию видеть великие творения архитектуры. В тебе должны сочетаться многие качества. Слышал ли ты об архитекторе Ле Корбюзье?

- Высшей целью жизни которого, было создание «солнечного города», города для человека.

- Да...-как бы подтвердила она. – Мне посчастливилось видеть его творения в Алжире и Бразилии, Швейцарии, Италии, США... Впрочем, мы заговорили о цвете... Наверное, ты сравнил меня, Женщину в красном с «блудницей в багряном», намекающей именем своим проституцию? Да?

-Кажется, в Азии, красный цвет, даже самое малое его

вкрапление в одежду, имело защитное значение. Однако, замечу вам, что красный цвет – проблемный... Очень!

Женщина с удивлением посмотрела на меня.

-Да, да, мадам, Женщина в красном, - продолжил я, – вы постоянно чем-то или кем-то, недовольны, сопротивляетесь, как можете, многим моментам жизни и это идет от озабоченности проблемой выживания, которая является буквально делом жизни и смерти. Почему? Что вас волнует и не дает жить проще, не доводя саму себя до исступления?!

- Архитектор, - попросила женщина, - я вижу, ты во многом разбираешься, но, не вмешивайся в мое внутреннее, сокровенное, мое! Договорились?

Неожиданно она попросила:

-Останови машину. Хочу подышать российским воздухом. Мне душно! Дурно! Тошно! И не подходи ко мне! Дай вдохнуть святости душе моей и телу...

Она с девичьей легкостью выпорхнула из салона машины и медленно пошла по дороге, видимо, думая о чем-то своем.

Господи! Как же, невероятно хороша была эта Женщина в красном! Она жила будто во вневременном пространстве, вне земного мира!

Я заморожено смотрел ей в след, прекрасно понимая, что существуют возрастные критерии, что раз эта женщина мать Софи, то ей не меньше пятидесяти лет и влюбиться в нее я, тридцати пятилетний, не имею никакого права, но я был благодарен судьбе, за эти минуты, за этот час, что сегодня мне были подарены ею, наполнившие меня, каким-то светом, нежностью, сладостным дыханием, сердечностью...

Увидев, что женщина возвращается обратно, я открыл свой кейс и сделал вид, что роюсь в бумагах, не желая, чтобы она знала, что я следил за ней, напуская полное безразличие,

желая унять внутреннее легкомыслие, стараясь отогнать сотни тонких чувственных фантазий...

- Благодать-то какая! – восторженно сказала женщина садясь в машину.-Весь лес в золоте... А рябина! Эти маленькие фонарики...Ах, уж эти, мимолетные радости жизни! Что-то щемящее отчаянно врывается в душу! Архитектор...Что за символизм несут в себе листья? Ты же – философ.

Она повернулась ко мне, в желании услышать какое-то откровение, и была внимательна, словно девочка, еще ребенок.

Я был полон щемящей тоски, явно ощущая в себе вину жизни, что возникающее во мне чувство к этой женщине, может быть даже-любовь, не мой, увы, жребий и эта женщина, увы, не для меня. Сладкий привкус запретного плода, как самое простое наркотическое средство, как бутылка выпитого в одиночестве дорогого, эксклюзивного вина....

-Листья... - не нашелся я, что ответить сразу. В голове стоял полный сумбур. – Листья...

-Да, да, листья, - настойчиво повторила она, желая получить ответ.

Я вздохнул.

-То эмблема счастья.

-Как-то совсем невесело ты сказал об этом...

-Потому как,-нашелся я,-опавшие листья – есть множественность человеческих жизней, мадам, и их, к сожалению, кратковременность...Кстати, и желтый цвет имеет несколько негативную символику.

-Не надо об этом...Знаю, что из-за предательства Христа, евреев заставляли носить желтые одеяния в средневековой Европе, да и «звезда Давида» при нацизме... А что это у тебя за конверт?

Я уже некоторое время крутил его в руках.

- Передали в самолете. Не знаю от кого.

-Дай-ка сюда, - властно сказала она, взяв конверт из моих рук и понюхала его.—О! Архитектор, этот конверт от женщины. Причем, женщины, достаточно обеспеченной. Не смотри на меня с удивлением. Духи, которыми она пользуется очень недешевы. Дорогие духи! Очень дорогие!

Вспомнилась Софи. Но ничего во мне не встрепенулось. Я был холоден и безразличен.

Женщина в красном осмотрела конверт, заметив:

-Видишь, серебряного петушка в левом углу конверта?

Честно говоря, я его не заметил, настолько мне был не интересен адресат.

-Ну и что это значит? Теперь вы просветите меня.

-Не знаю, какие отношения связали тебя с этой женщиной...

-Мы коллеги, коллеги, - поспешил ответить я. — Она тоже архитектор.

-Да?—улыбнулась женщина.—Этот петушок говорит ее словами: быть женщиной — великий шаг, сводить с ума-геройство! Так что, не морочь мне голову, а дерзай! Может это твое счастье. Кстати, ты женат?

- Был. Разведен. Детей не имею. Все это не оставило никакого следа в моей жизни.

-Знаешь, лечь с кем-нибудь в постель на одну ночь, постепенно надоедает. Когда все мимолетные чувства и подвиги лживы, не истинны, то постепенно вызывают отвращение. Бессмысленно стареть в чужой постели... Глупость, уверяю тебя. В человеке должно быть, что-то более морально, духовно, вместо баловства.

Она потупила взгляд, отдавая мне конверт, и задумчиво попросила:

- Поехали...

5. Когда оставалось проехать совсем немного, а мы уже въехали в поселок, женщина оживилась:

- О, да, здесь за эти годы ничего не изменилось! — и начала показывать мне дорогу до дома отца с удивительной точностью. - Вот здесь поворот. Вот колодец... теперь прямо и у развесистого дуба-направо... Ура! Ура! Мы приехали! Вот он дом, который я так часто видела в своих снах и это успокаивало меня на какое-то время.

Я не знал как себя вести: то ли сказать, что она едет в дом моего отца, то ли промолчать, лично увидев реакцию моего родителя и не лезть в откровения, как говорится, вперед бабки...

Пока я возился с ее багажом, доставая чемодан из багажника, Женщина в красном очень смело отворила калитку и крикнула:

- И почему это меня никто не встречает?! Ник! Где ты?

Я услышал голос отца вышедшего из дома и его восхищенное:

- Эмилия, радость моя! Да ты совсем не постарела, чертовка!

Из-за высокого забора не было видно, бросились ли они друг другу в объятия, но из-за непродолжительного молчания, можно было понять, что встрече рады оба. Наверное отец, сжал ее в своих объятиях, осыпая поцелуями.

Затем они вышли со двора и отец, увидев меня, приложил палец к губам, что означало: молчи!

-Да, да,-щебетала Эмилия,-это тот самый парень, Архитектор, который подвез меня...Может мы бы не нашли твой дом так скоро, но я до сих пор помню дорогу до самых мелочей!—говорила женщина.

- Может быть, вы занесете вещи моей гостыи в дом? — по-

просил отец.

В последнее время, его нога совсем разболелась и он ходил с палкой, сильно хромая.

-Ой, Боже святой! – увидев меня входящего в комнату, прекрестилась Мотя, наша домоправительница, словно перед ней предстал мой двойник.

- Молчи! – сказал я ей. – Так велел отец.

- А я-то что... - ответила она покорно. – Ему видней.

Мотя знала всех отцовских див и к Эмилиии бросилась, как к родной:

-Давненько же мы вас не видели! – и даже расцеловала ту в обе щеки.

- Ну а вы, молодой человек... - начал было отец, но я перебил его:

- Вигдор.

-Да, Вигдор, можете погостить у нас, если желаете, вечерок, да ночь.

-Не откажусь, - чуточку театральнo расшаркался я ножкой, кланаясь. – Спасибочки вам, наше огромное.

-Ник! Он, такой интересный рассказчик! – восхищенно заметила Эмилия. – Архитектор! – видимо оставшись очень довольной, что меня оставляют в доме.

-Чем же, моя чаровница, попотчевать тебя? Небось вкусы изменились в мотаньях по мировому пространству? – обнимая Эмилию спросил ее отец и тут же сам за нее ответил: - Стоп! Стоп!! Стоп!!! Молчи! Сам отвечаю за тебя: жареные грибочки, да с картошечкой, да с рюмашкой домашней настоечки, а?! Угадал? Осень у нас особо грибная.

-Ник! Ты помнишь?! – глаза Эмилиии повлажнели. – Ты еще все-все помнишь?! – она прижалась к нему.

«Да, конечно, они были любовниками», - невольно подумал я.

-Я помню все! – ответил глухо отец, целуя Эмилию в лоб. – Мотя!–обратился он к домоправительнице и кухарке в одном лице.–Ну-ка, марш на кухню и, состряпай нам твое фирменное блюдо!

-Слушаюсь и повинуюсь, - с готовностью ответила ему та, удаляясь.

-Заведу машину во двор, - сказал я, а отец наигранно отозвался, глядя на Эмилию:

- Видишь, как сразу освоился...

Эмилия цикнула на него, видимо ей было неудобно передо мной: раз ты оставил гостя, то такой тон вряд ли допустим...

Я открыл хорошо знакомые мне ворота и загнал машину во двор, и старый дружище Джек, нехотя вылезший из своей конуры, мной сколоченной, когда-то в юности, подошел, повилил хвостом, приветствуя меня и вновь поплелся в свое пристанище, чем-то напоминая мне отца: годы, к сожалению, не красят ни людей, ни животных. Хотя отец и старался показаться перед Эмилией, что еще есть порох в пороховницах, но возраст все равно выдавал его. Мне, посещавшего отца наездами, было особенно это видно: некогда танцор-маэстро, угасал, и я знал, что Эмилия, не видевшая его очень долгие годы, почти четверть века, наверное, в глубине души, была поражена произошедшими метаморфозами с ее любимым мужчиной. Хотя он и харахорился, стараясь, наверное, через силу, показать свою стать и силу, но в глазах Эмилиии, я невольно подмечал жалость и сострадание к этому человеку.

Сидя в машине, я вновь вспомнил о письме. Да, конечно оно было от Софи. Я принял к конверту и память по запаху отозвалась на образ этой женщины.

Вновь повертев конверт в руках, я испытывал двоякое чув-

ство: вскрыть его или нет. Наверно, боялся силу ее слов, вошедших с ней вместе, в мою сущность после их прочтения. Хотя, я не испытывал к Софи настоящего чувства, и был уверен, что мы не принадлежим друг другу, оставаясь чужими во всех днях непритязательного сегодняшнего мира. Как говорится: перепихнулись и...все...

Но в каждом человеке живет чувство любопытства. Оно в нас дремлет, но при случае, дает о себе знать, подчиняя, совершенно естественно, обыденно, не связанное ни с каким временем.

И я, еще раз прислушавшись к себе, постарался вспомнить свое приятное легкомыслие перед Софи, когда мы предавались любовным играм, доверительно, почти по-детски, плескаясь в теплых волнах наслаждения.

Аккуратно надорвав конверт, я вынул лист, исписанный мелким, бисерным почерком и погрузился в чтение.

«Вигдор!

После твоего ухода, мне очень захотелось написать тебе, сама не знаю почему, спонтанно возникло это чувство, хотя особо писать я не люблю.

Может быть переполнили чувства, ведь ты был (или стал?) моим первым мужчиной. Но я сознательно пошла на этот шаг, и, наверное, все же, в том ресторанчике, в котором я нагло подошла к тебе, ты принял меня за потаскушку, ищущую телесных наслаждений вне дома.

Я даже не знаю, свободен ли ты, женат ли, есть ли дети, впрочем, как и ты ничего не знаешь обо мне. И это к лучшему: никаких обязательств, надежд, встреч, печали и ожиданий...

Ты мой прелестный соблазн, упоенность праздником тел, моя личная авантюра любовных открытий, моя сказка... Ко

всему этому я пришла в позднем возрасте, мне уже тридцать, но...на то были свои причины.

Своего отца я не знала. Моя мать родила меня от какого-то танцовщика...»

Жар прилил к голове: неужели мой отец? По тому, как они общались с Эмилией, это вполне могло быть правдой. Но тогда, если это так, то я переспал со своей сестрой по отцу?! Неужели игра жизни преподнесла такой сюрприз и где? В чужой стране... В командировке, в которой я мог бы и не быть...

Переспать с сестрой-девственницей! Это было непостижимо! Каким бы не был беспутный мир, но не до такой же степени развращенности!

Накал моего покаяния нарастал. Во мне уже все бушевало: мы с Софи были причастны друг к другу. Она была той, кого я обнимал в порыве страсти, вбирая аромат ее волос и тела, кого лишил невинности!

Лицо Софи мелькало передо мной... Мы плыли с ней в танце... Ее глаза светились счастьем... Затем...блаженство до бешенства, до исступленья... Она шла навстречу моим движениям, страстно целуя...

Нет! Я замотал головой, такого не может быть! Софи вобрала в себя меня, отдав всю прелесть возможностей своего тела...

Софи!

Неожиданный стук в окно, заставил меня вздрогнуть всем телом.

-Что с тобой? – спросил отец, открывая дверцу машины. - На тебе лица нет! Что-нибудь случилось?- явно он был взволнован. – Ты слишком задержался, и я занервничал. Так что с тобой? – допытывался отец.

-Скажи, только честно скажи , - попросил я отца, выходя из машины. – У тебя есть дочь?

Мы стояли рядом и смотрели друг на друга. Я чересчур пристально. Отец с явным недоумением.

-Нет! Нет!!-ответил он своим теплым голосом. – Откуда в твоей голове появилась эта чушь?! Дочь! Какая дочь? Откуда? От кого?

-От Эмилии! – глухо сказал я. – И не лги мне, что вы не были с ней любовниками!

-Нет! – сказал отец с явным раздражением. - Нет никакой дочери! – побледнев, он начал отходить от меня. – Идем есть, все уже готово. И не спори эту глупость при Эмилии! – предупредил он железным тоном.

«Что-то здесь не чисто...» - подумал я, захлопывая дверь машины.

-Сейчас приду, - крикнул я отцу. - Только ворота закрою.

6. – Наш гость сегодня, что-то очень задумчив, - сказала Эмилия за обедом. – Молчалив...

Отец хмыкнул:

- Живет по-половице: ешь суп с грибами, да держи язык за зубами, - он многозначительно посмотрел на меня, нахмурившись.

- Архитектор столько знает, - восхищенно заметила Эмилия. - Не подскажешь ли нам, что за символ несут собой грибы?

- Так что же они несут собой, начитанный молодой человек? – заинтересованно спросил отец, смотря на меня, уже более теплым взглядом. – Интересно...

- Жизнь после смерти, - ответил я безэмоционально.

- О!–воскликнула Эмилия.–И только?–она почему-то печально посмотрела на меня, отпивая из своего бокала малиновую настойку предложенную отцом. – Это довольно расплывчато: жизнь после смерти. Кто знает, что там, после...

-Поешь галлюциногенных грибов и попадешь в соответствующую тебе действительность, в особый мир без времени, - предложил отец. – Станет зримым твой собственный мир. Ведь человек всегда хочет сделать зримым то, о чем тоскует, - он многозначительно посмотрел на Эмилию.

-Но это, по сути,-возмутилась та,-путь маленького самоубийства! Это не спасение – функция! Глупость! Сумасшествие!

-У нормальных людей бывают заблуждения и научная психология еще так несовершенна! Ведь можно создать драму из горсти грибов...

- Грибы – это души вновь рожденных, - перебил я отца. – Сила долголетия и удачи...

-Да, - будто не слыша меня отозвалась Эмилия. – Душа не имеет постоянного единства и когда в человеке происходит хаотичное движение множественных «я» это приводит к... шизофрении! Человек начинает ощущать себя во множественном пространстве прежних жизней, с вечно новыми ситуациями...

-Извините, - сказал я. – Кажется мне пора в город, - желая улизнуть из дома отца.

-Как?! – почти вскричал отец. – Ты не хочешь увидеть танец Эмилии?

Я откровенно растерялся, изумленно воскликнув, словно ребенок:

-Так вы будете танцевать? Здесь? Сейчас? – обращаясь к

Эмили, спросил я.

- Можешь не сомневаться, - ответила она утвердительно, вновь и вновь отхлебывая малиновой настойки. — И моим партнером в танце будешь ты, Архитектор!

Отец хмыкнул:

- Ну, да! Теперь в своем состоянии, я не могу претендовать на партнерство, к сожалению...

Я видел, как потух его взгляд, казалось, он был раздавлен отчаянием.

- Нет, нет, - поспешил возразить я, - на танец я не претендую... Каким образом я стану с вами танцевать?! Я не умею!

Женщина в красном, улыбаясь, взглянула на меня так, словно была в меня немножко влюблена, и подойдя ближе, тихо, изменившимся голосом сказала:

- Я научу, тебя, Архитектор, этому искусству! Ты побываешь в царстве духа! Какие уж тут галлюциногенные грибы!

Она стояла слишком близко ко мне, и от нее пахло... Женщиной! Точно так же, как пахло от Софи, когда она завлекла меня танцем!

Да, что это у них, черт побери, наследственная что ли черта?!

Неожиданно, Эмилия, потупила свой взгляд, играючи, по-девичьи, отошла от меня, а отец, наблюдая за ней, воскликнул:

- Ты — дочь дьявола! — и в его глазах вновь появилась восторженность. — Не забывай только, Эмилия, что в твоём возрасте соблазнять молодых мужчин — грех! — и обратившись ко мне, сказал: - Это сейчас перед тобой, Вигдор, - женщина. Просто — женщина, а в танце, ты увидишь-богиню!

Предполагая, что вечером обязательно уеду, я не грамм не выпил, хотя малиновая настойка была заманчивым эликсиром. Сейчас же, налив из графина полный стакан, я опро-

кинул его в мгновение ока, отлично зная, что действие напитка не заставит себя долго ждать, пробежав по всем сосудам и безудержно стукнув в голову.

Когда-то отец очень хотел, чтобы я стал танцором и заставлял меня посещать его уроки. Я танцевал ради удовольствия, а затем стал старательно избегать их, но не забыл преподаваемые мне правила танцев, поэтому и с Софи танцевал ни как новичок.

Сейчас же, мне предстояло быть рядом с настоящим профессионалом, и этот факт, перепугал меня не на шутку, перепутав мысли, внеся в мое эго, полнейший сумбур и хаос.

Я увидел сияющее лицо Эмили и восторженный взгляд, сумевший заарканить молодого мужчину, чтобы поиграть с ним, пошутить, насмеяться... Ее глаза говорили: я тебя заставлю влюбиться в меня и ты покажешь мне свои мысли в танце.

Отец включил свой старенький кассетный магнитофон и вырвавшаяся на свободу музыка фламенко заполнила собой всю гостиную.

Эмилия лениво прошлась по кругу середины комнаты и резко остановившись, обожгла меня своим чувственным взглядом, вопрошающим: ты принимаешь мою любовь?

В немыслимом напряжении, я вытянулся словно струна и глядя в ее затуманенные глаза, притопнул ногой, затем другой, как бы давая понять, что принимаю ее вызов.

- Браво! — воскликнул отец, захлопав в ладоши. И обратился к Эмили, словно то был импровизированный урок: - Так соблазняй его! Соблазняй, дочь дьявола! Не виси в пустоте! Развивай духовное начало! Заманивай в капкан это дитя человеческое! — комментировал отец, словно то был урок...

Эмилия в танце, около меня, творила невообразимое, а я все отбрыкивался, словно необъезженный скакун, не принимая ее заигрывания всерьез!

В мою сущность вривалось, что-то необузданное, новое, разрушительное. Куда уж до матери было Софи! Сейчас в меня входила жизнь!

Я утвердительно кивнул Эмилиии головой, отстраняя свое безразличие и потянулся за ней, увлекаемый в пропасть...

Вот она, форма завуалированного колдовства, магия космической энергии, стихии! Ведь недаром, Шива, индуистский покровитель танца, изображается в окружении языков пламени, тем самым выражая, как разрушение, так и созидание. Вся символика танца – это проявление Великого Духа, обращенного, к жизненному Центру, Оси Мира!

Я вошел в такой раж, малиновая настойка возымела действие, будто старался воспарить к Совершенству, без зазрения совести, выплеснуть все выстраданное, случайное, беспорядочное...

У Эмилиии вошедшей в экстаз, непроизвольно полились слезы.

-Мерзавка! – закричал в исступлении отец. –Ты знаешь, ведьма, предчувствуешь, что тебе не заполучить этого мужчину! Ты плачешь, вспоминая восторг своей молодости! Ты знаешь свою теперешнюю жизнь! Поэтому, ты вернулась ко мне, обратно ко мне! Ты идешь по старой дороге, которая вновь, через столько лет, привела тебя ко мне! – отец орал и вскочив с кресла размахивал своей палкой. – Ты действовала против мысли, против разума остаться со мной, но всю жизнь тосковала по невозвратно потерянному! Эмилия!

Неожиданно музыка прервалась и панический голос Моти оборвал танец:

- Хозяину плохо! Вигдор, вызывай «скорую»... Срочно!

7. После отъезда «скорой», мы с Эмилией сидели за столом, а Мотя, убиравшая грязную посуду, с выражением лица, обожретесь, не вытерпела, сказав таки:

- Идите отдыхать! Уж ночь на дворе.

Медики достаточно долго провели времени, чтобы снять у отца, сердечный спазм, но все обошлось и накачав его, как водится, лекарствами, уехали. Отец заснул в своей комнате, а мы с Эмилией все пили и пили, видимо снимая «малиновой» свое стрессовое состояние.

Неожиданно Мотя спросила у Эмилиии:

-Ну и что ты приехала спустя столько лет? Зачем?

-Проездом,-ответила та, как мне показалось, с долей безразличия. – Вот дам мастер-класс и вновь ждут меня дороги дальние... А что,-обратилась она ко мне, - поехали со мной, Архитектор... Ты мне очень понравился и танцуешь, для новичка, не плохо. Я научу тебя, как надо, правильным «па» и движениям, возьму в свою труппу...

-Этого еще не хватало, - вставила Мотя с явным раздражением в голосе.

-Ну что достойного, ты можешь соорудить, Архитектор? На сегодняшнюю архитектуру смотреть грустно. А так... увидишь мир. Сцена, как наркотик, пару раз выступишь и все... твоя привязанность станет стимулом жизни.

-Хватит тебе! Хватит свои провокации! – не унималась Мотя.

Я молчал.

-Какой из него танцор, в его-то годы. Уж на пенсию пора танцорам в это время.

Мотя была непреклонна в отстаивании своих личных убеждений, видимо оберегая меня от этой женщины.

-Это в балете, в тридцать лет пенсия, а в нашем деле, танцуй, пока танцуется...

Какие бы чистые и добрые помыслы ею ни руководили, какой бы положительной женщиной Эмилия не была, но поехать с ней, даже будучи пьяным, я бы не согласился, то была всего-навсего, болтовня, заводившая лишь Мотю, с ее уверенностью, о моем печальном конце, согласись я на предложение Женщины в красном.

Я же восторгался Эмилией не потерявшей, в ее возрасте, еще своей привлекательности и приятности в общении, жившую единственно ради танцев, в основном, фламенко, обретая в нем свою долю счастья.

Ее мир танцев в увеселительных заведениях, лично для меня, оставался непознанным и запретным. Я испытывал восторг, волнение, растроганность сидя в зале, но не будучи на сцене. Не мое!

Не знаю почему, но я считал Эмилию при чуточку, увядающей красоте и индивидуальности, все же диковинно развращенной, живущей наобум, подобием яркой бабочки, легкомысленно с полуосознанной уверенностью, что это и есть независимость, даже в многочисленных, в чем я не сомневался, любовных связях.

-Все! Я пошел, - сказал я ей, и обратился к Моте: - Покажите мне мою комнату. - Обнаружив тут же, угасший взгляд Эмилии.

Неужели она ожидала, что я пойду с ней в ночь?

-Спокойной ночи! - процедила она сквозь зубы и ее глаза устремились в грустную даль.

- Извращенка! - сказала в сердцах Мотя мне в коридоре,

делая вид, что показывает мне мою комнату.

-Не говори так! - попросил я ее. - Просто она не отвечает запросам моего разума.

-Еще бы! - парировала Мотя. - Ты и она! В доме отца! Господи! Греха-то сколько!

Неожиданно я вспомнил про письмо Софи, оставленное в машине и вышел за ним, во двор, в темноту.

Втянув в себя, уже достаточно холодный воздух, я начал приходить в себя, от выпитого. Меня бросило в жар от мысли, что я мог бы пойти с Эмилией, оказавшись в одной постели, и хорошо, что мой разум отдавал отчет, что эту женщину мне невозможно любить, как это было с Софи, хотя я и был, не скрою, околдован ей...

Эмилия обострила мои чувства и я, уже будучи в своей комнате, решил дочитать письмо Софи, начатое мной накануне. Итак:

«...Своего отца я не знала. Моя мать родила меня от какого-то танцовщика... Вскоре они расстались и мать, отдала меня, еще в раннем младенчестве, своим родителям жившим в Москве.

Где-то, лет до пяти, мы жили в районе Чистых прудов, а затем, по настоянию моей матери, дед с бабушкой переехали в Израиль. То было время повального переезда евреев на землю обетованную.

Бабка с дедом были людьми очень строгих нравов, посещали синагогу и меня заставляли жить по закону Божию. Я до сих пор не могу понять, как у таких родителей, могла быть дочь-танцовщица?

Вероятно, упустив, что-то в воспитании дочери, они со всей строгостью взялись за мое, опекая до мелочей, особенно от мужчин, постоянно твердя мне, что они сами най-

дут мне мужа, достойного их «малышки Софии».

В десять лет я очутилась в Америке. Бабушкина сестра перетянула нас к себе. Там я и окончила, со временем, архитектурный колледж, чему несказанно все были рады. Родичей радовал факт, что я не прониклась ни музыкой, ни танцами, а целеустремленно следовала только их предписаниям в жизни.

Со стороны я походила на серую мышь. На меня никто не обращал внимания, что очень радовало моих опекунов.

Как-то раз, дед встретил своего сослуживца. Они вместе с ним воевали. Но тот пропал в одном из боев. Как оказалось, сбежал. И к моменту их встречи, через годы, этот дезертир, был миллиардером в Америке, стране, которая приняла его и даже дала нажитья.

«Дезертир» стал частым гостем в нашем доме и вскоре, мне уже к тому времени было двадцать лет, сделал мне предложение. Осчастливив, своим шагом, в первую очередь, деда и бабу, но, разумеется ни меня.

Представь, я поняла только одно: любовь никогда невозможна для меня. Разве я могла полюбить чужого дедушку?!

Свадьба была пышной и многие молодые люди знавшие меня, увидели меня, в этот день, в новом свете: хорошо причесанную, с макияжем, в сногшибательном платье, сверкающую бриллиантами...Я ловила на себе удивленные взгляды мужчин, и восхищение одновременно, с ужасом думая, что меня ждет дальше... Что?!

Мой муж, конечно же, оказался импотентом и в первую брачную ночь признался, что мой дед, способствовал его побегу с передовой, что он ему по гроб жизни обязан всем тем, чего смог достигнуть и хотел его отблагодарить. Не имея семьи, детей, обладая огромными деньгами он, осчастливил

мою особу и, сказал, что он сам скажет мне, когда я смогу, изменить ему...

Не скрою, за десять лет «замужества» было много соблазнов, но зная, что за мной постоянно следят, докладывая мужу о каждом моем шаге, я вычеркнула обострение чувств, оставив для себя только архитектуру и...танцы! Они все-таки увлекли меня! Вот в них-то и был смысл, предложенный жизнью взамен любви! Гены матери и отца восторжествовали.

Неожиданно, перед поездкой в Прагу, муж вызвал меня к себе, мы жили даже в разных домах, и сказал, что его возраст дает основание найти мне мужчину, от которого бы я забеременела. Он поручал этот выбор сделать мне самой, чтобы у него появился наследник...

Я была крайне удивлена, когда еще по прилету в Прагу, в аэропорту, увидела тебя. Каждый раз, входя в сонм образов, каким бы хотела видеть своего мужчину, я видела тебя...

В гостинице мы вновь столкнулись с тобой...Затем в кулуарах, перед заседанием...Когда ты читал доклад, моя душа вздохнула, уверовав, что передо мной открываются новые возможности жить!

Судьба подала знак, поселив нас рядом друг с другом... Затем, встреча в кабаке... И я решилась...

Не знаю, за кого ты принял меня... Но видела твое удивление и где-то даже, испуг, что ты стал обладателем девственности...

Почему пишу тебе? Потому что, на пути к тебе, находилась всю жизнь, продираясь через тоску, вздор, слезы, боль и множество мыслей, желая попасть в царство истинной любви, великого чувства, и я благодарна тебе за часы проведенные со мной.

Теперь ты для меня Свет и то подлинное, что имеет зна-

ченье. Я ничего не прошу и тебе нашу встречу вряд ли нужно принимать всерьез, ведь мы пришли из разных миров и не смогли понять и узнать друг друга по-настоящему. К сожалению...

Насчет Женщины в красном... Я видела, как ты смотрел на нее и, почти интуитивно, чувствовала твою реакцию обладать ею. Опомнись! Эта женщина жила всю свою жизнь только для себя, оставаясь Женщиной в красном...

Будь счастлив с кем-нибудь другим (другой! Не пойми превратно), но только ни рядом с этой женщиной.

И помни мантру любви: Ом-бхур-вхувах-сва. Повторяй ее чаще, мысленно обретая ту, которую хотел бы видеть с собой рядом. Софи!

Кровь прилила к голове. «Господи! - подумал я, – ведь Софи, без всяких намеков пишет мне, что ее мужу нужен наследник, а значит, потеряв девственность со мной, избранным ею, мужчиной, она может забеременеть! А если у нас с ней один и тот же отец? Это же, кровосмешание! Я должен, обязательно должен, узнать правду у Женщины в красном и отца! Обязательно должен!»

Поднявшись с кресла я пошел было к двери, но подумал, что уже время позднее, все спят, и оставив «очную ставку» между любовниками, в чем я не минуты не сомневался, рухнул не раздеваясь на неразобранную кровать и тут же уснул мертвым сном.

8. Я проснулся от чарующих звуков бандонеона, как в далеком детстве. Ох, как я хотел поскорее стать взрослым, а сейчас, сладко потянулся: как же хорошо было в том времени! Все торопимся вырваться из детства, словно освобо-

диться от каких-то невидимых пут, обременяющих нас, взрывающих до не примирения с близкими... А сейчас...

Негромкая музыка бандонеона... Сладкая истома... Этот необычный для наших дней музыкальный инструмент, когда-то, его после войны, привез из Германии дедушка. Играл под настроение. Теперь играет отец, какой-то незамысловатый мотивчик танго...

Мотя, как маленького, раздела и накрыла меня шерстяным одеялом, и мне до слез, были приятны эти мгновения, которые тоже, увы уже никогда не повторятся...

Боже мой! Отец! Мои мысли начинают окончательно пробуждать меня! Значит ему уже хорошо, раз он взялся за бандонеон.

Эмилия!

Письмо Софи!

Наша связь...

Я вскочил с кровати. Оделся. Наспех умылся в, прилегающей к моей комнате, ванной. И словно ошпаренный выскочил в столовую с одной мыслью: узнать правду! Родственники ли мы с Софи...

-Заспался, малыш, заспался!-встретил меня спокойный голос отца.

-Доброе утро! – сказал я ему.

-День! – уточнил он. – Скоро время обеда.

Я оглянулся. Отец в комнате был один. Эмилии не было. Мотя, как обычно, гремела посудой на кухне...

- А где Эмилия? – спросил я его.

Отец хмыкнул.

-Смылась по-обычаю. Она это любит. Это ее стиль: появиться и... исчезнуть неизвестно на какое время. Не женщина, а приведение. Так была ли она здесь, скажи мне?

- Она с тобой не простилась даже? – удивился я.
- Нет... – процедил отец. – И вообще, я не понимаю, к чему было ее здесь появление? Странная женщина. Странная!

- Женщина в красном!

Отец не нашелся, что ответить, тем более, найти какое-то человеческое оправдание женщине, которая, в чем я не сомневался, когда-то была ему слишком близка.

-Знаешь, - предложил я ему, - давай будем, хоть сегодня, предельно откровенны друг с другом.

Отец внимательно посмотрел на меня. Я же продолжил:

- Поговорим, как мужчина с женщиной. Ни как отец с сыном, а как мужчина с женщиной.

-Зачем? – с интересом спросил он меня. – У тебя есть вопросы по поводу этой женщины? – его лицо стало непроницаемым. – Да, я знаю, что она предлагала тебе стать ее партнером...

Я махнул рукой:

-Это пустое все. Пустое! Бредни, хорошо выпившей женщины, не более того. Я о другом...

-Другом? – хмыкнул отец. – О чем же?

-Договоримся, - попросил я его, - сначала я задам тебе свои вопросы, а затем раскрою суть, почему они были заданы. Согласен? Мне очень, понимаешь, очень нужно, кое что знать!

Отец изучающе посмотрел на меня.

- Ну... и что ты хочешь узнать?

-Правду! Расскажи, как ты познакомился с Эмилией. Что это за женщина. Ну, вообще все о ней. Все! Мне нужно знать.

В комнату вошла Мотя, и видимо слышала мои последние слова, возмущилась:

-Отец только-только приходит в себя, от сердечного при-

ступа, а ты задаешь свои вопросы ни к месту, - с укором сказала она, добавив, - что другого время не будет?!

- Иди... Иди... - попросил ее отец беззлобно, показывая на дверь. – Видимо пришло время рассказать обо всем, что и как было, - сказал он.

-Как знаете, - с долей безразличия отозвалась Мотя. – Воля ваша.

И вышла хлопнув дверью.

-Я был уже довольно известным танцором, - начал отец задумчиво, - когда неожиданно, моя партнерша, безо всяких объяснений, уехала в Америку. Уж не знаю, по каким каналам, по каким документам, но слиняла в одночасье, оставив меня... Мне предложили посмотреть молоденькую танцовщицу, тринадцати лет, танцовавшую, сказочно, фантастически и не имевшую партнера. Мы стали с ней партнерами...

-То была Эмилия? – спросил я, хотя отец вряд ли услышал мой вопрос. Он был далеко-далеко, в ушедшем измерении своей жизни...

Удивительным был его взгляд, смотревший, как бы, сквозь стены, тяжелый, полный глубочайшей скорби.

-Моя жизнь на тот момент, была глупой и пошлой, я существовал для танца и женщин, чтобы любить и бросать, а потом снова любить... Я был разочарован своей глупостью и, казалось, жизнь потеряла свой смысл, и уже невозможно, что-то изменить...

- И сколько лет тебе тогда было?-поинтересовался я, не очень надеясь получить ответ, но отец ответил не задумываясь:

- Я был на пятнадцать лет старше Эмили.

- Ах, это все-таки была она! – сказал я, самому себе, в слух. – Понятно...

- Ничего тебе не понятно! – ответил отец. – Ничего! – он

помедлил. – Эта, по-сути своей, еще девочка, поняла меня настолько точно, уверенно приняв мои причуды и помрачения, что я начал, через нее, совершать, как бы, обратный, прыжок в реальность и правдоподобность бытия. При виде нее, я испытывал волнение и радость, и ее простейшая, детская наивность становилась для меня высшей мудростью. Я научился ценить и жить каждым мгновением исходившим от этой пигалицы. Это она, видевшая меня насквозь, превратила в своего ученика. В ее глазах, витала магия... Уже тогда, она могла подчинить себе, заставив влюбиться в себя. Танец был ее оружием! В четырнадцать лет, она первая призналась мне в любви. И я, как мальчишка, словно влюбленный впервые, находился под наркозом, ощущая в себе и в Эмилии, что-то неземное, прекрасное, очаровывающее до озноба, до сумасшедшего биения сердец. Мы стали близки.

-И эта девочка родила от тебя дочку,-сказал я, видя задумчивость отца, сделавшего паузу.

Он поднял на меня глаза, недовольно заметив:

-О какой такой дочке ты говоришь?! Откуда, ты взял эту информацию?!

-Теперь послушай меня, - попросил я его. – Для меня крайне важна правда, понимаешь? Правда о тебе и Женщине в красном. Ты можешь сказать, без зазрения совести, что не имел от Эмилии дочки?

-Нет! Ты знаешь, что клятвы не для меня. Я говорю тебе как перед Богом: никакой дочки от Эмилии у меня не было! Что за история не дает тебе покоя?

Я вынул из кармана пиджака письмо Софи.

-Ну и...- не понял отец, увидев в моих руках конверт.

-Я зачитаю тебе отрывок из письма девушки, с которой стал близок в Праге. И которую сделал женщиной...

-Хм...-многозначительно хмыкнул отец. – А ты, на этой своей конференции, времени не терял, как я вижу, - заметил он мне. – Ну, и... читай, что тебе написала девушка, которую ты сделал женщиной?

-Слушай, - сказал я и пробежав письмо глазами, прочитал: «Своего отца я не знала. Моя мать родила меня от какого-то танцовщика... Вскоре они расстались, и мать, отдала меня, еще в раннем младенчестве, своим родителям, жившим в Москве». Ну?! Как тебе это признание? – спросил я, смотря в упор на отца, у которого на лице не дрогнул ни один мускул.

- Не знаю,-пожал он плечами. – Это явно не наша история с Эмилией. Откуда ты взял, что эта девушка, дочь именно Эмилии?

- Мы встретились с Софи...

- Значит, ее зовут Софи? – уточнил отец.

-Да! Софи! Мы встретились с ней, в кабачке, где танцевала Женщина в красном и она сказала, что это ее мать.

- Она могла придумать...

- Нет. Не могла! Я поверил ей! Поверил!

-А мне? Мне ты не веришь? Софи... Софи...-задумчиво произнес отец.-Нет, мне это имя ничего не говорит. Совсем ничего!

-Когда вы расстались с Эмилией, она исчезла или ты знал, куда она делась? С кем была?

-Я сломал ногу...-задумчиво начал вспоминать отец.-И конечно, девочка хотела танцевать, продолжив карьеру. Она была ангажирована в известную группу, а потом...Нет, я ничего потом, что с ней стало, не знаю...

-Ну и любовь... - не преминул съязвить я. – Расстались как в море корабли...А может, тебе было выгодно, что она исчезла? Ведь она была несовершеннолетней, и ты мог запро-

сто, сесть за растление малолетней!—зло бросил я отцу в лицо, свое предположение.

-Что?! – взревел отец, вскакивая с кресла. – Что ты знаешь о любви! Что вообще о нас знаешь?!

-Ничего! – растерялся я. – Хотел бы знать! Очень!

Отец, тяжело вздохнул и взглянув на появившуюся в дверях Мотю, сказал ей:

-Рано или поздно тайное становится явным...

-Ну...- что-то хотела, видимо возразить, та ему, но он не дал ей сказать ни слова, продолжив:

-Эмилия, да, была несовершеннолетней, когда забеременела от меня...

-Ага!-перебил я его. – Уже теплее...

-Она разумеется, не хотела рожать... Я ее упросил, ведь это был плод нашей любви! Да, меня могли посадить за со-
вращение малолетки. И, твои дед и бабка, помогли ей родить, подпольно, солгав, что ребенок умер, сразу после родов. Она поверила. Молодость на грани детства. Конечно, я поплатился за это вранье, лишившись своей профессии... за все нужно платить! Плата была велика! Слишком велика для меня!

-Это была Софи? – бестактно спросил я, понимая, что это был, кто-то другой.

-Это был ты! Ты! – бессильно падая в кресло, ответил мне отец, ощущая отдышку.

- Я?!-удивленно переспросил я. – Эмилия моя мать?! – почти что вскричал я, не веря своим ушам, только что услышанное.

9. Желая, во что бы то ни было, найти свою мать, я мчался в город, отказавшись от обеда. Моей целью было, найти Эмилию, чтобы, в самую первую очередь, выяснить все о ее

дочери, Софи. Я верил отцу, что о Софи он ничего не знал и мне было необходимо узнать правду, на случай, если та, вдруг забеременеет от меня.

-С одного-то раза, - удивился отец, желая отогнать от меня сомнения. – Глупость чистой воды!

-Не глупость! Вовсе не глупость! – как всегда вставила свое словцо Мотя. – Бывает! Еще как! Знала девок, когда рожали от насильников, забеременев с первого раза.

-Все-то ты знаешь, - парировал отец. – И говоришь, чтобы было нам наперекор.

-Бывает! Еще как, бывает! – стояла на своем Мотя.

Раз, она что-то говорила, ее не возможно было переубе-
дить.

-Не несись, как сумасшедший, - сказал отец, провожая меня. – Найти Эмилию в нашем огромном мегаполисе практически невозможно. Права же потерять можешь, гаишники вырастают из под земли, как грибы после дождя.

Мне же казалось, что меня ждет успех, и я обязательно найду эту Женщину в красном, хотя Мотя ничего не могла сказать мне вразумительного об поспешном отъезде Эмилии из дома.

- Она позвонила кому-то...

- Кому?

- Не знаю.

- Но такси за ней приехало, или...

- Или! Какая-то импортная машина. Нет, не такси. Такси я бы определенно узнала.

- А вещи?

- Какой-то мужчина, помог ей их положить в багажник. Он и за рулем был.

- Вот! Вот! Видишь?! – неистовал отец. – Приехала в мой

дом, но имела еще, кого-то про запас! Это в духе Эмилии! Посмотрела на меня, старую тухлятину и вильнула хвостом в другое направление...

- Она же говорила, что-то о конкурсе танцев, - вставила Мотя.

- Где этот конкурс? Явно не в центральных залах, шла бы реклама, - заводился отец. - В каком-нибудь клубишке... Самодетельность!

Но это была единственная зацепка: конкурс танцев! Каких танцев? Бальных? Народных?

По дороге я начал обзванивать знакомых, задавая им один и тот же вопрос:

- Не видели ли рекламу о проведении конкурса танцев?

И в ответ только удивленное:

-Нет!

-Нет!

-Нет! А что? Для чего тебе это нужно?

Нужно было искать иголку в стоге сена! Но где была она, эта иголка?!

Меня вывел, из бесплодного метания по городу, голос отца, звонившего по мобильнику:

-Ну что? - спросил он меня, и тут же продолжил. - Теперь - то ты понял, что это за женщина?

-Мать! - ответил я. - Моя мать! - как бы уточнил я, закипая внутри себя. Казалось, эта новость не столь взволновала меня, как достоверность правды о Софи.

-Вот поэтому мы и солгали этой вертушке о рождении сына, то есть, - тебя! Она была еще сама ребенком...

-Ты оправдываешь ее или себя? - не выдержал я.

-И ее и себя, - глухо отозвался отец. - Желая, чтобы сейчас, сегодня, когда ты узнал правду своего рождения, то, наконец,

должны быть расставлены все точки над «і». Ты считал матерью...

- Бабушку, - сказал я. - Именно она записана в моем свидетельстве о рождении. - Дед-отцом.

-И у тебя никогда не вызывало сомнения, что записан дед, а отец твой, - я?

-Знаешь, в этом мире столько путаницы, что я старался не заикливаться на этом вопросе. Лет в пятнадцать задумывался над несостыковкой в метрических записях, а потом... Какая разница...Сегодня получил откровение...

- Ты не осуждаешь меня? - спросил отец.

- Нет, - ответил я, с явным безразличием. - Тайна тайной, но вы все дали мне и в детстве, и в юности, да и сейчас, я не обделен. Просто, уму непостижимо, как вы смогли проверить... - я помедлил, подбирая слово, - ...аферу, в советское время?

-Деньги, не бог, но милуют, открывая самые навороченные замки, - заметил мне отец. - И еще, очень близкие и преданные знакомые... - и совсем неожиданно заметил: - Ты не найдешь эту женщину. Не рискуй лучше, езжай домой. Может быть, время все расставит на свои места, когда-нибудь. Ведь жизнь кончается не завтра...

-Да...-протянул я. - Кажется, меня останавливает ГАИ. Подвел ты меня своим разговором, по-мобильнику, под монастырь.

-Ну выпишут штраф, делов то...-с долей безразличия отозвался отец, дав отбой.

-Ищу женщину. Мать,-сказал я, подошедшему к машине гаишнику. - Может быть, вам известно место проведения конкурса танцев?

-Нет! - ответил тот сухо. И попросил предъявить документы.

10. А утром, перед работой, позвонил отец и сообщил новость:

-По своим каналам, я нашел нашу Женщину в красном.

-Ну-ну... - заинтересованно отозвался я.

-Никакой ни конкурс, обычный корпоратив. На Рублевке, - он продиктовал адрес, - в доме олигарха Уйнова. Гуляли по случаю его юбилея. Она точно была там, а может быть и сейчас еще танцует...

Я, сломя голову, помчался по указанному адресу, предварительно позвонив на работу, уведомив, что чуть-чуть опоздаю...

Однако, праздник был окончен. Рабочие снимали с деревьев гирлянды разноцветных лампочек, обрезая еще не лопнувшие шары, которые тут же взмывали вверх и ветер уносил их в разные стороны.

Дворник подметал дорожки и увидев, видимо, мое разочарованное лицо, застывшее у ажурной ограды, заметил мне насмешливо:

-Опоздали – с...

-Да уж, - отозвался я, с сожалением. – Командировка, - как бы оправдался я, выдвигая, железный аргумент.

-И так гуляли целых три дня,-со значимостью в голосе заметил дворник, ближе подходя к ограде.–Уж кого здесь только не было! Вся шатия–братия шоу-бизнеса, и даже из-за рубежа были выписаны поп-дивы...

-Хозяин дома? – прервал я его красноречие.

-Нет. Утром улетел в командировку. Дела... - сказал он, почему-то отдуваясь, будто сам устал за хозяина.

-А кто-то, остался еще в доме, из артистов?

-Нет... - протянул дворник. – Им-то, что здесь делать. Свое получили и по домам.

-Не знаешь, танцевала ли здесь Женщина в красном?

-Их много здесь, танцовщиков, было. И балет и кардебалет и... Откуда мне знать...

-Прохор, - позвал дворника женский голос.

-Батюшки, - заторопился он, почти отскакивая от ограды, - нам ведь запрещено разговаривать с посторонними,-заметил он.

Я уже хотел сесть в свой «Опель», когда меня нагнал голос Прохора:

-Господин хороший! Вас зовет хозяйка.

-А ей-то что?.. – не понял я, но прошел в открытую Прохором, резную дверь.

Тот проводил меня во внутрь двора, к главному входу в дом, около двери которого, стояла молодая женщина, приветливо мне улыбаясь:

-Я знаю вас, Вигдор, - сказала она мне, протягивая ладонь. – Марина, -представилась она, будто не замечая мое недоумение.

Я пожал ее теплую нежную руку, она пригласила меня в дом, на ходу говоря:

- Вы муж Елены...

- Бывший, - сказал я.

- Какая разница, - отозвалась она, с явным безразличием.

-Большая, - ответил я.

Она посмотрела на меня с явным интересом.

-Большая,-вновь повторил я.–Бывший и нынешний, две большие разницы.

Марина хмыкнула:

- Елена всегда была слишком непростым...

- Сложным, - вставил я.

-...человеком. Однако, - она предложила мне сесть у чай-

ного столика, повелительным движением руки, - у нее была хватка...

- Волчья, - вновь вставил я.

- Вам видней... Однако, она имеет дизайнерскую студию и преуспевает в данное время, как бизнес леди...

Горничная принесла на подносе чай, конфеты и маленькие пирожные – птифуры.

- Я рад за нее, - сказал я, безо всякого энтузиазма, так как эта женщина была мне безразлична.

- А вы? – улыбнулась Марина. – Вы? Все так и скитаетесь по жизни вечным неудачником?

- Это с ее слов? – спросил я, в душе начиная злиться на эту обеспеченную, бабенку, пригласившую меня в свои хоромы, от нечего делать, чтобы скрасить время.

- С ее! Мы с вами не знакомы. Но ни раз сталкивались на званых вечерах, презентациях... Я хорошо запомнила вас. У вас очень запоминающееся лицо. Фигура. Особого рода осанка. Елена говорила, что вы сын известного, в прошлом, танцовщика.

- И известной танцовщицы, - сказал я, стараясь, хоть что-то узнать от Марины о Женщине в красном.

- Да? – удивилась она, разливая чай. – Интересно... Этой подробности я о вас не знала.

- Вы собирали на меня досье? – с улыбкой спросил я ее.

- У меня в характере, всегда больше знать о человеке...

- Даже незнакомом? – с интересом спросил я ее.

- Ну как... Вы пейте, пейте чай, - попросила она. – Елена недавно оформляла мне зимний сад и разговор крутился постоянно о вас.

- Вот как...

- Да, именно так. Все же, Елена, видимо сделала ошибку,

уйдя от вас и... жалеет об этом. Да и вы не женились до сих пор...

- Одного раза достаточно, чтобы...

- Ой-ой! – перебила она. – Не зарекайтесь! По вашему виду не скажешь, что у вас нет дамы сердца.

- Как водится... Особого рода осанка. Запоминающееся лицо, - сказал я, ее же словами. – Знаете, вы должны мне помочь.

Глаза Марины загорелись, она подалась вперед, предчувствуя интригу.

- У вас стоял пир горой трое суток...

- Было! Юбилей мужа...

- Огромное количество выступающих артистов...

- Да...-она, видимо, не понимала, куда я клоню, явно отдаляясь от темы бывшей жены.

- Вчера здесь у вас танцевала женщина... Женщина в красном, вероятно, испанский танец...

- Да, танцовщица от Бога, но возраст, возраст... Уже заметно, что не первой молодости. Конечно, стройность, конечно, осанка, но лицо на подтяжках... А что это она вас заинтересовала? – неожиданно спросила она меня. – Почему, именно она, вас заинтересовала? Было много звезд величиной поболее ее.

- Именно вчера, я узнал, что это моя мать, - не стал я лукавить.

Марина прикрыла рот рукой.

- Я должен найти ее, мне это важно, поэтому и прошу вашей помощи.

- Так она не знает, что у нее есть сын? – изумилась она. – Но, кажется, эта гостья не россиянка вовсе?

- Бывшая россиянка, а сейчас... Вот и хочу знать, где она.

-Концертную программу составлял Петр Кузьмич. Вы не знаете его? Он и приглашал артистов, по своим, каким-то, каналам. Я могу позвонить ему...

- Пожалуйста! Если это возможно, - почти взмолился я.

-Сейчас,-Марина взяла сотовый. – Если он будет в городе. Крутится, как колобок. Ну вот, недоступен...Сейчас позвоню по другому номеру. Он имеет несколько телефонов...Этот вообще отключен. Дайте вспомнить еще один номер...-она принялась набирать еще какие-то цифры. – О! Попала! Не знаю, точно ли... Петр Кузьмич, это вы? Да, да, Марина. Ничего не случилось, просто вы мне нужны кое по-какому вопросу. Конечно, думаю, что разрешимо. Вчера, именно вчера, у нас танцевала женщина в стиле испаньола. Да, да, в красном, Эмилия? Да... Ее так зовут? – Марина обратилась ко мне.

Я закивал головой, что означало: именно так!

Значит, Эмилия была именно здесь! Я не мог назвать ее мамой, сказав, даже внутренне себе самому: мама была здесь. Была, ну и что из этого? Сейчас-то ее здесь уже нет и след, по которому меня отправил отец, вновь затерялся. Она вновь исчезла. Испарилась в никуда.

Неожиданно, Марина завелась, и ее разговор, принимал уже отнюдь не любезную форму:

- Кто хочет ее переманить? Кто желает выйти на нее за вашей спиной?! Побойтесь Бога! Эмилию разыскивает сын, узнавший, что она в Москве. Конечно! Вы привыкли, что вас везде и всюду дурят, перехватывая артистов... По-моему, мы всегда были с вами честны. Какие деньги?! Какие, неоплаченные счета? Вы с ума сошли! Ничего, ничего... Вы это скажете моему мужу... Если вы сами вор, то не стоит в том уличать других людей, тем более, ваших постоянных клиен-

тов.

Видимо, Петр Кузьмич начал говорить Марине, что-то не лицеприятное, та плюнула в трубку и дала отбой.

-Чудовище! – воскликнула она, багровея и меняясь в лице.

– Оказывается, мы его обманули в расчете! Какое хамство!

-Это все из-за меня, - вздохнув сказал я, чувствуя себя крайне неловко.

-Вы?!–удивилась женщина. – Да это к лучшему, что состоялся этот разговор! И не вините себя ни в чем. Кстати,-сказала Марина, вставая из-за стола, и подходя ко мне. – Вы мне нужны...

Я с удивлением приподнял брови вверх.

-Идемте со мной,-заговорчески попросила она, протягивая мне свою руку.

«И что придумала эта женщина?» - невольно пронеслось в моей голове, однако, я пошел за ней.

Она ввела меня в оранжерею, вместившую в себя самые экзотические деревья и цветы.

-Ого!–невольно вырвалось у меня. Я оцепенел от восторга.

-Да, да! – улыбнулась Марина. – Это плод моих фантазий, а воплощение в реальность вашей супруги.

-Бывшей, - вновь напомнил я.

-И вы скажете, что она не молодец?

-Супер! Круче быть не может.

Она подвела меня к небольшому водопаду и предложила сесть на бамбуковую скамеечку, предназначенную для двоих.

-Я могу доверять вам? – спросила Марина, смотря мне в глаза. – Вы скажете, что я идиотка, что хочу доверить свои мысли чужому человеку, но... Я больше никому не верю. Везде один обман...Вы думаете, мой муж сейчас в командировке? Да, он улетел, но с очередной молоденькой поблядуш-

кой. Вероятно кувыркаются, где-нибудь в теплом море... Я устала от вечного обмана! – она тяжело вздохнула. – Я вас все равно бы нашла...

Я вновь приподнял брови, не понимая ее.

-Да, да, - сказала она утвердительно. – Вы же архитектор?

-Архитектор – дизайнер, - подтвердил я.

-Я видела ваши работы...

Я вновь взглянул на нее с удивлением.

-...На Кипре, в Латвии, Франции...

Непроизвольная улыбка скользнула по моему лицу. Было приятно слышать, что меня знают.

-Желаю, чтобы и для меня вы сообразили, что-нибудь эдакое...

-Где?

-В Болгарии.

-Почему именно там?–мне показалось, что эта женщина, может себе позволить более экзотичные страны, глядя на ее оранжерею.

-Мне нравится Солнечный берег и именно там, я попросила мужа, купить мне кусок земли.

Она так и сказала – «кусок», будто то был кусок из мясной лавки, купленный перед праздником.

-Я знаю, что мы скоро расстанемся с ним. Чувства истощены и в этом доме живут два чужих по-сути человека. Дело времени, не более того. Я же хочу, иметь свою вотчину и вообще уехать из России... Так вы будете согласны взяться за строительство? Я уже разыскивала вас, но вы были в Праге. А сегодня... Я поняла, что ваш неожиданный приход, - перст судьбы, и уже более не сомневалась ни минуты, что именно вы мне ниспосланы Свыше. Вы пришли сами. И не беспокойтесь, главное ваше согласие, мы все официально оформ-

им, да и вы не останетесь в накладе.

Во мне разгорался профессиональный зуд: творить! Такая перспектива!

- И во сколько га ваш кусок?

-Развернуться хватит смелой фантазии профессионала, - ответила она.–Хочу, чтобы сын, обучающийся в закрытом пансионате в туманном Альбионе, хоть летом, был постоянно на солнце, у моря... Ну вы подумайте над моим предложением, - попросили Марина на прощанье. – А то, что я не смогла помочь вам...-она сделала паузу, будто подбирая слова,-...так, если суждено, вы обязательно найдете ее. Иногда, судьба заключается в случайности, - она многозначительно посмотрела на меня.

Ее глаза были полны грусти. Незримая волна нежности, неожиданно для меня самого, подкатила к сердцу, сжимая его.

-Случайность порою,- сказал я,-лучше любого ожидаемого совершенства, - протягивая ей свою визитку.

Она не нашлась, что ответить. Мы простились, как мне показалось, чуточку поспешно.

11. Уже целый год, приняв предложение Марины и оформив все необходимые документы на строительство виллы, я жил на две страны, то был в Болгарии, то срочно выезжал в Россию, не считая зарубежных командировок. Но где бы я не находился, нигде и ничто не сталкивало меня с Женщиной в красном.

- Напрасно я раскрыл тебе тайну рождения, - не раз говорил мне отец, сетуя, что внес сумятицу в мое существование.

Хотя, конечно же, меня, лет с тринадцати, а то и раньше, мучил вопрос, почему и у меня, и у моего отца, одна и та же мать? Почему «мамин» муж мне дед, а моему отцу-отец? Все было туманно и запутанно настолько, как мне казалось, что я не задавал никаких, никому из близких, вопросов, уверенный, что услышу ложь. И в днях сегодняшних, мне было совершенно неудивительно услышать откровение отца, о чем он переживал и, конечно же, постоянно думал, как это случается у людей пожилого возраста.

Бывая в любой из стран, я конечно же, старался обращать внимание на афиши и справляться о Женщине в красном в ресторанчиках, но...еще ни разу мне не посчастливилось ни увидеться с ней лично, ни даже напасть на ее след...

Как-то раз, к Марине, неожиданно нагрянула моя бывшая супруга, проезжавшая мимо строящейся виллы, чем вызвала во мне бурю негодующих эмоций. И видя это, как бы успокоила, оправдываясь:

-Не заводись! Действительно, будучи в Болгарии, случайно оказалась в этом чудном месте. Хотелось увидеть Марины...

-Скорее посмотреть, как идет строительство и насколько я...

-Хватит заводиться,-перебила она. – Да, мы как бы, курирующие с тобой фирмы, но...

-Марины нет! – теперь перебил ее я. - Неужели ты была не в курсе?

- Я тебе уже сказала, что оказалась в этом районе, совершенно случайно. Откуда мне было знать... А ты... - Елена улыбнулась, - как бы, неровно дышишь к хозяйке? – спросила она, скорее, чисто из женского любопытства. - С клиентами, никогда не состою в интимных отношениях, -

ответил я, чувствуя, что еще мгновение и эта женщина выведет меня из себя.

Но моя «бывшая», казалось не собиралась уходить, вновь спросив, как бы между прочим:

- А что там за история с твоей матерью? Танцовщицей? Я всегда знала, что, что-то скрывается в вашей семье от тебя. Бабушка-мать, дед, отец... Но я не лезла в семейные тайны. Удивляюсь, что тебя это никогда не интересовало. Впрочем, ты всегда был слишком скрытым человеком... А Женщину в красном, ровно полгода назад, я видела на Кипре.

Я оживился:

-Да? Ты видела ее?

-Афишу. Она танцевала в каком-то кабаке. Если это была она.

-Женщина в красном, да, именно так, она себя величает и пишет на афишах.

-Значит, была она. Хочешь, дай мне твой номер мобильного, если ее встречу где-нибудь, то подойду и скажу, что ты ее ищешь. Она перезвонит. Я через день буду в Испании.

Я промолчал. Незачем этой женщине было вмешиваться в мои личные дела.

-А я ненароком слышала, что тебя пригласили преподавать в Америку...

-Как видишь, расту. Не преподавать, а читать цикл лекций о современном дизайне.

-Браво! Хотя мог бы, вполне мог, создать свое агентство, как это сделала я...

-Благодарю за совет, - сухо отозвался я. – И... кажется мы заболтались. Извини, - корректно напомнил я ей, - дела.

-Да, да, конечно, - заторопилась Елена. – Передавай Марине привет.

-Вряд ли мы с ней увидимся в ближайшее время.

-А...- понимающе протянула она. -Ну, пока, Вигдор удачи!

- Взаимно, - отозвался я без эмоций.

Когда она выскользнула за ворота, ко мне подошла женщина-болгарка, нанятая Мариной, экономка.

-Я слышала ваш разговор, - сказала она. - Давно вижу, что у тебя тяжесть на душе.

-Боряна! - взмолился я. - Уж не провидица ли Ванга вселилась в тебя?

-Нет, что ты! Имя Ванги свято. А я... Ну-ка, дай твою руку! - приказала она. - Мои корни идут от цыган, по материнской линии. Кое чему, моя мать научилась от бабки. Я от нее. Ну-ка, ну-ка...- она начала с интересом разглядывать мою ладонь.

-Ты же разведен, правда?

-Правда, - подтвердил я.

-Но у тебя есть сын, совсем не от жены. Он еще маленький, родился недавно.

Мое сердце сжалось до боли: Софи! Она родила! Она все же родила от меня!

-С этой женщиной, его матерью, у тебя не было любви. Случай! Вас свел случай, - она посмотрела мне в глаза.

-Да, да, Боряна, именно случай свел нас... - заторопился я, желая знать от нее, как можно больше.

-Сестра ли она мне, та женщина, с которой у меня произошло соитие.

- Нет! - твердо ответила Боряна.

Я вздохнул с облегчением, но тень сомнения промелькнула в тот же миг: правдивы ли ее слова? И Боряна, будто почувствовав мое сомнение, сказала:

-Правду говорю тебе, верь!

-Что же дальше скажешь? - с нетерпением спросил ее я.

-Только через два года встретишься с матерью. Будет слу-

чай. Она обо всем расскажет тебе лично. Не торопи события. Все у тебя сложится хорошо. У тебя будет семья.

-С...ними?

-Будет! - повторила Боряна. - Не торопись только! Соблазнить тебя станет женщина. От дьявола будет это. Помни, что в итоге и мать будет рядом и отец, и сын и жена...

-Софи?! - воскликнул я.

-Этого сказать не могу. Но будет!

Она отошла от меня.

-А ручку позолотить? - остановил я ее. - Ведь за все, в этой жизни, нужно платить!

-Позолоти, коль желание идет от души и сердца, - улыбнулась она, протягивая руку.

Я положил ей купюру, сжимая ее ладонь в кулак.

Боряна пронзительно посмотрела мне в глаза, сказав:

-Ты добрый человек, Вигдор, а доброму человеку всегда, рано или поздно, воздается добро. Что посеешь, то и пожнешь.

12. Когда я вернулся из Болгарии, не ожидал застать отца в московской квартире.

-Что, на зимние квартиры? - спросил я его.

-Надоело жить за городом. Дожди, слякоть.

-Грибы...

-Это забава для Моти. Да! - стукнул он себя по лбу. - Тебя искала Марина.

-Марина? - удивился я. - Разве она не знала, что я в Болгарии, на ее, почти готовой, вилле? Она была здесь?

-Здесь, несколько дней назад. Как мне показалось, - отец прищурился, - она хотела больше не тебя, а познакомиться

со мной.

-Ну конечно! – засмеялся я.

-Познакомиться со мной, - настойчиво повторил отец, - но по твою душу. Куда уж мне перед такой супермоделью, в моем-то возрасте? – протянул он с долей огорчения. – Женщина класс, скажу я тебе. А деликатна...А...

-И что она хотела? – перебил я его. - О чем спрашивала?

-Да мы, как-то сразу с ней, нашли и общие темы, и выпили винца за знакомство.

-Вот! Вот так и бывает! – сказал я победоносно. – Придет не Марина, а аферистка и попадешь ты в сводки «ЧП» на НТВ. Ведь смотришь ежедневно эту передачу, а тут, распахнул объятия незнакомке! Разговорчики, винцо! Может, и на брудершафт пили?

-Не заводись! – одернул меня отец. – Марина явно заинтересована тобой.

Я хмыкнул: еще бы! Она не один раз, давала мне понять это. И не такой я уж болван, чтобы упустить такую женщину, но...

-Ты же сам, совместно с дедом, советовали мне: никогда не заводи шашни с клиентами...

-...служащими вместе с тобой, людьми. Я и сейчас могу повторить это.

- Ну?! Обжегшись на Эмили, ты понял, что нельзя. А Марина моя заказчица! Клиентка!

- Бывают исключения из правил! – горячился отец. – Упустить такую женщину! Такую женщину!!!

- Ты же упустил Эмилию, - сказал я более чем сдержанно. Отец посмотрел на меня обжигающим взглядом.

-Не смей вспоминать ее! – почти приказал он мне. – Я полный дурак! Маразматик! Старая колоша, что рассказал тебе

об этой женщине! – вскипел он.

-Моей матери, - как бы напомнил я ему.

-Все! Забудь! Забудь! – застучал он палкой. – Я тебе ничего не говорил! Слышишь?!

-К моему сожалению, никак не могу отыскать ее, - не обращая внимания на слова отца продолжил я. – Наверно, не время...Хотя, совсем недавно, мне гадала по руке одна женщина...

-Ну вот, этого еще не хватало, чтобы ты начал шлаться по магическим салонам, хиромантам! Фу!

-Случайность, не более того.

-И все стало на свои места? Что напороочила тебе эта...шаманка?

-Сначала послушай мою историю, - и я начал рассказ о Софи.

Удивительно, но отец ни разу не прервал меня, сидел молча слушая и лишь изредка хмыкая себе под нос.

Затем, из своей комнаты, я принес письмо Софи, и прочитал отцу его полностью.

-А теперь, через эту хиромантку, узнал, что у меня родился – таки сын, понимаешь?! И как мне быть, если Эмилия мать Софи?!

Отец помолчал, затем с большой неохотой ответил:

-Не могло этого быть! Никогда не могло!

-Почему?! – воскликнул я. – Почему?! Что, разве Эмилия не женщина и не могла иметь еще ребенка?!

-Как ты мне надоел со своими вопросами, - сказал отец, удаляясь на кухню, откуда принес заветный графинчик с рюмкой.

Сел за стол, со смаком выпил своей фирменной наливочки, сказав мне:

-Слушай, раз вынудил, а то пристал с какой-то дочкой. Ты

единственный у нас с Эмилией ребенок.

-У вас...- начал было я, но отец перебил меня, стукнув кулаком по столу.

-Сказал тебе: слушай! Когда Эмилия тебя родила, а роды были очень тяжелые, у нее открылось кровотечение. Никакие средства не помогали. Моя девочка умирала от потери крови. И тогда ее срочно увезли в операционную. Оперировали...- отец выпил еще одну рюмку.

Задумался. Обхватил голову руками сказал еле слышно:

-Ты хоть имеешь представление, что представляет собой эта операция?

-Нет...-ответил я, почему-то, тоже приглушенным голосом. – Я же не врач, - словно оправдываясь добавил я.

-Ей удалили все женские, детородные органы... Теперь-то ты понимаешь, - обернулся он ко мне, - что у Эмилиии никогда больше не могло быть детей! Никогда! Какая там, дочь... Нет! Нет! Это я знаю точно!

-Да, это видимо так, потому что и Боряна, гадая мне, сказала, что Софи не сестра мне. Но откуда она тогда взялась? Ведь она считает, что Эмилия ее мать.

-Когда встретишь Эмилию, задашь ей этот вопрос. А я тебе сказал, что знал точно, на все сто процентов.

-Что же было потом? Она пришла в себя, после потери крови?

-Ну ты ж ее видел, - усмехнулся отец. – И знаешь, что она мне сказала?

-Ну я ж, не яснослышащий...

-Она сказала, как в душу плюнула: вот чем закончилась наша с тобой любовь. Ты сделал меня инвалидом. И ребенка нет и я полностью бесплодна. Конечно, ей остались только танцы... ее жизнь, ее любовь, ее страсть...А я... Мне непонятно,

зачем она тогда приехала? Почему хотела видеть меня? Нет! Эмилия, непонятная женщина. Она так и осталась для меня загадкой, хотя времени прошло достаточно.

-Все женщины, по сути своей, загадочны. Возьми Марину. Уж о своей Елене я не говорю. Ушла к другому, думала там будет лучше.

-Творческие люди не должны жить под одной крышей.

-Но ведь и во втором браке, как я понимаю, у нее не сложилось... Теперь Марина.

-А сколько тебе можно иметь одноразовые связи? Марина – вариант, - посоветовал отец. – Ты можешь принять или отвергнуть мое мнение, но...

-...но у меня есть сын, - перебил я его. – Кстати, твой внук.

Отец вздохнул:

-Но, если я правильно понял смысл, из письма Софи, у нее есть муж-импотент...

- Есть. Но он старый и...

-...сколько еще лет ему даст Бог? И, откуда тебе знать, что собой представляет Софи? Будет ли она тебе по душе и сердцу. И, не забывай, что есть такое чувство, как любовь. Во всяком случае, к Марине тебя влечет и если бы ни проект ее виллы, строительство, и прочие дела, то, уверяю, ты давно оказался бы в ее постели. Что, ни так? – отец пронзительно посмотрел на меня.

Он был прав и мне нечего было ему возразить. Марина мне нравилась, но, любовь... Она вряд ли присутствовала во мне сейчас.

-Ты подумай, подумай, - сказал отец. – Лучше синица в руках...

Но тут раздался звонок в дверь. Отец пошел открывать.
-Тебе заказное письмо, - прокричал он. – Иди распишись.
Я вышел. Расписался, принимая конверт из рук почтальона.

- И кто тебе пишет в век Интернета? - поинтересовался отец, заглядывая через плечо на конверт.

Я повертел его в руках: письмо было от Марины.

13. «Здравствуйте Вигдор! Наверное, вы будете недовольны моим шагом... Я знаю это. И все же, вспыхнув, каким-то девичьим безумством, осуществила желание, быть у вас дома. Особое чувство постоянно подталкивало меня сделать это, и я, решилась, прекрасно зная, что вас не будет дома.

Когда я поднималась на ваш этаж, где-то, в глубине замирающей души, молилась про себя, чтобы ваш отец оказался на даче, и, чтобы мне никто не открыл дверь. Но...ваш отец меня принял с большим радушием, как только я назвала себя. И я почувствовала перед собой не просто-Человека, а интеллигента. И мне очень приятны слова сказанные о таких людях испанским философом XX века Хосе Ортегой-и-Гассетом: именоваться интеллигентным человеком может лишь тот, для кого собственная душа стала открытой книгой. Ведь культура обязывает нас уважать в себе личность, свято чтить свое право на независимую внутреннюю жизнь.

Ваш отец, Вигдор, именно такой человек. В наше время, увы, это стало большой редкостью. Интеллигенция, почти что, исчезла из нашего общества. И когда встречаешь человека высших достоинств, то независимо от самого себя приобретаешь истинную ценность. Я вздохнула воздухом

вашего мира и поняла, что вы воспитывались в царстве истинного, великого, прекрасного. Поэтому в вас так много нравственного, совершенного...

К моему большому сожалению, я тоже воспитывалась в мире моральных ценностей, но в мое эго ворвалось, что-то новое, сумбурное и... страшное, разрушив идеальный образ девочки-совершенства.

В одиннадцать лет, когда от нас ушел отец, уехав насовсем из города, во мне ежедневно обнаруживалось разрушение, хаотичность мыслей, гнусное отчаянье. Семья, по-мещански идеализированная мной, все эти годы, распалась, и жизнь, как оказалось, обнажила лживость и все неприятные свои стороны, которые я не замечала раньше.

На мизерную зарплату мамы, мы достигли способ существования, перебиваясь с копейки на копейку. Во мне росло раздражение, ведь я прекрасно понимала, что в житейском искусстве, я полный ноль. Но нужно же было принять новые правила игры, чтобы продвигаться вперед, вопреки страху и боязни, которые довели надо мной.

Мне было двенадцать, когда зашедшая к маме знакомая, посмотрев на меня, сказала:

-Ну, девонька, с твоей-то фигурой и личиком можно сделать неплохую карьеру. Ты добьешься успеха в модельном бизнесе.

-Да что ты такое говоришь! – с упреком возразила ей мама.

-Ну сидите в говне... - безразлично заметила ей та, добавив: - С развалом Союза и понятия прежнего развалились в прах. Глупость и грубость правят людьми, заставляя их не принимать всерьез ни жизнь, ни себя самого. Мы зависли в пустоте и хватит иллюзий о прекрасном, о царстве духа, мысли, искусства... Человек –это условность, в котором нет

цельной души. Избегай сентиментально-утешительную философию, - сказала она мне. – Легче будет понять насилие над наивностью, чтобы сделать свою судьбу.

Только вам, Вигдор, я могу сказать, через что я прошла, как на исповеди, не стесняясь, продвигаясь вперед и каждый раз расплачиваясь, за каждый шаг своего продвижения.

Назад пути не было. Я упрощала свои мысли, свою душу, безотчетно принимая дьявольское, перечеркнув голос отчаянной правды. Что раньше казалось унижительным, запретным, подлым, легковесным, непотребным, - все разом стало моим. Где я только не побывала: в модельном бизнесе, проституции, наложницей в Египте, в увеселительных заведениях, ночных клубах... Жизнь наобум, в постоянной уверенности, что непременно должен появиться некто сказочный, кто сделает выгодное предложение вступить в брак.

Такой мужчина появился. Его темное прошлое мало интересовало меня, как и его-мое. Конечно, мое сердце не замирало от восторга и любви при виде его, но вспоминая все свои житейские передраги, я была ему просто благодарна, что мною не растрачивается остаток пути, до окончательной гибели.

Моя душа, вроде бы, вновь вздохнула: я обрела дом, свой дом, и единственного мужчину, который изредка уделял мне ночь, и вряд ли был чувственным возлюбленным.

Его занимали лишь дела, деньги и материальные ценности, казалось, они стояли во главе его естества. Я попала в большой мир вещей, безделушек, модных предметов роскоши, денег... Новые возможности жить, казалось бы, должны были стать великим утешением, но, что-то надломилось во мне за все прожитые годы, перечеркнув собой радость бытия, счастье, прекрасное...

А потом родился сын... Казалось, наши отношения стали более теплее и сердечнее, чем когда-либо, но я не ощущала силы настоящего чувства, скорее, то была женская покорность и благодарность за избавление от всей грязи, через которую я смогла продрасться.

В сердце жила тоска... Хотя от многих я слышала:

-Так живут многие, если не большинство. Живется, в общем-то, хорошо, ну и ладно...

Сына я видела редко. Его воспитанием занимался дядька-казак, специально выписанный из донской станицы. А по исполнению ребенком семи лет, муж отправил его на обучение в закрытый английский лицей. Короткие каникулярные встречи с сыном, были скорее официальными и вовсе не теплыми. Сейчас ему уже пятнадцать, и конечно же, у мальчика своя жизнь... Я только мечтаю, что он будет приезжать ко мне в Болгарию, и что со временем наши отношения наладятся и будут более теплыми.

Неожиданно для самой себя, я встретила вас. И эта внезапность внесла в мою жизнь, нечто такое, что хочется назвать – святостью. Именно в тот день, я вновь почувствовала себя-Женщиной!

Я чувствовала, что и в вас произошли изменения, что я вам не безразлична, но вы отказывались сказать мне, хоть что-нибудь. А мне так хотелось, чтобы в моей жизни произошло необыкновенное, чтобы я наконец испытала настоящее чувство любви!

Я устала жить а мирах-заменителях. Хотелось испытать чувство безумия, болезни, обрести ценность существования на свете. Хотелось вплести в свою судьбу-Любовь настоящую, неземную! Чтобы ЕДИНСТВЕННЫЙ во всем мире МУЖЧИНА, смог уничтожить, и помог мне, забыть, всю

мою прежнюю жизнь, вернув мне ценность моего дальнейшего существования на свете. Впрочем, почему существование? Жить! Это понятие намного больше простого существования. Существование мука. А жить и любить – это торжество, кладезь нерушимой ценности. Увы, постижение которых мне еще не дозволено познать в полную силу Свыше.

Не знаю, захлестнула ли и вас это откровение, не желающее вырваться наружу, даже показать мне свою искреннюю симпатию. Смущенно и грустно, вы всякий раз смотрели на меня и я понимала, что вы не можете переступить черту, ведь я была замужней женщиной, а вы, как я понимаю, любовь воспринимали ни как игру, а очень и очень всерьез.

На днях состоялся суд. Да, судебное разбирательство о разводе. Я же нутром чувствовала, что брак изжил себя полностью и должен был разрушиться. Нас развели, но бывший супруг выдвинул требования. Я буду у него на содержании до совершеннолетия сына. Но если в моей жизни появиться мужчина, то...

Сейчас я думаю, что мне нужно продать виллу. И сделать все возможное, чтобы полностью разорвать с человеком, который никогда не был мне дорог и необходим, а сейчас тем более, все отношения. К прошлому возврата не будет: я приучила себя к строгой самодисциплине, и, уверена, что смогу построить новую жизнь. Постараюсь идти к новому «я», чтобы назвать себя женщиной без мещанской условности. Если вы захотите увидеть меня, то можете позвонить мне... Впрочем, Человек одержим Богом и Ему Одному ведомы сферы осуществления судеб.

Извините за покаяние. Марина».

Отец отворил дверь кабинета.

-Ну и что тебе пишет эта женщина? – с интересом спросил он.

-Почитай сам, - ответил я ему, протягивая письмо. – Здесь нет никаких секретов. Сплошной хаос...

Отец стал читать письмо, и по выражению его лица было видно, что он огорчен.

-Бедная девочка,-сказал он, прочитав написанное. – Она тоскует по доброте и нежности, самыми глубокими порывами своего естества. Она хочет быть выше норм заурядной жизни, обрести настоящую, большую любовь.

- Увы! – ответил я сухо. – Жизнь многих и многих – шаблон, не требующий особых объяснений.

- Ты не позвонишь ей?

- Чтобы ее душа прорвалась сквозь иллюзию и попала в клубок многосложности?

- Ой-ей-ей! Как путано ты говоришь, сын! – воскликнул отец, явно недовольный моим ответом.

- Не хочу мнимой подтасовки чувств. Не могу составить единство душ, обнаруживая в себе фикцию. Зачем, чувствуя импульсивную похоть к этой женщине, обманывать себя и ее. Экстаз вожделения – грубый инстинкт человечества.

- Жаль, что ты против Марины. Могу предсказать, что твое паломничество к идеалу будет слишком долгим, и в конечном итоге, ты обретешь, как и я – одиночество.

- Это участь многих, - отозвался я. – Вспомни, что говорил Филип Сидни, живший давно...

- Еще в 15веке. Да: орлы летают одиноко, бараны пасутся стадами.

- Кстати, и в толпе можно быть одиноким.

- Поступай, как знаешь, - махнул рукой отец. – Ты такой же, как я. Требуешь от жизни наивысшего, разбираясь в глубоких вещах и принимая все слишком всерьез. Посмотри на

меня, я старый человек – это ты, лет через сорок.

Отец грустно посмотрел мне в лицо, развернулся и, опираясь на палку, вышел из кабинета.

14. Дочитав лекции, в Америке, я уже собирался покинуть университетский городок, когда меня попросили остаться, чтобы принять участие в торжестве, по случаю намечавшегося студенческого праздника.

Я неохотно, но согласился, было неудобно отказаться, тем более, что меня принимали очень тепло и радушно.

Праздник был в самом разгаре, когда я за своей спиной услышал:

-Вигдор! Вот так встреча!

То была Марина. С ней рядом стоял юноша лет пятнадцати.

-Познакомьтесь, - сказала она. – Это Фред, мой сын.

-Очень приятно, - ответил я, протягивая руку. – А вы здесь как...

-Да я приехала навестить сына в Англию, а его, как лучшего на курсе, отправили сюда, на стажировку, ну и я с ним, это не возбранялось.

-Мимоходом, я слушал вашу, одну из лекций, - сказал Фред. – Впечатляет. Хотя у меня другая специфика, но было интересно послушать соотечественника. Кажется, по вашему проекту построена наша вилла?

-Да.

-К сожалению, я еще не успел побывать на ней, но по снимкам с мобильного, что пересылала мне мама, я остался доволен. Впечатляет!

-Спасибо, - как бы согласился я, принимая комплимент на

свой счет, от этого, едва оперившегося юноши, разговаривающего с явным превосходством.

-Извините, но я пойду к друзьям, а маму оставлю, на время, с вами, если она будет вам не в тягость.

-Конечно, - согласился я. – Соотечественники в чужой стране на вес золота.

-Было заметно, что вы скучаете,-сказал он отходя.

-Фред, - усмехнулся я, - вероятнее всего – русский Федор?!

-Ну...- не нашлась, что ответить Марина.

-Понимаю... Среда обитания требует новых имен. Хотя... многие зовут меня Виктор, а по метрикам я – Вигдор.

-Вигдор? – с интересом переспросила она. – Я знала это, от Елены.

-Именно так, кто-то захотел, то ли бабушка, то ли...

Марина не дала мне договорить, спросив, очень тихим, интимным голосом:

-Вы получили мое письмо?

Явно, с первых минут нашей встречи, она была напряжена, ее взгляд говорил об этом и сейчас она решила, видимо, расставить все точки над «i».

-Да,-ответил, должно быть, я очень сухо, потому как, положив свою руку мне на предплечье, она сказала:

-Все понятно, Вигдор, не нужно подыскивать слова, чтобы оправдаться, не сделав мне больно. Я уже привыкла к боли, и, где-то, предугадывала вашу реакцию.

Мы помолчали. И совсем неожиданно Марина, изменившись в лице, восторженно объявила:

-Боже мой! Ведь дня три назад, когда мы с сыном ехали из аэропорта, я видела, на одной из улиц, афишу: танцует Женщина в красном!

- Где это было? В каком районе города? – оживился я.

-Я не знаю города вообще, здесь впервые, - как бы извиняясь, ответила она.

-И где же мне искать это место?! – удрученно заметил я. – Ведь в этом городе я тоже впервые.

Мое сердце колотилось в бешеном ритме: надо же такому случиться! Быть с матерью, в который раз, где-то рядом, дышать одним воздухом и не встретиться.

-То, разумеется, был ни какой-то концертный зал, а скорее всего, ресторанчик, - начал размышлять я вслух. – Извините, Марина, но я должен найти ее!

-Я с вами, - с участием сказала она.

-Нет! Нет! Извините, -я уже был весь порыв. – И...прощайте... Только не судите меня строго...

-Сердцу не прикажешь, Вигдор. С Богом! – она отошла от меня в сторону, взглядом отыскивая сына, став неприступной, холодной и чужой.

Почти запрыгивая в такси, я сказал шоферу:

-Ты должен знать, где тут у вас эмигрантский ресторанчик. Мне нужно туда, как можно быстрее.

-Эмигрантский, это: есть русский, есть цыганский, есть...

-Давай по первому адресу.

Шофер был очень словоохотлив:

-Кого-то ищите?

-Ищу, - отозвался я. – Мать!

-Если Богу угодна эта встреча, она произойдет, - философски заметил он. – А как вы потеряли друг друга?

-Это было давно... Может ты видел в городе афишу: танцует Женщина в красном.

-Видел, - ответил он с долей безразличия. – Так нам нужно в румынский ресторанчик. В русском, эта женщина, уже оттанцевала.

-Откуда ты знаешь?

-Ориентируюсь по афишам и клиентам, которых вожу с утра до ночи.

-Так гони!

-Все программы, сэр, - заметил он мне, - рано не начинаются. Не раньше девяти, а то и десяти часов. А сейчас, - он деловито взглянул на часы, - только семь. Успеете вовремя.

Я еще издали заметил афишу. Мне казалось, что потеряю сознание...

-К сожалению, - сказали мне при входе, преграждая путь, - все места в зале забронированы.

-Но... - начал было я, но швейцар тут же перебил:

-Никаких «но»! – строго сказал он. – Доводы неуместны! – и захлопнул дверь перед моим носом.

Я вынул сто рублевую купюру и помахал ею через стекло, но никакого результата это не дало. В полной растерянности я начал оглядываться по сторонам, и только сейчас заметил приклеенный скотчем листок на двери:

ВСЕ МЕСТА ЗАНЯТЫ.

И тут, у тротуара, остановилась машина, из которой выпали музыканты с гитарами в мощных футлярах.

Швейцар с готовностью открыл дверь, даже не смотря в мою сторону, и музыканты начали заносить, какую-то аппаратуру в ящиках.

-А где Эмилия? – спросил я, у одного из них.

Он даже не посмотрел на меня, занятый делом и буркнул скороговоркой:

-Скоро будет...-исчезая внутри ресторанчика.

Двери вновь закрылись. Я остался, все в той же, полной растерянности, на улице, стараясь не пропустить Эмилию, среди идущей толпы людей.

Я уже прождал ее появление более получаса, все время с надеждой поглядывая на часы, но стрелки двигались очень медленно, и я вспомнил знаменитую фразу бабушки, что на свете хуже всего ждать и догонять.

Но вот у тротуара остановилась машина. Двери ресторана тут же распахнулись и швейцар, прошипел мне зло:

-Убирайся вон! В полицию захотел...

Эмилия пересекала тротуар быстрой, летящей походкой, лавируя среди идущих, и я крикнул ее имя. Она не сообразила сразу, кто позвал ее, и посмотрев в мою сторону, нахмурилась, видимо вспоминая, кто я такой, и опустила глаза, стараясь проскочить в дверь.

-Эмилия! – вновь заорал я. – Ну как же вы могли забыть Москву?! Архитектора!

-Пошел вон! – уже громко заявил швейцар, стараясь заслонить своим огромным телом танцовщицу. И вновь захлопнул передо мной дверь, с явным торжеством во взгляде.

-Да... - выдохнул я с огорчением. – Что же мне здесь стоять, как приклеенному весь вечер и ночь!

Ах, как мне хотелось выбить стекла в этой проклятой двери и от всей души, набить морду этому швейцару, возмнившему, что от него зависит быть или не быть мне в зале. И тут дверь вновь отворилась.

-Архитектор! – услышал я голос Эмили. – Какими судьбами? – она махала мне рукой, приглашая войти внутрь.

Я победоносно вошел внутрь, презрительно смотря на швейцара.

- Боже мой! Эмилия! Сколько же лет я искал вас! – выпалил я, задышав.

-Что случилось, мой мальчик? – она взяла меня, как маленького, за руку и повела по коридору. – Ты так взволнован.

-Эмилия, родная моя, нам нужно очень серьезно поговорить. Очень!

Она уже ввела меня в грим уборную и смотря мне в лицо, вновь спросила своим мягким голосом:

-Чтонибудь случилось? Архитектор, на тебе нет лица!

-Я понимаю, у вас концерт...

Она взглянула на часы:

-Через час.

-Нет, это разговор длиннее...

-Ты потерялся в Америке? У тебя украли все ценное? Тебе нужны деньги? Помощь? Что?!

-Эмилия, это длинный разговор... Я не уложусь в час... И не хочу сорвать ваше выступление.

-Загадочно... Таинственно... Ты уже меня заинтриговал. Ладно, как хочешь, поговорим после концерта. Но не будешь ты сидеть здесь! Ну-ка...- она резко подошла к висевшему на стене телефону, видимо внутренней связи, сказав: - Зайдите ко мне! Да, срочно!

На пороге, в мгновение ока, появился, видимо директор ресторана:

-Эмилия! – окрыленно воскликнул он, расплываясь в улыбке и целуя ей ручки.

-Шеф! У меня гость, - сказала она. – Мне нужно, чтобы вы посадили его за мой столик.

-Эмилия, дорогуша, какие могут быть проблемы?!

-Стол накрыть, по моему ассортименту, на двоих.

-Пройдемте, сэр, - любезно предложил мне мужчина.

-Иди, иди... - улыбнулась Эмилия. -Не исключаю, что ты

подыграешь мне на концерте, - и погрозила пальчиком. — Я не забыла, как ты можешь танцевать!

-Спасибо!

-И смени на своем лице маску. Мы встретились. Ты все сможешь мне сказать после концерта. Успокойся! Не решенных проблем не бывает. Иди, тебя ждут. Скоро мы начинаем.

Шеф ввел меня в зал, в котором появились первые зрители. Официанты носились, обслуживая столики.

-Вот здесь ваше место, сэр, - сказал мне шеф, скорее, всего, метрдотель этого заведения. — Это одно из лучших мест нашего ресторана.

-Спасибо.

-Сейчас ваш столик обслужат, - он принялся, что-то тихо говорить, подскочившему к нему, официанту.

Постепенно зал начал наполняться публикой, замелькали голые руки и спины женщин, душно запахло множеством ароматов духов. Я начал растворяться в звуках, словах, чужих лицах, вдохах, глазах, запахах еды, выпивки... Пространство становилось все теснее. Зал погрузился в полумрак. Сцена озарилась огнями и поток света, высветил четырех музыкантов, уже сидевших в ожидании начала действия, и по залу, само собой, разлилось ощущение праздника. Я заразился, с первыми аккордами музыки, какой-то сладостной упоенностью, и выпив бокал налитого мне вина, воспарил в хмельном восторге куда-то, высоко-высоко, отстраняясь от всего повседневного, влетая в волшебный храм искусства.

15. Музыка постепенно успокаивала меня, но в голове крутилась мысль: как я начну разговор с Эмилией? Что скажу ей? Какие слова станут первыми?

С поспешностью, я опустошил второй бокал вина. Меня начала покидать бурная взволнованность от встречи с Эмилией. Смутная умиротворенность вселялась в мои ум и тело.

Ресторанчик, приправленный атмосферой старомодной трактирной романтики, будто озарял светом прошлой, советской, действительности. Слышалась, то украинская речь, то русская, то белорусская и прибежище завсегдатаев, коротавших вечера в этом ресторанчике, было неким островком теперешней их жизни, некой отдушиной, вдали от Родины, одарившей их тоскливо-радостным ощущением прошлого...

Кто-то из них смирился с жизнью, кто-то до сих пор ощущал в душе помеху, какую-то скованность и робость, но все эти люди, были явно завсегдатаями этого заведения, прекрасно зная друг друга, потому и посматривали на меня с явным любопытством, перешептываясь меж собой : а это кто такой? Откуда взялся?

Но вот на сцену вышла Эмилия и зал замер: прекратился гул голосов, звяканье бокалов и вилок...

Обведя зал своим прекрасным, сияющим взглядом, она гордо вскинула голову и ее блестящие черные волосы разлетелись по плечам. Губы тронула улыбка, притягательно-насмешливая, царственная, как сладкая отравка женщины, хорошо знавшей себе цену.

Ах, как она танцевала! И неизвестно откуда взявшаяся в ее руках роза, неожиданно упала мне на стол. Эмилия обволакивала меня своим танцем, словно сетью вожделенья, вся светясь эротикой и все ее па превращались в один, огромных размеров, соблазн.

За столиками зашушукались. И я представил, что обо мне сейчас говорит окружение: Эмилия привела на свое представление любовника, стараясь превратить свой танец в кра-

сивый символ любви, игры женского обольстительного волшебства.

Ее чувственный танец придал необыкновенное очарование, авантюру обольщения, старанию меня покорить на глазах у многочисленной публики. И публика, утопая в хмельном восторге, проникнув в тайну ее безумства, загорелась настолько, что не могла уже сдержать своих эмоций: кто хлопал, отбивая ритм, кто с упоением восклицал:

-Браво!

-Браво, Эмилия!

Но вот она начала спускаться по лесенке в зал и подойдя к моему, столику, лихо вскинула руки вверх, затем опустила их мне на плечи и резко развернув меня на стуле, полунадменным взглядом посмотрела в глаза, шепнув:

-Поднимайся! Иди за мной!

Я принял ее игру и в мгновение ока, мы очутились с ней на сцене.

-Танцуй!—шепотом приказала она мне.—Танцуй так, как танцевал на даче!

И меня, словно мальчишку-школьника, понесло вслед за указанием учительницы.

Зал взорвался аплодисментами и многочисленным хором голосов:

-Браво!!!

В меня, будто вселилась армия чертей, я парил в танце, будто над черной трясиной, обжигаемый адским пламенем. Мне казалось, я победил эту женщину, самозабвенно растворяясь в пьянящих звуках музыки, одновременно насмехаясь над ней, восхищаясь, любя, освобождаясь от самого себя, одурманенный хмелем Женщины, которая была моей матерью!

Мы танцевали, войдя в раж, довольно долго, а когда музыка стихла, под аплодисменты и восторженные крики очумелой публики, спустились вниз со сцены, в зал, садясь за наш столик.

-Ты – чудо! – сказала она мне, целуя в щеку. – Выпьем за наш союз!

Официант наполнил бокалы. Мы чокнулись. Она, видимо сгорая от жажды, в мгновение ока опустошила содержимое. Я же, чуть-чуть пригубил вино, отставляя бокал.

-Что так? – с вызовом спросила Эмилия.

-Я уже выпил до этого два бокала,-ответил я. – У нас впереди предстоит разговор. Боюсь напиться.

-Самоконтроль? Это хорошо. Но теперь –то ты видишь, как нас приняла публика?

-Вас, Эмилия! Вас!

-Нет, мы причастны друг к другу, а главное, что ты, тоже был хорош! Ах, как хорош! Сиди! Ешь! Я пойду переодеться к следующему номеру. Публика заплатила деньги, нужно отрабатывать...

Эмилия упорхнула, незаметно выскользнув из зала. Музыканты вновь заиграли. В моей голове билась одна единственная мысль: с чего начать разговор? Каким образом? Я вновь выпил.

-Сэр, кажется вам уже хватит, - предупредил меня официант.

-Да,-согласился я.—Конечно...

Эмилия вновь танцевала. Самозабвенно. Долго. Ее глаза светились счастьем. Она посылала мне воздушные поцелуи и накал ее танца все нарастал. Казалось, музыканты уже выбились из сил, а она все не желала покидать сцену.

Но вот музыка прекратилась, и изнуренные музыканты,

вместе с тяжело дышавшей Эмилией, подошли к рампе кланясь, принимая восторг зрителей.

- Вставайте, - сказал официант, - я проведу вас в гримерную.

Я пошел за ним следом и волна взволнованных голосов сопровождала меня по коридору. Когда в гримерке закрылась дверь, я облегченно вздохнул. В эту минуту вошла Эмилия, почти падая на диван.

- Ты видишь, как нелегок труд танцовщицы, - выдохнула она. - С годами становится все сложнее выдавать сложнейшие па. Но я люблю фламенко и все испанское. Кстати, моя дочь, кажется, хочет заняться строительством виллы в Испании?

- Софи? - спросил я, в глубине души радуясь, что начало разговора положено.

- Софи? - переспросила меня Эмилия. - А ты ее откуда знаешь?

- Но она, кажется, архитектор? И ей самой построить виллу, раз плюнуть.

- А... понимаю, - погрозила мне пальчиком Эмилия. - Вы с ней встречались на каком-нибудь симпозиуме, да, я права?

- Да, в Праге... Это было в Праге...

- Не поняла... Что было?

В дверь постучали, и официант внес поднос с вином и едой.

- У меня все в горле пересохло, давай выпьем, а уж потом продолжим. Как я понимаю, твой разговор со мной будет о Софи?

- Не только... - сказал я, чокаясь с Эмилией бокалом.

- А, что, она так тебя занимает? - спросила она, осушив бокал до дна. - Замужняя женщина...

- Ее муж жив?

- О, этому дьяволу во плоти, Бог дал тысячу лет жизни! - недовольно заметила Эмилия. - Бедная моя девочка! Это мои родители сосватали ее за этого... педераста! Старого педераста!

- А ребенок? Кажется Софи родила сына.

Эмилия растерянно посмотрела на меня.

- Ты, Архитектор, как будто, знаешь все о моей дочери.

- Эмилия, только хочу услышать правду от вас: каким макарон Софи ваша дочь?

Женщина метнула на меня обжигающий взгляд и лицо ее стало суровым.

- Почему я должна оправдываться перед тобой? - спросила она. - Почему должна открывать завесу своей жизни?

- Я - ваш сын, Эмилия! - выдохнул я.

Она внимательно посмотрела на меня и в ее глазах мелькнуло полное недоверие.

- О... мой мальчик, - насмешливо улыбнулась она. - Многие, за мою жизнь, хотели обдурить меня. Для кого становилась сестрой, а для кого тетей, были и сыновья раза два. Ты третий! Почему человечество хочет примазаться к славе?

- Примазаться? - спросил я. - Нет! Потому что, Софи...

- Опять она!

- Да! Эмилия, я знаю, что Софи не ваша дочь, уже знаю...

- Так о чем тогда речь?!

- О том, что рожденный ею ребенок, мой сын, и если бы, Софи была вашей кровной, а не названной дочерью, то это было бы кровосмешаньем брата и сестры!

Эмилия выдохнула:

- Откуда ты это все взял?! Вот уж не думала, что о человеке можно собрать такое досье.

-Эмилия, это жизнь! Жизнь!
Я назвал ей год, месяц и день своего рождения, спросив:
-Вам, что-то говорит эта дата?
Эмилия опустила глаза, будто, вспоминая что-то.
-Нет, ничего не говорит! – ответила она, с явным вызовом.
-Ничего не говорит, дата рождения вашего ребенка?
Она промолчала, не изменившись в лице.
-Вам ничего не говорит день, когда из-за сильного, после
родового кровотечения, вы перенесли операцию и уже нико-
гда не могли иметь детей?
Кровь прилила к ее лицу.
-Ты многое знаешь обо мне, - сказала она тихим голосом.
– Но почему же, тогда, эти люди, не захотели, чтобы я знала
о твоём рождении?
-Бабушка посчитала, что вы слишком молоды и из вас вряд
ли получится хорошая мать.
-Они убили меня! Уничтожили! Ну почему твой отец был
так жесток со мной?!

-Вы приезжали в тот год, нашей с вами встречи, в Москву.
Зачем?
- Не знаю... Что-то подтолкнуло меня увидеть твоего отца
еще раз... Первая любовь, она, как заноза. Если бы знать, что
тогда рядом со мной был... - слезы хлынули из ее глаз, - мой
сын! Ты!

Я бросился перед ней на колени.
-Ты видишь, - переходя на «ты», сказал я, - что твои и отца
танцы, я впитал с вашей кровью! Так не танцуют архитек-
торы...

Эмилия обняла меня за голову, целуя:
-Мой мальчик! Мой сын! А я ведь, как старая пошатунья
по свету танцовщица, приняла тебя за человека, с которым

можно развлечься даме в возрасте! Прости меня! Прости!
Наверное, права была твоя бабушка, что не доверила тебя мне...
Ведь и Софи воспитывали мои родители, а я... всю себя от-
дала сцене! Сцене!

-Как же Софи появилась в твоей жизни?
-Просто. Девочка родилась у нашей костюмерши, в нашем
коллективе. Софи не было и года, когда ее мать спилась и
пропала. Потом мы узнали, что замерзла насмерть по пьяни.
Куда было девать девчонку? В детдом? Жалко. Оформила ее
на себя, жил дух материнства, но до конца не выжил... - она
вновь принялась меня целовать, повторяя: - Плохая я мать!
Плохая! – и неожиданно оживилась: - Значит, Мишель твой
сын?!

-Видишь, и я плохой отец, - грустно заметил я, - раз не
знаю даже имени сына!

-А ты хорош! Даже не искал Софи! – укоризненно заме-
тила она. – Ведь ты взял ее девственницей!

-Знаю. Терзался все это время. Искал по пражскому сим-
позиуму. Но не зная фамилии, страны, города ее обитания...
Это, что искать иголку в стоге сена, мама!

-Бог Сам указал нам путь...- сказала Эмилия. – Ведь ты
же искал меня и...нашел!

-Отец будет рад.
-Не говори мне о нем! Он испоганил всю мою жизнь!

-Прости его, мама! Главное, что мы встретились! И заметь,
- улыбнулся я, - ведь он так и не создал семью с другой жен-
щиной. Значит, в его сердце живешь ты!

-Перестань, - уже теплее отозвалась она. – А ты? Куда?
-Мне завтра уезжать в Москву. Читал здесь лекции. А ты?
-Гастроли...- устало заметила она, и полными глазами
слез, спросила:- Мы больше не потеряемся?

16. Проговорив с Эмилией всю ночь, утром я ехал в Университетский городок за вещами, будучи под сильнейшим впечатлением от встречи с матерью.

Она никак не хотела отпускать меня и молила:

-Ну, останься со мной, останься, еще на час, на минуту, прошу тебя, сынок!

«Сынок», острием пронизывая мои душу и сердце, и я сидел, прижавшись к ней, обнаруживая, исходящее от нее, особое тепло, и мне, действительно, никуда не хотелось идти, тем более, ехать.

Она задавала множество вопросов, я отвечал на них ничего не скрывая, она отвечала мне на мои вопросы, и рассказывала о своей жизни, полной неожиданных выражений, опасности и сумасшедшего ритма.

Рядом с ней, я уже не был самим собой. Время, как будто отбросила меня назад, в далекое прошлое, и я, словно ребенок, обняв ее, вбирал в себя ее аромат, и она не казалось мне чужой, и мы, как никогда, были причастны друг к другу.

Уже забрезжил рассвет, а она все умоляла остаться меня рядом с ней, испытывая сказочное счастье обретения сына, сияя блаженной улыбкой.

- Ну как же ты расскажешь обо мне Софи? Ведь она считает тебя своей матерью. Не нанесешь ли ты ей боль своим признанием?

-Она уже не ребенок, Вигдор. Она все поймет. Она сама мать, и, уверена, будет рада, что мы с тобой нашли друг друга! И потом, что она теряет?! –оживилась Эмилия. – Я же буду ей свекровью! Она обретет меня в новом амплуа, и ко всему же, Софи займет мужа, свекра...Она должна возрадоваться такому обретению...

Софи...Мне казалось, я позабыл ее лицо. И никак не мог

вспомнить ее глаза, плечи, колени, груди, волосы, губы, руки...Она была для меня незнакомкой, с которой мне предстояло познакомиться заново...

Всплыло лицо Марины...Вот кого мне нужно было поблагодарить за встречу с мамой.

Такси подъезжало к городку наравне с другой машиной, и когда я вышел, то почти нос к носу столкнулся с Фредом, вышедшим из подъехавшего авто.

- Вы?! – удивленно воскликнул он.

- А ты откуда в такую рань? - вырвалось у меня, хотя я вряд ли должен был задавать этот вопрос, по-сути, чужому, постороннему человеку.

Мы пошли по дорожке к зданию.

-Проводил маму в аэропорт.

-Марина улетела?

-Да...-ответил он. – Она была, какой-то подавленной после встречи с вами и решила улететь в Москву, хотя ей не воняло находиться здесь еще две недели.

-Странно...-заметил я.

-Она вообще очень странная женщина. Очень! И этот развод с отцом...Мне кажется был ни к чему. Папа крутится, как белка в колесе, сейчас самое время заработать. У нее-ревность! Ведь она жила имеея все!

-А любовь?-сказал я. – Это тоже фактор в семейной жизни.

-Да будет вам...-махнул рукой Фред.-Любовь выдумка поэтов!

-Наверное, тебя еще не коснулось это чувство...

-Знаете, деньги, достаток, благополучие, особое место в обществе, заменяет всякие там любви.

Вот оно рассуждение нового поколения XXI века. И повторил:

-Любовь-это выдумка! Нужно жить сегодняшним днем и не заострять внимание на нюансы.

-А я хотел поблагодарить маму...

-Звоните на ее мобильник. А так...как знать, что взбредет ей еще в голову. Как видно, поиски чего-то неизвестного никому, затаились.

Фред торопился успеть на занятия. Мы простились.

Я собрал свои вещи и по-быстрому попрощавшись с преподавателями, вновь сел в такси, ожидавшее меня у входа и поехал в аэропорт.

Мне очень хотелось вновь заехать в ресторанчик, чтобы еще раз увидеть мать, но вряд ли она там осталась после меня.

В моем сердце теперь уже жила другая действительность и я уже носил в самом себе, что-то необычайно живительное, восхитительно-отрадное, новое, ни с чем несравнимое чувство.

Я прикрыл глаза. И лицо Эмилии приблизилось ко мне близко-близко, преодолевая расстояние и время: усталое бледное лицо, лучезарные черные глаза...

Я никогда не думал, что смогу назвать Эмилию, далекую, чужую женщину, сразу же, мамой. Того хотела моя душа. И я до сих пор слышал ее плавный теплый голос:

-Я все понимаю, сынок, все понимаю, тебе нужно лететь... Но никак не могу отпустить тебя одного...Я как будто вновь отрываю тебя от себя. Теперь уже не мертвого младенца, а живого мужчину. Мне тяжело и лихорадочно, как после большой потери крови...Я жила слепо. Ты принес мне прозрение. Моя личность растворилась в праздничном хмелю, но сегодня, когда ты сказал, что мой сын, я освободилась от себя прежней.

Накал ее речи нарастал. Ее разгоряченное лицо пылало, она растворялась во мне, своем обретенном сыне, самозабвенно, по-новому ощущая свое значение матери, в этом мире.

- Господи! Господи!! Господи!!!-шептала она постоянно.- Благодарю Тебя! Благодарю, что Ты дал мне утешение к старости! Когда-то, - обратилась она ко мне, - одна очень верующая в Бога женщина, зная о моей судьбе, сказала, чтобы я выучила молитву свяennemученнику Киприану. Знаешь, кто он такой?

Конечно же я этого не знал.

-Киприан был волхвом, путешествуя, совершал перед народом чудеса. В Антиохии жила девушка Иустина, дочь языческого жреца, она приняла святое крещение, и когда в городе начался мор, ей достаточно было помолиться, чтобы мор прекратился. Тогда Киприан понял, что его знания ничто, перед познанием Бога и принял крещение.

Вместе с Иустиной они занимались распространением христианства, за что и подверглись пыткам и мучениям, и были казнены в 304 году.

Православные считают Киприана и Иустину покровителями семьи и я постоянно читала молитву и...обрела, что так желала!

И встав на колени, сложив ладони у сердца, Эмилия прочитала:

-О святой угодниче Божий, свяennemучиниче Киприане, скорый помощниче и молитвинниче о всех к тебе прибегающих.

Прими от нас, недостойных, хваление наше, и спроси нам у Господа Бога в немощех укрепление, в болезнях исцеление, в печалих утешение и всем вся полезная в жизни нашей.

Вознеси ко Господу благомощную твою молитву, да огра-

дит нас от падений греховных наших, да научит нас истинному покаянию, да избавит нас от пленения диавольского и всякого дествия духов нечистых и избавит от обидящих нас.

Буди нам крепкий поборник на все враги видимая и невидимая.

Во искушениях подаждь нам терпение и в час кончины нашей яви нам заступление от истязателей на воздушных митарствах наших.

Да водимыя тобою достигнем Горняго Иерусалима и сподобимся в Небеснем Царствии со всеми святыми славить и воспевать Пресвятое имя Отца и Сына и Святого Духа во веки веков. Аминь! Аминь!! Аминь!!!

Эмилия совершенно по-новому открылась мне в эти мгновения, что теснее сплетало меня с ней.

Затем, она окинула меня быстрым взглядом, и по-девичьи встав с коленей, сказала:

-Иди! Ты будешь в моем сердце теперь каждую минуту. – Иди! Знаю, что опаздываешь. Я и так тебя задержала...

Она перекрестила меня, и сняв со своей шеи крестик, одела цепочку на меня, сказав:

-Да, хранит тебя, дитя мое, Господь!

Поцеловала в лоб и почти вытолкала за дверь...

-Приехали, сэр! – услышал я голос шофера. – Видать, уснули...

-Уснул...-согласился я расплачиваясь.

Войдя в зал отправлений, взглядом отыскал стойку регистрации и не поверил своим глазам: улыбаясь, мне махала Эмилия!

-Мама!- сказал я, неодобрительно махая головой. – Ты все же решила меня проводить!

-Нет, сын! – ответила она с усмешкой. – Я лечу с тобой в Москву! Домой!

17. Когда мы ехали из аэропорта, Эмилия попросила:

-Сын, ты не открывай своими ключами дверь, а позвони, чтобы Ник сам отворил нам и увидел нас вместе.

-Ты полностью хочешь оглушить старика.

-Выдержит! Такой сюрприз!

Отец, действительно застыл на пороге в изумлении.

-Боже Правый! – вымолвил он, и тут же, придя в себя, выдал: - Вы забыли, что у меня большое сердце?! Насмешники! А если случится инфаркт?!

-Никушечка, милый... - Эмилия не скрывала радости от встречи, обнимая и целуя отца.

Тот, конечно же, тут же растаял от ласк любимой женщины и с улыбкой погрозил мне пальцем:

- Нашел-таки ты свою мать!

-А как же! – с наигранным вызовом парировал я. – Как говорят, кто ищет...

Не скрывая радости, отец порхал между Эмилией и мной и был помолодевшим лет на десять, постоянно повторяя:

-Боже! Какой счастливый день! Какой счастливый день сегодня!

Отец и Эмилия, как два влюбленных голубка, отправились на кухню готовить ужин, а я все набирал и набирал номер Марины и мне, в который раз, оператор говорила, что мобильник отключен.

Я понимал, что Марина сделала это специально, чтобы не слышать мой голос. А с другой стороны, что-то подсказывало мне, что я слишком самоуверен, так рассуждать. Откуда ей было знать, что я позвоню...Вряд ли, она надеялась на это, ведь даже в последнюю нашу встречу, она хорошо почувствовала мой холод к ней.

Мы уже ужинали, в первый раз, за всю мою жизнь, в узком

семейном кругу, когда у Эмилии зазвонил мобильник. Она отмахнулась, не желая отвечать на звонок. Сказала:

-Пустое!

-А если...- как бы между прочим заметил ей отец.

Эмилия со вздохом, нехотя, нажала на кнопку, и тут же, ее лицо озарилось:

-Софи! Софи, детка! – почти закричала она. – Нет! Я уже в Москве! Да, да, ты не ослышалась. В Москве! К черту гастроли! К черту! Я, наконец-то, обрела семью! Понимаешь, семью! Это дорогого стоит! Нет, Софи, нет... все было гораздо раньше, намного до тебя... Да, я никогда не говорила тебе об этом. У меня нашелся и муж, и сын, - Эмилия с улыбкой посмотрела в нашу с отцом сторону.

Отец, как можно тише, спросил меня:

-Эта, та самая, Софи?

Я, в знак согласия, кивнул головой...Эмилия же продолжала разговор:

-Софи, я расскажу тебе обо все при нашей встрече. Да, это очень долгий разговор, тем более, что он будет касаться моего сына и тебя...Не говори «нет» так категорично. Да, я уверена, что мой сюрприз, для тебя и Мишки, впереди.

Софи, что-то говорила ей, а Эмилия все твердила:

-Да...да...да...

А затем спросила:

-Почему ты мне позвонила? Что там у тебя? Да?! – удивленно заметила она. – Этот старый пидор, наконец-то попал в реанимацию?

-Это еще кто такой?-поинтересовался отец, вкрадчивым голосом спрашивая у меня.

-Муж Софи, - процедил я сквозь зубы, не желая, чтобы слышала Эмилия.

-Так он старый, и ко всему еще педераст? – не унимал свой

интерес отец. – Мир перевернулся окончательно, - заметил он чуть громче.

Эмилия же продолжала:

-Инсульт в его возрасте приговор Свыше. Уверена, развязка близка... О чем тебе беспокоится? Не понимаю твоего беспокойства... Ты и Мишка единственные наследники. Уверься: тебя ждет все самое прекрасное впереди! Да, ты обязательно звони... Звони! Целую вас.

Выключив мобильник, Эмилия вздохнула:

-Это надо же было, так испортить жизнь девочке!

Мы с отцом промолчали.

-Не спорю, Софи получила хорошее образование,-Эмилия будто разговаривала сама с собой,-имела свой дом, обслугу, личного шофера, даже сопровождающих ее-секьюрити, кажется это так называется? – она, почему-то посмотрела на меня. – Хорошая одежда, личный парикмахер, массажистка, стилист...Были, были положительные стороны этого брака, - как бы, оправдывала она жизнь Софи.

-К сожалению, мама,-сказал я ей, всего этого, я дать Софи не смогу, раз она привыкла к роскоши.

-Глупый! – ответила она мне тут же, как выстрелила. – Любовь – это совершенно другое!

-Ой-ёй-ёй!-почти взорвался я.-Только не нужно приводить пословицу, что с милым рай в шалаше! Сейчас только и смотрят на карман, есть деньги или нет. Да и Софи... она продала себя!

-Она чересчур воспитанная, в старых традициях, девочка, - тут же парировала Эмилия, как мне показалось, оскорбившись, - и предложение деда, было законом для нее. Ты, сын, путаешь нынешнюю молодежь и Софи.

Но тут вмешался отец:

-А чего же тогда она боится за наследство?

Эмилия махнула рукой:

-У этого пидрика были многочисленные связи с людьми, которых, да, да, - Эмилия пронзительно посмотрела на меня, - интересовал именно его кошелек. То были мальчики – проституты, продающие себе за деньги. И кто знает, кому в завещании, мог отвалиться очень немаленький кусок наследства. А наследовать есть что.

-Господи! - взмолился отец. – О, времена, о нравы! Кажется, Пушкин о таком...

-Полноте! – сказал я сухо. – Все это существовало испокон веков. Кстати, и среди вашего брата – танцоров, балетных, артистов...

-Да! Да, - поддержала меня Эмилия. – Это было всегда!

Она начала вспоминать имена мужчин, которых хорошо знал отец.

-Благо, что тебя не соблазнили, - усмехнулась она, глядя на отца.

Тот взорвался:

-Ну, нашли тему разговора! Тьфу!-сплюнул он в сердцах. – Гляди, в скором времени, женщинам не от кого будет рожать!

-Уже есть всякие методы оплодотворения без вашего вмешательства! – засмеялась Эмилия.

-Тогда, что же, твоя Софи не воспользовалась «методом»? А подцепила твоего сына? Вигдора?

-Ей хотелось видеть мужчину от которого она собиралась родить! – с достоинством ответила она. - Софи выбирала! Выбор пал на Вигдора. Я ее выбор одобряю целиком и полностью!

-Еще бы! – заметил ей отец.

-Там...оплодотворение из пробирки, кто знает, так ли уж красив и положителен спермодатель.

-И долго Софи выбирала, практикуясь?

Тут не выдержал я:

-Отец! Софи была девственницей!

Но отец не сдавался:

-Правильно! Что может ей дать Вигдор? Что?! Если Софи не получит никакого наследства? Трехкомнатная квартира в «сталинке», правда, в центре города...Мебелишка...

-Прекрати!-остановила его Эмилия. – Ну не нужно все мерить меркантильностью. Когда я полюбила тебя, - сказала она отцу,-мне было совершенно безразлично, что есть у тебя или нет...

-Другое время, Эмилия! Мы жили чувствами! Любовью!

-То-то, - заметила она ему. – Так поступить со мной! Скрыть от меня сына!

-Смею тебе заметить, - глухо ответил ей отец, - что я и сам не знал об этом с самого начала. Скрывали и от меня Вигдора... до пяти лет. За эти годы твой след простыл и...

-Не понимаю, - вздохнула Эмилия, - к чему был этот театр? Эта тайна рождения нашего мальчика? Какая непростительная глупость!

-Может быть, покойная матушка посчитала долгом, воспитать Вигдора, не доверяя его нам с тобой?..

Эмилия хмыкнула:

-Но это не дает никакого права делать людей несчастными!

-Это-жизнь! Жизнь!– философски заметил отец. – И, наверное, нужно большое мужество, чтобы переносить страдания, - отец помолчал и радостно произнес: - Но, главное, дорогие моему сердцу люди, главное, мы встретились! Как же ты нашел нашу мать, сын?

-Через Марину...Вернее, благодаря ей.

-Это интересно,-встренулся отец.-Где? Когда? Каким образом?

-Марина? – с интересом спросила Эмилия. – Кто она? Что за женщина?

-Моя клиентка. По моему проекту строилась ее вилла в Болгарии, - с безразличием ответил я, начиная объяснять, как она подсказала мне, где искать Эмилию.

-Обязательно найди ее и поблагодари, - сказал отец. – Ведь если бы ни она...

-Да! Да, конечно, - подхватила Эмилия. – Нужно быть, всем нам, благодарными этой женщине. А то... кто знает, когда бы мы встретились. Мы не должны забывать об этом!

-К сожалению, - сказал я, - никак не могу ее найти. Сотовый отключен, а адрес ее я не знаю.

-Печально, - заметил отец. – Видишь, эта женщина, в твоей жизни, появилась не случайно.

-Все в этой жизни не случайно, - сказала Эмилия. – Все имеет, какой-то подтекст Свыше. Ну и...- обратилась она к отцу, - что будем делать с нашим воссоединением?

Я чуть не рассмеялся, видя растерянное лицо отца. Он явно не понял намека.

-Так! – с твердой уверенностью сказала Эмилия. – Завтра же, в ЗАГС! Хочу, наконец, стать замужней женой.

18. Через несколько дней, я отправился вновь в дорогу, теперь уже в Испанию на научно-практическую конференцию. И стоя за багажом в аэропорту, вспоминал о домашних и улыбался.

Эмилия, потащила-таки отца в ЗАГС сразу же, на следующее утро. У них приняли заявление и придя домой, она ис-

кренне возмущалась:

-Нет, чтобы сразу расписать двух серьезных людей, закон обязывает ждать три месяца! Я объясняла им, что у нас уже взрослый сын, что есть внук, но не пробить! Никак! Какая несправедливость! – сетовала она. – А может быть и к лучшему, - неожиданно согласилась Эмилия, - как раз оформим для Софи визу и она тоже будет присутствовать на нашем бракосочетании с Мишкой! И пусть этим людям станет стыдно, что так поступили с нами!

Софи...Мишка...Я уже представил картину записи родителей в ЗАГСе, когда на транспортной ленте увидел свой чемодан. Люблю ездить налегке, но это плохо получается: рубашки, галстуки, брюки, пиджаки... Всегда быть в форме, скорее девиз, и...необходимость.

Я уже шел к выходу, когда впереди меня выпорхнула фигурка женщины, показавшаяся мне знакомой. Пытаясь протиснуться через толпу, не совсем культурным образом, я крикнул:

-Софи! – что-то подсказало мне, что это она.

Но женщина растворилась в толпе и когда я выскочил на улицу, из здания, ее уже нигде не было. Но сердце билось в учащенном ритме, как бы настраивая меня на встречу. Ведь среди приглашенных дизайнеров-архитекторов могла быть и Софи, как в нашу первую с ней встречу, в Праге.

Я устроился в гостинице и тут же, в холле, увидел резюме лиц, на доске объявлений, которые должны были выступить со своими докладами. К сожалению, я не знал фамилии Софи, но по ее имени, указанном в списке, понял, что это должна быть именно она.

Я возликовал: Софи здесь! Значит я не ошибся! Значит, мне мое сердце подсказало, указав на мелькнувший силуэт

женщины в аэропорту.

Подойдя к стойке, я спросил у дежурной, в каком номере остановилась Софи. Просмотрев в списке, она ответила, разочаровав меня:

-Пока еще не прибыла.

Я взглянул на часы. Через четыре часа должно было начаться заседание. Неужели у Софи изменились планы? Но ведь она заявлена с докладом среди выступающих!

Отыскав ответственную за проведение конференции, я попытался выяснить у нее, как мне отыскать Софи. На что та спокойно ответила:

-Она вряд ли будет. У нее умер муж. Ее доклад вряд ли будет зачитан.

Значит, мое сердце меня подвело: Софи не будет...

-Привет! – неожиданно услышал я взади себя.

То была Елена.

-Удивительно, - заметила она, - но жизнь сталкивает нас...

-Это о чем-то говорит? – спросил я ее без энтузиазма. – Ты сама говоришь: жизнь.

-Но кажется и мир стал более тесным что ли... - и сразу же перевела разговор. – Ну как Марина?

Я усмехнулся:

-А при чем здесь Марина?

-Как?! – Елена окружила глаза. – Разве вы не вместе?! – и видя мой безразличный вид, добавила. – А мне казалось...

-Когда кажется, нужно креститься.

-Ну да...Ну да...

Разговор явно не клеился. Да что меня могло связывать с этой женщиной, которая была, когда-то со мной.

-Марина звонила мне как-то, - вновь затараторила она, - и все разговоры сводились к тебе, и мне показалось...- она

усмехнулась,-что она неровно дышит к тебе и не скрывает этого! Представь, она сумасшедшая: продала виллу, так что, твой проект уплыл новому владельцу. И вообще, дурковатая она...

Я слушал ее без явного интереса, хотя меня подмывало изнутри знать, где она, Марина, что с ней? Ведь это по ее подсказке я нашел Эмилию, свою биологическую мать, но сколько бы не звонил на ее номер, ее сотовый молчал, а как-то раз, мужской голос сказал мне, что никакой Марины по этому номеру нет, что он недавно получил его в сети и, вероятнее всего, бывшая владелица номера отказалась от него...

-Ну ладно...-сказала Елена. – Я побежала... нужно проследить очередность выступающих. Похвалюсь: от моей фирмы выступают два докладчика. Идеи, пальчики оближешь! Слушай, а может быть ты будешь работать у меня? – неожиданно предложила она мне. – Ты у нас очень перспективный архитектор- дизайнер, а?

-Спасибо,-ответил я ей, более чем сухо. – Мне и в моей фирме не плохо...

-Слушай,- вновь заверещала она,-говорят, у какой-то выступающей умер муж, и она не будет делать доклад...

- Ну и...- не понял я. – А я-то при чем?

-Ах, да!- огласилась Елена. – Ведь ты не будешь выступать... Я побежала... прощай- прощай!

Она уже поспешно отошла от меня, затем вновь вернулась:

-А что это за история с твоей матерью? – с интересом спросила она. – О чем-то говорила Марина, но я ничего не поняла. С ее слов, какая-то танцовщица...

-Долгая история, - отмахнулся я.

-Когда мы вместе жили, я всегда подозревала, что в вашей

семье присутствует тайна. Что-то всегда было не совсем мне понятно...

-Мне тоже.

-Так разгадка уже известна? Ты нашел истинную мать?

-Кажется, ты торопилась...

Елена взглянула на часы.

-Ты всегда был скрытным... И вообще, если так посудить, - как бы размышляла она, - какое мне дело, что у вас там в семье... - она махнула рукой и убежала...

И, о, чудо! Как только началась конференция, первым докладчиком объявили Софи! Боже мой, как она изменилась за это время. Роды сделали ее еще красивее и сексуальнее.

Когда она вышла к трибуне, по залу пробежал восхищенный шепоток.

Я ничего не слышал, что она говорила, мои уши оглохли. Меня полностью свели с ума ее гладко зачесанные волосы цвета вороньего крыла, с таким же синеватым отливом. Ее лицо, цвета молодого, еще только набиравшего гамму зрелого плода. А глаза! Спокойные, застывшие двумя спелыми черными черешнями, кои зовут «бычий глаз». Щеки... Губы...

Я слился с Софи в одно целое, как тогда, в Праге, и кажется уже ясно ощущал ее дыхание на своей щеке, ее руки...

Звонок на перерыв прозвучал так громко, что я одним из первых сорвался с места, чтобы суметь перехватить Софи в фойе.

Но где там! Толпа хлынула, как необузданное стихией стадо, и я вновь растерянно встал посредине зала, крутя головой, словно какая-то птица.

Неожиданно я увидел Софи, гордо идущую в окружении, видимо, телохранителей, так изящно и одинаково они были

одеты, чем и выделялись из толпы. Я кинулся к ней, постоянно извиняясь, так как работал локтями, чтобы успеть догнать ее, почти уже стоящую у входной двери.

-Софи! Софи!! – крикнул я.

Но она даже не оглянулась.

-Софи! – Я стоял за спинами ее мощных охранников.

Один из них обернулся и цикнул сквозь зубы, мол, проваливай отсюда.

-Софи! Ну как же? – выкрикнул я. – Прага, ты же должна помнить Прагу, - напомнил ей о себе я.

Она манерно оглянулась, как-то в полуоборот и увидев меня, на ее лице не дрогнул ни один мускул. Она, что-то сказала дружной четверке и моментально, те прикрыв ее с четырех сторон, выскочили на улицу.

-Боже мой! Какие знакомства...-голос Елены был насмешлив и ироничен. – Бросились в бега за миллиардершами? А что, собственно было, в ее проекте? Эрунда!

Я мимолетным взглядом посмотрел на свою бывшую и ничего не сказав, выскочил на улицу.

Конечно же, о какой Софи мог быть разговор. Она исчезла. Испарилась... Вновь перед глазами стояло ее безразличное лицо. Какими разными могут быть женщины!

Встреча с Софи полностью выбила меня из колеи, и я не решился вновь войти в конференц зал, а взяв свои вещи из номера гостиницы, вылетел домой, в Москву.

19. – Я, видел Софи, понимаешь, видел! Как вижу сейчас тебя! – говорил я Эмили. – Она посмотрела с презрением и вообще, о чем речь: миллиардерша!

-Не опережай событий, сынок! – Эмилия подливала мне свежесваренного борща. – Что же ты думал, увидев тебя, она

бросится на шею при скоплении народа?

-Ну можно же было как-то...

-Знаешь, есть нормы поведения. Этика. Откуда ты знаешь, что творилось внутри у бедной женщины?! О чем она думала сидя в машине? Ведь ты отец ее ребенка, а это уже многое значит.

-Не сказал бы!

-Не сердись! Софи своим поведением задела твое, самолюбие?

-Ранила! Задела...

-Тем более, это намного больше. Гордость, твоя гордость, не хочет быть в долгу! Успокойся! Умение себя держать – мудрость, житейская ценность! Кстати, Вигдор, Софи звонила мне, и уж если порадовать тебя, то она сказала, что...

-Что?! – я чуть не поперхнулся – Что? Что?!

-Что... - Эмилия улыбнулась, - ей жаль быть миллиардершей, а не просто женщиной без регалий.

-Так, все же, миллионы или –арды, ей достались? А ты говорила о ее муже, его любовниках...

-Не знаю. Должно пройти полгода. Собственно, Софи имеет не плохую контору.

-Контору? Ты называешь ее офис, в десятки этажей,-конторой?!

-Я не разбираюсь в этом. Главное, что не будь у нее много денег, она и сама заработает их.

-А Мишка? Ему-то положено!

Эмилия подошла ко мне и открыла мобильник: на меня смотрел большеглазый мальчуган.

-Это...он?—я уже хотел выхватить мобильник из ее рук, но она отстранилась.

-Сначала руки помой! Да, это Мишка! Наш Мишка. А главное – твой сын, твое дитя!

Я любовался фотографией издали, сопоставляя, что на Софи он похож больше: такие же глазища, рот, лоб, волосы...

-Господи! Да неужели мы повторим судьбу друг друга?! Ты нашла меня почти под сорок, Софи, что-то там на уме держит себе...

-Все устаканится, - успокоила Эмилия. – Дай срок. Он непременно нужен в ее ситуации.

-Ах, да! Наследство! Действительно, почему она вляпалась в эту авантюру! Была бы женщина и женщина без капитала!

-Сейчас все желают быть богатыми, - зевая, вошел в кухню отец.—Только и пишут, где бы, что обвалилось...

-Отец! Ты уж извини, что разбудили...

-Хватит ему спать! А ночь для чего? Вроде мемуаров не пишет...-вставила беззлобно Эмилия.—Ну, еще налью? Борщец вышел на славу.

-Да уж... Мастерница. Ты бы лучше рассказала сыну, что мы с тобой собираемся открыть частную школу танцев.

-Да...- удивился я. – Разумно!

-Знаешь,-как бы заметил отец. – Эта плясунья, так заморочила мне голову, что за несколько дней, что тебя не было, подняла все и всех вверх дном. Отыскала старых приятелей и под видом нашей свадьбы, разузнала, что и как можно сделать себе во благо.

-Я без танцев не смогу!—решительно заявила Эмилия.—Школа, - это не просто работа, но и допинг для меня самой. Эх...- развела она руки в разные стороны и пошла, в домашних тапочках, танцевать около стола безо всякого аккомпаниента. – Душа горит! Музыка во мне звучит несмолкая!

Я удивился ее легкости, подвижности, живучести. Да! Искусство это силища.

-А Софи на свадьбе будет? – спросил я ее, прерывая танец.
-Если хочешь, то будет.

-Не понял...От меня, что ли, зависит ее хотение?!

-Будет,-сказал отец.-Вчера, почти весь вечер с ней об этом говорили.

-Ага!–потерял я руки.–Так–так! И в какой же комнате мы ее поместим,-и сразу добавил:-Я могу смотаться на дачу, яко не смущать миллиардершу.

-Увы! – сказала Эмилия. – Нашей принцессе забронирован номер в лучшем отеле столицы.

-Принцессе,-хмыкнул отец.-Уж по ее-то деньжатам, могла бы сойти и за королеву, только не знаю, какого королевства.

-Стоп! Стоп!! Стоп!!! Мои дорогие мужчины! Я вижу, как слышу, что вы все против Софи? Как-то она вас раздражает и...

-Знаешь, мама, - сказал я перебивая ее. – Я всегда думал, что и быть ничего прекраснее не может, чем наша «сталинка» в центре Москвы. Что вся эта мебель, наверное хлам по нынешним меркам, но мне все очень дорого в этом доме. Да, я разрабатываю планы жилья для очень богатых людей, с разными наворотами, японскими садами, прозрачными потолками... Во мне бушует фантазия! Пусть человек с огромными деньгами имеет все то, что он хочет, но... лично для меня, мой диван, кресло, письменный стол от века пожалуй, девятнадцатого – мое, я все впитал в себя с этой атрибутикой... Софи же... Мне нет до нее дела! Высокомерна, самонадеянна... хотя может быть и обычной шлюшкой!

-Вигдор!–вскричала Эмилия.-Ты в курсе всей истории! Почему ты к ней так?!

-У меня тоже, извините, маман, есть гордость: щи не лаптями хлебали. И образование есть и мир повидал...

-Вигдор! – укоризненно заметила Эмилия. – Ты ее совсем не знаешь! Это чудная девочка...

-Все! Все!! Все!!! – вставая из-за стола сказал я, желая прекратить разговор. – Спасибо, маман за борщ. Вот, это чудо! И позвольте мне удалиться к себе в комнату. Устал!

Я был уже у двери своей комнаты, когда услышал голос отца:- Вигдор! Задержишься на минутку. Вчера тебе пришлось заказное письмо.

Я вскинул брови.

-Возьми конверт в прихожей, в шкафчике.

-От кого? – безразлично спросил я.

-Кажется от Марины.

-Кажется, или?

-Да, да, от нее самой.

20. Зайдя в комнату, служившую мне и рабочим кабинетом, я устало растянулся в кресле, вертя в руках конверт.

Было непонятно, почему эта женщина, которую я откровенно игнорировал, не могла оставить меня в покое? Однако, письма сейчас, почему-то притягивали своей необычностью, в отличие от всех этих эсэмэсок, эмэйлов больше, казалось время уводило куда-то назад, в прошлое и этот обычного стандарта конверт, начинал будоражить изнутри любопытством слов, чего-то необычно сказанного... Новое в жизни быстро обосновалось, благодаря Интернету и его детищам, а старое...оно тоже притягивало, возможно, то была вершина мудрости прошлого?..

Я с осторожностью отрезал по краю конверта ножницами и вынул исписанные листочки.

Хмельной хоровод слов обольстительно смотрел на меня,

обласкивая, каким-то упоительным, энтузиазмом. Она полагала, что заполучила меня, взывая к моим чувствам, по новому обволакивая сладкой сетью вожделенья...

И все же, как мне казалось, она хотела меня покорить...

«Здравствуйте Вигдор!

Если вы недовольны моим письмом, что более всего вероятно, не читайте его, порвите и...

Если же начнете читать его, то вряд ли это будет ощущение праздника, потому, что и глаза не загорятся, скорее, я могу рассчитывать на вашу полунадменно-зависимую улыбку, самозабвенно растворенную в насмешке. Я даже слышу ваше: «Опять! Да сколько можно?!» - негодование.

Все правильно. Проникнуть в тайну гибели личности в массе, вряд ли кто-то хочет и кому-то это интересно. Мир стал жесток! Где-то, закупоренным и...глупым.

Ощущали ли вы в себе: никчемность собственного «я»? Безвоздушный путь и болезненность души? Нет, конечно! Бог, видно, миловал вас, потому что, наблюдая за вами, я ощущала бесконечные потоки соблазнов, из которых вы были слеплены, и которые, по вашему велению, были подчинены вам. Ваш насмешливый взгляд красавца, был удивительно изящным и, казалось, само волшебство выходило на обозрение, придавая всему вашему облику очарование, способность превращать на пути легко и умно, обволакивая чувствами, любую.

Да, кажется я чересчур детально описала вашу роль в игре жизни, отбросив ваши высокомерие, где-то даже, холодность. Ведь любили не вы, а вас! И, наверно этим, вы и разожгли меня, раззадорив в снах лихорадочных ночей. Когда я, как голодная волчица объята любовной тоской, желала слиться с вами в одно целое и стать единственной в ваших

объятых. Я желала, чтобы вы принадлежали мне. Чтобы все было моим: взгляды, поцелуи, улыбки, объятия... Но...ваша сдержанность и отчужденность шли не к моей, увы, особе, не ощущая исходящий от меня свет и желание быть только вашей.

Мое тело, всякий раз, при нашей встрече, трепетало до самых колен, а вам казалось, что это мои высокие каблуки отбрасывают меня с места. Вы были холодны и слепы, а я, в молящем восторге желала идти навстречу вашим желаниям.

«Нет!» - сказала мне Боряна. Помните эту женщину – болгарку, всем гадающую и дающую наставления? «Нет и нет! Это ни твой мужчина по крови. Вам никогда не быть вместе! Никогда! И не пытайся даже в тайне своих снов быть с ним рядом!»

Я не поняла ее слов. Плохо знала болгарский, но ее слова: «ни твой мужчина по крови» - озадачили. И по ночам, я так же с жадностью, шептала ваше имя, считая, что хотя бы во сне, вы будете со мной, и я почувствую сладость ваших губ, силу объятий, буйство взглядов и жадность любовных ласк...

Боряна была права: вы сторонились меня. И испробовав все игры и возможности женского обольщения, поняла, что ваш холод и есть та, единственная действительность и войти в другую, более соответствующую, мне действительность, не дано!

Даже сейчас, уже зная, что значили слова Боряны: не твой мужчина по крови, я все равно продолжаю любить вас, в своем особом фиктивном мире, зачастую замороженная кокаином. Я не принимаю всерьез собственную персону, только, что-то глубоко внутри ведет к новому чувству (чувственности ли?) к вам, примешивая веселость, смешливость,

ощущение чего-то наивысшего, возбуждающего, ступив безо всякого страха в ваш мир бытия...

Вы с брезгливостью подумали сейчас: она еще и наркоманка! Ужас! Но, от безвыходности к реальному бытию, почти 95% всего человечества земного шара, доставляют себе удовольствие, желая сделать приятное душе, личности, став на какое-то время бессмертным, выбирая себе какие-нибудь личностные картины, и личности становится прекрасно, в маленьком настоящем мирке. А потом действительность пропадает и все иллюзии прекрасно-очаровательные, куда-то исчезают, убегая в глубину глупого и никчемного сегодня... И приходит разочарование, смятение и такой туман в голове, разрывающий все тело на части, перемешивая все восторженные чувства с дерьмом, что с каждой минутой все на свете гаснет и ты вдруг становишься не замороженной вовсе, а выжженной дотла, что не хватает воздуха и какое уж здесь может быть понятие о долге, о цивилизованном мире, любви...

Презрение к себе? Смертельный страх. Необходимость смириться с отчаяньем? Или... все по новой? Доза! Выход один...

Кокаин-это дорогое удовольствие, но у меня всегда были богатые мужчины. Мужчины, которые баловались всем запретным на свете. Ты правильно сделал, что внес, по отношению меня, себе, полную ясность. Я чувствовала, что вызывала в тебе отвращение и боль. Ты ловко уходил от любого мгновения, когда чувствовал, что я в тебе зажигаю священный огонь моей жизни. Да, да, и кровь, роднящая нас с тобой, кровь!

Приехав к маме, в глухомань, где она всю жизнь учителствует, после немало выпитого самогонщика, зашла речь о родственниках, ведь я никого не знала. И мама рассказала

мне о бабушке Вигдории, что до сих пор жива, обитая в ските, далеко-далеко в Сибирской тайге, отрекшись ото всех, живя, как личность, в полном одиночестве. Клубок семейных тайн разматывался и оказалось, что твоя мать Вигдор, сестра моей матери, все сложно объяснить, но никто никого не видел после того, как они разъехались из отчего дома.

Вигдор, Вигдор...-ведь назван ты, в честь бабушки своей Вигдории Анисимовны Шлынской, очень помогавшей белогвардейцам и ненавидящую советскую власть.

Я разузнала ее адрес, как к ней добраться и если у тебя есть дух авантюризма, то ты мог бы найти ее. О себе промолчу. У меня другие планы, о которых писать не собираюсь».

-Отец, - заорал я из своей комнаты.

-А...-отозвался тот из гостиной.

-У нас была бабушка Вигдория Анисимовна Шлынская?

Отец стоял в дверях, как мне показалось, чуточку растерянный:

-Откуда у тебя взялось это имя?

-Значит была!-констатировал я.

- Это мать твоей названной матери...то есть, моей матери. Графиня Вигдория Шлынская. Как ты узнал о ней?

-От Марины. Оказывается, она тоже ее внучка.

-Любови Алексеевны дочь? – растерялся отец.-То-то меня все тянуло к ней, как к родной. И что?

-Вроде жива графиня, но живет в скиту, где-то на краю света.

-Богата была...- цокнул языком отец, - но в башке тараканов много было. О дочерях своих забыла напрочь, все по эскадронам шлялась да по дивизиям белых генералов.

-Графиня говоришь? – спросила появившаяся Эмилия. –

титул передают по наследству!

-Прошное в прошлом, - ответил отец безэмоционально.

-А если... Так Мишка, имея такие деньги, будет еще и графом ко всему же!

-Хватит, хватит считать чужие деньги! – взорвался отец, неодобрительно смотря на Эмилию. – Тебя явно испортил Запад, - сказал он ей, повторив: - Запад!

-Ну, кажется и в России сейчас полно миллиардеров! Пластинка повернулась и...

-Хватит этих разговоров! – рассердился отец. – И ты, - сурово посмотрел он в мою сторону, - хватит этих баек...

Он, почти вытолкнул Эмилию из комнаты, и выйдя сам, прикрыл дверь.

21. Я продолжил читать письмо: «И не думай, что я наркоманка. Была. Конечно, ты не мог быть влюблен в сомнительную личность, ведь я порочна во всем! Греховница! Красивая, очаровательная греховница! Вина жизни, смириться с необходимостью быть греховницей. Я смирилась со своей виной, в осуждении (собственном осуждении!) жить именно так, а не иначе!

Встретив тебя, я поняла, что только будучи с тобой, я смогу погасить долг своего времени, осчастливленная божественным наделом моей любви. Ты стал пространством уничтожающим мрак, великим совершенством целостности человека, со времени возникновения Мира!

Именно с тобой, я многому могла бы научиться, многое испытать и по-особому ярко прожить свою любовную (истинно любовную!) жизнь. Но врата любви моей жизни – неслыханная роскошь, поэтому они и не открылись предо

мною. Перед бесстыдницей изгаженной в потоке плотской любви, погруженную в сумерки адской преисподней. Нет! Мне уже не светит яркое солнце рая. Изменить ход моей жизни нереально!

Зато я вычислила смысловое значение твоего имени Вигдор. Величие и гуманность – дар одаренности реальностью. Может быть имелось, что-то иное...Может есть вариации твоего имени? Все может быть.

А я... Неполноценный индивидуум, театрально – манерная, приукрашенная, и не в состоянии померяться силами с хаосом своей жизни. Сошествие в ад – вот, что я чувствую в любое время суток.

Кажется, я тебе и так много и о многих написала. Не ищи меня. Перемен никаких уже не будет. Не играй в благородство, даже из родственных чувств. Жизнь – сплошной маскарад, и не дай тебе Бог, найти свою фальшивую маску. Беги подальше от маскарадных действий, фальшивых и наигранных, желающих быть сверхчеловечеством в мире.

Прощай Марина».

-Отец! – вновь крикнул я, убирая письмо в ящик.

Но тот не слышал.

Я вышел зал.

-Отец, а где живет Маринина мать? Ведь они переписывались с бабушкой. Или...

-Редко...- ответил отец без энтузиазма, подозрительно смотря на меня. – Задумал что?

-Задумал! – не стал скрывать я. – Мне нужно поехать к ее матери и все подробно разузнать о Вигдории...

-Графского титула захотелось, или запахло наследством? – усмехаясь спросил отец.

-Что ты, Ник вставляешь палки в колеса? – поддержала меня Эмилия. – Я очень скоро на подъем. Поедем вместе!

-Ну-ну-ну...-недовольно замотал головой отец. – Вот еще одна, искательница приключений. Хватит!

-Интересно!–парировала та в ответ.–Тебя вот только как оставить, с Мотей что-ли?

-Ну, всем место нашла. Через три дня у нас с тобой свадьба... Не забыла, танцовщица моя?!

- Молодожены должны быть дома! – сказал я твердо. – Сам доберусь. В свои годы, где я только не был?!

- Но был в цивилизованном мире, а там – глухомань, сплошное пьянство, наркота...Ах, Россия! Ах, глубинка! Ее почти уже не осталось... Жаль...Очень жаль... А адрес, где я найду тебе, адрес матери Марины? – отец было задумался, но его перебила Эмилия.

-Весь архив в твоей библиотеке: третья полка, второй ряд, ящик 39.

-Святы мои! - воскликнул отец с удивлением. – Эмилия! Вы пролазили все ящики?!

-Ничего подобного, - ответила она спокойно. – Ты сам мне все показывал и объяснял на досуге, а я еще тебе посоветовала, все это барахло выкинуть на свалку. Ну зачем должны быть в доме чьи-то старые письма, мысли, жизнь?! Все ушло с их уходом и...

-А вот и понадобился адресок. А ты заладила свое: на свалку! Ну-ка, иди покажи мне, где лежат письма сестры моей матери.

-Ах, да, я забыла сказать, - обернулась ко мне Эмилия, уже почти на пороге. – Софи звонила. Будет к нашему бракосочетанию непременно. Но на несколько часов...дела, - как бы извинилась она за нее. – Увидитесь!

-Если в ее окружении не будет секьюрити, этих бугаев, африканского происхождения. Они на шаг к ней не подпустят!

-Пустяки! Я что-нибудь придумаю, - подмигнула она мне, скрываясь за дверью.

-А вот и адрес,-вскоре взволнованно донеслось из библиотеки.

Отец протянул мне пожелтевший конверт с лозунгом в правом углу: Слава КПСС.

-Слава, слава,-сказал я, читая адрес, с трудом разбирая выцветшие чернила.

- Я отправлю сегодня же туда телеграмму. Коль дойдет, сразу же поеду, после вашего бракосочетания.

- Да, да, ехать наобум неразумно, - подтвердил отец. – Если, конечно, там еще существует телеграф и вообще, эта деревенька. Я же знаю тебя, - погрозил он мне пальцем. – Уж если что втемяшится в твою голову, то не изгнать ничем!

На почте мою телеграмму приняли, я ее послал с уведомлением о получении, и девушка улыбнулась:

-Уж не лучше ли Интернетом?

-Лучше.–Согласился я.–Но это очень старые связи, и мне неизвестно, существует ли вообще в мире, эта деревенька.

-Существует! – уверила меня девушка, листая толстенный справочник. – Зачем же бы я с вас деньги брала? Станный вы человек!

-Вот такой уж, обыватель.

Она выписала мне квитанцию, как в прежние времена и сказала:

-Через часа три получат.

Чему я был несказанно рад.

А к ночи пришел ответ: телеграмма Зинаидой Ивановой получена. Вручена лично мной. Панина.

-Ура! Пока игра идет в нашу пользу! – ребячливо радовался я. – Еду! И завтра же иду брать билет!

-Самолеты туда вряд ли летают, - напомнил отец.

-Ничего, маршрут выберем, где самолетом, где вертолетом, где поездом, а где на своих двоих...

-Ну-ну...- вздохнул отец.—Молодость есть молодость. И напомнил: - Ты хоть гостинцев купи. Ведь никак к родной тетке едешь, из самой столицы!

22. ЗАГС был полон людьми преклонного возраста и больше походил на встречу бывших ВУЗовских коллег, чем на бракосочетание молодых людей.

Отовсюду неслись восторженные голоса, воспоминания:

-А помнишь в «Артеке»?

-В «Орленке» это было.

-А как мы танцевали в клубе железнодорожников...

-А помнишь?...

-Помнишь...

-Помнишь...

Вигдор осматривал зал. Конечно же, ее Величества Софи не было и в помине.

Но вот зазвучал свадебный марш Мендельсона и появились отец с Эмилией, элегантно одетые, как и подобает людям их возраста. Раздались аплодисменты. И неожиданно, через весь зал к паре прошествовала Софи, одетая в скромное, но, наверное, стоящее денег, платье, с огромным букетом белых лилий, от коих зал тут же наполнился тонким ароматом цветов.

-Поздравляю!—громко сказала она, хорошо поставленным голосом.— Счастья вам, любви и благополучия! А главное: здоровья и долгих лет жизни!

Ее тут же перехватили секьюрити, все та же, «великолеп-

ная» четверка. Я, на правах сына подошел к «молодоженам», но Софи тут же оттеснили ее охранники и, как мне показалось, она даже не взглянула на меня.

Единственное, что я услышал, были слова сказанные Эмилией:

-...очень срочно должна улететь... Второе слушанье. Очень важное. Извини...

-Вот ваша Софи, - с укором сказал я Эмилией, уже на банкете.

-Все уладится, вот увидишь, - ответила та. — Второе слушанье в суде-это не шутки. Она должна выиграть дело с наследством.

-Очень может быть...- ответил я, натянуто улыбаясь.

Я торопился на самолет, и уже почти у выхода из зала ресторана, официант передал мне маленький конвертик.

«Извини, Вигдор, что так получилось. Я видела тебя. Ты меня. Но лично я должна выиграть время и ни с кем не видаться до окончания суда, т.е. блюсти себя, а то мне могут приписать аморальное поведение. Еще несколько месяцев. Мы обязательно увидимся! Мы вдвоем и Мишелька».

Слова Софи были пустым звуком для меня. Что она хотела сказать своей запиской? Что видела меня, что помнит...

Нет! Нет! Скорей в аэропорт. Мне хотелось побыть одному со множеством своих мыслей, и не скрывая разочарования, порвав листочек благоухающей бумажки, я сел в первое же такси.

Аэропорт, как обычно был полон и я с трудом протиснулся сквозь толпу к своей стойке регистрации. Разочарованный, и отчего-то грустный, я без интереса скользил по лицам, проплывающим недалеко от меня по эскалатору на верхний этаж таможни.

Неожиданно наши глаза встретились с Софи, поднимаю-

шуюся по эскалатору вверх со своей компанией африканцев. В ее глазах, безо всяких слов, я прочитал бесконечную вину жизни – таков был ее жребий.

Она развернулась всем корпусом, и все смотрела и смотрела на меня, не желая оторвать своего взгляда. Сладостно–горькое состояние души толкнуло меня на опрометчивый шаг, я послал ей воздушный поцелуй и крикнул во весь голос:

- Софи!

Ее лицо, как мне показалось, загорелось счастьем, и тут эскалатор сделав вираж, растворил Софи...

По дороге я думал только о ней: красота застывшая в пространстве, как на картинах знаменитых художников. Ну как, как это может быть, когда такое чудо прорывается в мировое пространство?! Внеземной облик лица, фигуры, настоящее царство истинного, дыхание поэтов, стихи которых входят музыкой в обычный мир, не только для современников, но и потомков. Наверное, это чувство, преисполненное всего самого настоящего и есть то, что называют вечностью, закоренелые грешники, подобные Марине.

Нет, это были две разные женщины, каждая из которых, могла быть только моей! Нежный, томный взгляд Софи, когда спирает дыхание и нечем дышать. И горящие глаза Марины, без всяких таинств, без слов, предлагающих любовную оргию.

Боже мой! Какое сравнение рук, бедер, плечей Софи и всего этого, несущего настоящую игру у Марины. Она не робка, а колдовски темпераментна и ее искусство околдовывать, быть плотским исступлением для многих, обидело ее моим отказом... Наверное, впервые за ее баламутную жизнь.

В этих женщинах было, что-то противоположное, два прекрасных, по своему, цветка, так глубоко вплетенных в мою

судьбу: каждая благоухающая любовью и неземная...

...Я ехал в поселок, где жила мать Марины десять суток: с самолета, на поезде, затем по Ангаре на пароходе, затем был вездеход и старая колымага-грузовик, который, казалось вытряс из меня все нутро, из-за плохих дорог.

-К кому путь держишь в нашей глухомани?

Я назвал.

Ну и понес шоферюга, не молодой уже мужчина, Марину и ее семейство:

-Нашел к кому ехать! Это же первые в поселке блядищи.

-И мать их что ль? Ведь учительница она вроде?

-Вроде... У всех на передок не повешен замок. Одно слово: блядищи! А Маринка чего учудила?! Эх! Дура была и помрет дурой. За богача в Москве замуж вышла, хоромы имела, денег не считано, по курортам шастала... Ну дура! Дура! – мужик сплюнул с досады.–А возвратилась, опять грязь месить. Ты поверишь ли: ничего не взяла со своего толстосума! Нагая приехала! Зато, гордая! Тьфу, на ее гордость дурью! Изба у матери рушится, сестра не знает, как концы с концами свести: семерых деточек напояла! А Маринка гордая, блин! У меня свои планы, свои планы, бабью нашенскому трепалась. Наверное, к бабке своей чокнутой, что на болотах живет, пойдет. Ведь та всю жизнь там отсидела, и главное, ружье имеет, никого к себе не допускает! Ну ты и нашел к кому ехать! Одна дура чище другой! Хошь ссажу, бери ноги в руки и обратно беги от этих недоделанных бабенок. Дело говорю, сказать дуры, мало будет. Сказал бы, но ты, как я вижу человек интеллигентный, неудобно, особо неприличными словами выражаться...

Дальше ехали молча. Шофер много курил, бубнил себе, что-то под нос, а потом вдруг сказал:

-Ты сейчас слезай с машины-то и через лесок, напрямик иди, будто не со мной приехал. Через час будешь у двора Зинаиды. Уж извини, мил человек, насмешек и расспросов со стороны сельчан не хочу.

Я шел тайгой и думал только о том, чтобы не заблудиться. Уж было бы дело...Городскому в тайге. Но вот на прогалинке появилась, то ли девочка, то ли виденье. Играл старенький магнитофон, а она порхала среди обильной травы и цветов, я даже, опешив, остановился.

Вот уж, небесное создание, танцует как красиво, ловко, завораживающе.

-Браво! Браво!! – захопал я ей, когда музыка кончилась.

Девочка подошла ко мне, ей было лет пятнадцать, без стыда подала руку:

-Олеся я. Лесно слышать аплодисменты от пришедшего человека. Хочу быть танцовщицей, с детства, а меня все: дура да дура. Вот я и нахожу здесь свою отдушину. Стащу из клуба магнитофон и сюда сбегу. Но лето у нас очень короткое. Еще недели две и снег пойти может, неожиданно, сам по себе.

-Уж ни внучка ли ты Зинаиды...

-Ее. Нас почему-то, все дураками зовут.

-Умнее других, наверное.

Олеся улыбнулась, согласилась:

-Наверное, так. Уж всему нашему роду кости промыли. И все вокруг дураки, а они... Идемте, - неожиданно переменила она тему разговора, - я вас провожу. В тайге ох, как можно заблудиться. Да и зверья разного много. Пока еды много, спокойные вроде, а чуть похолодает, держись... Загрызут и фамилию не спросят...

За разговорами, мы быстро вышли к поселку. И я из XXI века, попал в век XIX.

-Это было раньше поселение каторжан,-пояснила мне девочка. – Так вот и живем...Баба Зина, баб Зина,-звучно закричала она.-Гость идет твой, тот, что телеграмму давал. Встречай!

Из покосившейся избушки выскочила худенькая, низкая ростом женщина, и встала, как вкопанная.

-Неужто это вы и будете? – спросила она с недоверием.

-Ну вот,-опять встряла девчонка. – Вроде родня, а ведете себя, ну прям, как чужие.

-Да мы, как бы чужие и есть, - смутилась женщина. – Жизнь-то нас никогда не сводила вместе.

-Ну вот, свела!—опять сказала Олеся.—При встрече всегда целуются, - она звонко засмеялась и чмокнула меня в небрирую щеку. —Мы тоже с вами родственники как никак.

-Ты лучше магнитофон в клуб отнеси, а то дед Кузьма надаст горяченьких, - сказала баба Зина. – Проходите,- попросила она по-старинному обычаю, кланяясь мне. – А то сейчас набегит полсела. У нас все в диковинку, особо новый человек.

И правда, только я вошел в горенку, как набегали пацаны и девчонки.

-Подарков давай! Гостинцев! – шумели они.

Я высыпал из вещмешка конфеты, орехи, пачки печенья, все что мог взять на скорую руку.

И свора детей, начали все сметать со стола с немыслимой скоростью.

-Ну-ка!—раздался властный голос женщины, ворвавшуюся в комнату с толстым военным ремнем 40-годов.—Все на стол! Обратно! Это, что вы устроили, уроды? Срамотища одна!

Кому-то попало, так как ремень свистел над ватагой.

-Это дочь моя,-тихо сказала мне баба Зина.—А дети, все семеро ее.

-Марш домой! Позорище мои! Марш! А вы, мама, - обратилась она к бабе Зине, - все разделите, всем по кулечкам, чтоб справедливо было! - и погнала ремнем ребятишек вон из избы.

-И правда, стыдно, - сказала баба Зина.-Но в нашем сельпо ничего этого нет.-И все стребая в солидную на столе кучу, уверяла: - Все до конфетки каждому разделю по-справедливости. Это ж, праздник вы им привезли. А уж чем подчивать вас с дороги, не знаю. Хлеб, молоко...Пища у нас простая, повседневная. Изысков нет.

-Я к деду Илье сбегая, - неизвестно откуда, вновь появилась Олеся.-Попрошу двух-трех рыбин, ведь ты баб Зина, мастерица рыбу запекать в сметане.

-Беги, - подтвердила та, и стала копаться в сундучке, видимо ища деньги.

-Сколько дать-то, не тратьте на меня свои сбережения.

-Да вот, все на крышу собираю, да не собрать с моей пенсии. Никак!

Я вынул купюру.

-Хватит? - спросил у Олеси и бабки.

-Сдачу даст. Торгуйся! - сказала бабка Зина.-Да пожирней выбирай...

-Бегу...- сказала Олеся: - Одна нога здесь, другая у деда Ильи, - и опрометью выскочила из избы.

-Ну, здравствуй, Вигдор,-услышав голос Марины, я даже вздрогнул от неожиданности.-Писала же тебе: не ищи! Нашел! - театрально сокрушалась она, видимо перед матерью, стоя в проеме двери, распахнув легкий халатишко, будучи голая.

- Марина! - бабка Зина поперхнулась даже.

-Что Марина? С утра баньку истопила. Купаться иду. Ну-

ка, - она улыбаясь подошла ко мне, и начала по-свойски снимать с меня одежду. - Вместе и искупаемся. Ты с дороги, сам на себя не похож.

Оставив на мне одни плавки, все ластилась, как кошка и шептала:

-Нашел все же меня. Нашел. Значит любишь. Любишь! И другого здесь быть не может!

Через огород перебежали к предбаннику. В корыте она замочила снятое с меня белье. И все так быстро, ловко, что значит, в городе жила, и не в одном, а сельская выучка осталась.

-Ну идем,-толкнула она меня в баню, нагибая в три погибели. Дверца была низковата, чтоб пар не выходил. И обхватив руками мое голое тело, сказала:

-Все! Теперь ты мой! Мой! Я уведу тебя в рай! Уведу, любимый!

23. Марина основательно смазывала мое тело каким-то снадобьем, запах которого возбуждающе действовал на нижнюю часть тела. Затем она влила мне в рот, какой-то напиток, напоминающий по вкусу медовуху, но с оттенком, каких-то трав и ягод. Моя голова начала чуть покруживаться.

Она успевала натирать и свое тело, и ее дивные, по девичьи округлые груди, манили своими вставшими, как две спелые вишенки, сосками. Она тоже выпила эликсир и впиалась в мои губы так, что дрожь прошла по всему моему телу, переходя в огненный пожар от головы до кончиков пальцев ног.

Не помня себя от нетерпения обладать ею, я целовал ее всю, стараясь завалить на лавку:

-Рано, еще рано, любимый, - говорила она тихим, вкрад-

чивым голосом, покусывая мочку моего уха.

Затем она опустила на колени и стала, что-то втирать в мой корень, целуя его и лаская зубами и языком.

-Никто не получал от меня такого, - сказала она. – Только тебе, любимый, я подарю сегодня все, что держала в себе все эти годы. Кто был рядом со мной – не любил мне были, артистничала перед ними больше, а ты...Ты, как первая любовь, как в первый раз... Хотя у гинекологов и зашивалась не раз и не два, чтобы цену набить, что девка еще. А сейчас, сотворю такое, что ты сам поймешь, что первым был у меня, желанным...

Без стеснения, она села на пол и раздвинув ноги, что-то влила себе в щель, из бутылочки.

-Ну иди ко мне. Иди! Только не сразу... Обласкай меня, всю обласкай!

Она говорила трепетно-интимно, и я безприкословно выполнял ее требования. Марина была жаркой, душной, пахнущая мятой, ягодами, и ее, вспухшие от поцелуев, губы, казалось, готовы были лопнуть.

Она мне влила в рот еще, какой-то настойки и сказала смеясь:

- Ну теперь входи в меня, да поосторожней, щель моя узкая, как у девственницы, зато, как войдешь, уж такого наслаждения огненного, ни одна девица дать тебе не сможет...

Я смутно помнил все что было, голову как в тисках зажал леший, да и глаза заволокло поволокой, только оставив сказочную чувственность.

Наверное, так все и происходит в гаремах: без спешки, с достигающим накала, сладости, постепенно расслабляя ни только ум, тело, но и каждый нерв, каждое русло животельной крови...

Потом она долго меня купала, и вновь, в который раз, делала так, что мы предавались любви...Конечно, у меня уже кругом шла голова, и хотелось бежать из баньки от удушья горячего пара и постоянных оргазмов.

Я не помнил, как она меня одевала, как я очутился за столом и все разговоры собравшихся, отдавались в голове нескладным хором голосов:

-Бум-бум-бум...

Проснулся я, как мне сказала, бабка Зина, на второй день и в оцепенении сев на край кровати, только и смог сказать:

-Ничего себе, погуляли...

-Долго гуляли, - довольно заметила бабка Зина. – И пели, и плясали, да все смеялись над тобой, что сотворила с тобой Маринка.

-А где ж она?

-На следующее утро ушла.

-Ушла? – не поверил я. – Куда? Зачем?

-Сказала, что теперь, когда получила на свете свое, имея вероятнее всего- тебя, у нее свои планы.

- Планы? Куда бы ей податься?

-Как-то раз обмолвилась, что в скит к староверам уйдет, к монашкам ли. Она, знаешь, в башке дури много имеет. Кто ее знает, куда ушла. Может через час здесь будет. Ее никто понять не может, как мне кажется, даже саму себя она не понимает.

-Ну, а я, до вашей патриархини иду.

-Да ну! К бабке Вигдорине пойдешь? Зачем она тебе здалась? Еще из ружья пальнет. Страшная особа! Я дочь, и то не хожу к ней часто. Не вызывает она у меня доверия. Одиравшая вся, как зверь какой...

-За этим приехал. Значит надо идти, а там видно будет, что

да как.

-Я тебе провожатых дам. Сам не дойдешь. Глубоко она залезла в болотные дебри. Чуть влево, чуть вправо и ружья не надо. Засосет в момент. Там тропинку знать надо, в ней секрет.

-Я и провожу, - забежавшая Олеся, слыша последние слова, сразу же согласилась быть моей провожатой.

-Есть мужики поопытнее тебя, - ответила ей бабка Зина. - Вот отродье, так отродье, все-то она знает!

-Мужики у нас-пьянь!-стояла на своем Олеся.-Заведут черте куда и сгинут! Бери меня! Меня!!!-она так категорично настаивала, что я и сам утвердил ее кандидатуру.

-Только без танцев там, на болоте-то, - погрозила ей пальцем бабка Зина. - Отнесла что ль, магнитофон в клуб?

-Отнесла,-поникшим голосом ответила девочка.

-Ничего, - сказал я ей. - Как вернемся от бабки Вигдорины, в сельпо, куплю тебе за работу.

-Неужто?!-бросилась обнимать меня девочка.-Вот это радость будет! Всем радостям радость! И, наконец из кабалы выйду, - шепотом сказала она мне, чтобы не слышала бабка Зина.-Устала уже...

24. -О какой кабале ты мне говорила?-чем-то гаденьким, почему-то, отдались во мне слова девочки.

-Да так...Здесь это принято... За все нужно платить.

Мы вышли из поселка и тайга уже полностью поглотила нас.

-Хорошо, сейчас мы далеко от дома, ты можешь мне сказать обо всем, что здесь происходит?

-А разве только у нас такое! - удивилась Олеся. - Кто где

не был, везде попадали в кабалу. Ведь нас, деревенских, сразу видно: дуры и есть дуры. Плата...-она помялась, сконфузившись, и тихим голосом сказала: - Ну, что сейчас везде, сексом зовется.

От ее слов я остолбенел.

-И этот старый пень, ваш сторож, брал за магнитофон тебя, девочку?

-Брал!-вздохнула Олеся.-Старый, слюнявый, вонючий, пьяный...-она даже заплакала от злости сидевшей в ней.-Еще заставлял разные вещи делать...

-Девочка моя!-обнял я ее, утирая ей слезы. - Да его судить нужно за растление.

-Нужно, - она отстранилась от меня и пошла по тропинке, держась на расстоянии.

-Ты что, плясунья, и мне не веришь? Думаешь, и я, насильник какой, раз магнитофон пообещал тебе?!

-Откуда мне знать...Вы человек пришлый...С Маринкой в бане, вон что вытворяли!

-А ты везде успеваешь...Подглядывала?! Хорошо ли это?!

-Маринка вам записку оставила, - и порывшись в своем большом кармане куртки, вынула чуть смятый листок.

-Небось читала? - хмуро спросил я ее.

-А как же! - не отказалась она. - Только в записке этой ничего особенного.

Я развернул тетрадный листочек.

«Все, Вигдор! Не ищи меня больше. И не смущай любовью. Меня больше никто и никогда не увидит. Ухожу к Богу. Прощай. Марина».

Я в задумчивости сел на пень.

-Как это-«ухожу к Богу?» - спросила Олеся.- Я, что-то этих ее слов, не поняла.

- Может в монастырь? – сказал я, не находя более достойного ответа.

- Да она, ни одной молитвы не знает.

- Научится!

- Монастырей здесь нет по близости. Духоборы есть, есть еще люди новой, какой-то веры, что конца света ждут, староверы... Но ее они к себе не примут.

- Отчего же так?

- А ее прошлое, здесь все о ней знают, за тысячу километров.

- Так она, как больная, на излечение к Богу идет, снять все грехи с себя хочет, стать чистой, достойной, новой...

- Да небось, пошатается по трассе с шоферней, и через несколько лет вернется. Она уже привыкла быть где-нибудь... Не пойму только, что с тобой не осталась?

- Я ей этого не обещал.

- А в бане, что творили! Какие еще после этого всего могут быть обещания?! Скажи, что ты такой же, как все!

- Ну, Олеся, как судишь ты строго. Всякое в жизни бывает. Видно бес попутал, но не Бог мне ее дал.

- Странно все в жизни и... - она замолчала. – Вон видишь домишко стоит, - она показала на почти ушедшую в землю хибарку, скорее землянку. – Там эта старуха и живет. Хочешь крикну? Эй, баб Вигдориная. Слышишь, бабка? Выходи, не берись за ружье. Это я – Олеся. Вот веду к тебе внука твоего – Вигдора, - прокричала она, сложив ладошки, чтоб слышнее было.

Кто-то закашлялся, грубым, мужским голосом.

- Это она, - сказала Олеся. – Ждать тебя мне или..

- Или... давай до дому.

- Какой еще Вигдор? – послышался голос.

- Вигдор, внук твой, из Москвы к тебе пожаловал. Принимай!

- С чего бы это? – спросила бабка заинтересованно. - Чего тебе от меня нужно?

Олеся моргнула глазом, шепча:

- Никому не доверяет, карга!

- А ты пошла вон отсюда, - прикрикнула бабка, видимо приближаясь к нам по тропе, рассуждая сама с собой. – Был такой внук у меня, Вигдор. А ты документики-то приготовь, милоч.

Когда она подошла и стала рядом, я отшатнулся: это была мумия. Высохшая, старая женщина, неухоженная, похожая на бабу Ягу, каких рисовали в книжках-сказках.

Я вынул паспорт, протянул ей. Так как сосны заслоняли свет и стоял сплошной полумрак, бабка достала фонарик и принялась читать мои данные, постоянно вглядываясь мне в лицо.

- Внучок, значит, объявился, - как-то ехидно сказала она. – В честь меня значит, дочь моя, тебя назвала? Любопытно, с чего это? От большой любви, но я их с Зинкой мало воспитывала, все воевала по фронтам с красной нечестью. А потом с мужем забились в глухомань, а дети... они сами по себе, все больше по интернатам. А тебя, значит, Вигдором назвала. Редкое имя. Очень редкое. Только не пойму зачем пришел?

- Могу и обратно уйти, - сказал я усмехаясь. – Свиделись и ладно. Теперь хоть знать буду тебя.

- Да мне, уже 103 года стукнуло. Скоро на покой. К мужу. Олеська, ты здесь все?

- Уже ушла. Ушла я. Честно.

- Давай, Вигдор, иди за мной, да равно ступай, а то навсегда останешься моим гостем, - сменила она тон.

В избушке-землянке пахло затхлостью и гнилью. Доски

на стенах давно почернели, а пола, от грязи, так и вообще видно не было.

-Как кто подсказал, что гость будет, - сказала она. – Зайца подстрелила. Запекла с ягодами. Вот и отметим встречу.

Сидеть в ее хибаре до тошноты было противно. Никакой обед не лез в горло.

-Хошь не ешь, - сказала она. – Все мне больше достанется. Да обитателям моим: кошке Мурке, мышеловке моей, да псу Кузьме, за охрану. Тебя видать, за своего сразу принял, не гавкнул даже. Странновато... Поди-ка, животное, а в людях разбирается...Значит, наследник явился?

-Чего наследовать-то? – усмехнулся я.

-Думаешь нечего? Вигдор... да тебя, кажись, все время и ждала. Сердцем чуяла, что есть родной внук. Одна ж я все, и думы мои разными бывают. На ночь не хочу чтоб оставался.

-Зачем тогда Олесю прогнала, кто путь покажет?

-Кузьма. Он ловкий пес. А мне бы не хотелось, чтобы ты опять в тот, Зинкин поселок зашел. Обходным путем, пес выведет тебя на трассу.

-Ну и...

-Ну и...я тебе сейчас все отдам, как и задумывалось мною. Графом станешь, это раз!

-Кому эти графья сейчас нужны?

-А ты еще увидишь перемены и графы будут, и князья...

Она долго рылась в сундучке, чуть ли не влезла в него вся сама. Достала какую-то желтую бумаженцию с гербами, печатями, подписями.

-Все еще вернется на круги своя...Бери,-и протянула оформление на графство. – Береги. И верь. Ты графских кровей и сыновья твои графьями будут.

Она сощурилась, смотря будто в самую душу.

-Отдам тебе и фамильные побрякушки...Эх, где уж им здесь быть в ходу.-И высыпала на стол кольца, серьги, браслеты... Бриллианты так и заиграли при свете лампадки подвешенной к потолку.

-Награбила небось, графинюшка, - не сдержался я.

-Брось! Что ты меня, графской крови, с воровкой сравниваешь? Не думаешь, что обижусь?

-Ничего не возьму! Мне дурно от этого блеска!

-Значит, дурак! Кто от такого богатства отказывается?!

-Тогда дели на всех поровну.

-Чего?! Они мне не внуки, ни Вигдоры. Перед Богом тебе отдать обещала, значит – твое, ты полный наследник. Торговаться, что ль будем? Я чуток прибабахнутая, возьму, да в болото и шурану!

-Хоть на три части раздели: мне, Марине, и Нине, вон у нее семеро детей!

-Не мое дело! Сказала, все отдам Вигдору!

Она ссыпала богатство в атласный мешочек и бросила мне в руки:

-Такие цацки графья носят, а не голытьба! Иди, иди, а то вечер наступит, а до трассы километра три будет.

Она почти силой вытолкала меня из своего жилища и позвав собаку, что-то долго говорила ему на ухо.

-Ну, иди, граф Вигдор, Бог в помощь!

Я спокойно шел за собакой, обдумывая, что в ближайшем же гордишке, все разделю на три части, чтобы не быть уродом, кинувшимся на титул и богатство, все прибрав себе.

Но вот собака остановилась, и ошетилившись зарычала.

-Видно зверь какой, а? – спросил я у пса.

Но услышал голос Олеси:

-Сам ты зверь. Это я! Еле догнать сумела окольным путем бежала. А ты,-обратилась она к собаке,-пошел вон, проводник вонючий! – и замахнулась на него сумкой. – Пошел, пошел вон! Домой!

Пес заскулил, работу-то до конца не выполнил, но девочка погнала его, не смущаясь меня, в откровенных словах мата.

Собака все-таки убежала, протяжно скуля и негодуя, что не выполнила всего поручения бабки, полностью.

-Я теперь твоим проводником буду. И еще: видишь, сумела в поселок сбежать, кое-что собрать в дорогу. Я тебе так скажу: ты должен меня в Москву взять с собой, из этой глуши. Я танцевать хочу и умею.

-Олеся...

-Все документы при мне. Паспорт имею. Совершеннолетняя. Ты мне дан Богом, как Ангел. Я сразу решила, что поеду с тобой. Ты отправишь меня куда следует, чтоб танцам профессионально училась! И еще: хочешь любовницей твоей буду, путь свой натурой оплачу?

Мне стало не по себе.

-Да разве можно все одной меркой мерить, Олеся? – разозлился я.

-Мерят же. Значит: закон!

-А если бабка Зина узнает, мать твоя, что сбежала? Или чего хуже, что я тебя соблазнил?

-Я оставила записку, все там в ней им объяснила, не тупые, поймут, что отправилась в Москву, про вас же ни слова. Зачем?

Уже мы выходили к дороге, когда нас настиг дикий бабий вой и причитания.

-Случилось что? – спросил я.

-Вроде «скорая» стоит. Прибавь шаг. Узнаем. Я вперед

побегу. Случилось, видно что-то. Здесь неподалеку, люди, какой-то странной веры живут.

Она побежала по шоссе, выскочив из тайги. Да и я почти перешел на бег.

«Скорая» уже забирала женщину. Ее укладывали на носилки. Она была вся изодрана в клочья, но лицо сохранилось: Марина!

-Боже Ты мой! – вскрикнул я.

-Медведь задрал,-сказала стоящая рядом женщина.-Здесь часто такое случается. За ягодами в одиночку не ходят...А она пошла...

Лицо Марины выражало спокойствие и умиротворенность. Где-то в уголках губ, даже застыла улыбка.

-Жива будет? – спросил я у врача.

Он посмотрел на меня как на сумасшедшего, накрывая тело с головы до ног простыней.

-Теперь бы знать, из какого она поселения. Куда везти...

-С бурлеска таежного, - отозвалась Олеся. – Там она жила.

Я вплотную подошел к носилкам, еще не задвинутым во внутрь машины и приподняв у лица Марины простыню, сказал тихо:

-Да будет тебе земля пухом, родная.

Слезы застыли у меня в глазах: эх, Маринка, Маринка, так нелепо закончить жизнь!

25. Олеся оказалась хорошим проводником, и уже через пять минут, мы мчались по направлению к городу, минуя поселки.

-Ты неправильно маршрут выбрал добираясь сюда. А я здесь весь таежный край знаю. Когда отец был жив, он меня

всем премудростям дикой природы обучил.

-Жаль Марину...-сказал я, находясь под впечатлением увиденного только что.

-Красивая была, но дура.

-Посмотрим, как твоя жизнь сложится, танцовщица. Осуждать всегда легко...Как сказал Шекспир: «Воздерживайтесь судить, потому что все мы грешники». А Марина считала себя грешницей, не отрицая.

-Чего-то дорога заблокирована, - неожиданно выдал шофер молчавший до сих пор.

-Не бойсь! – выкрикнула Олеся. – Давай, сворачивай с дороги, вон на ту дорожку... - а мне шепнула: - Это по наши с тобой души.

Я округлил глаза:

-Да, да, - утвердительно закивала она головой. – Все знали, что ты из-за Марины приехал. А тут я пропала. Старуха, небось наплела, что ограбил...

-Эй, друзья хорошие, - остановил машину шофер. – Мне в говно вляпываться не очень хочется, даже за вашу сотню долларов. – И безо всяких условий сказал: - Слезайте! На мне и так висяк один есть! Идите куда и как хотите, я же молчок. Вас не видел. У меня в машине не были.

Мы выскочили из машины, и ее след тут же простыл.

-Ну ты, и загнула, до смерти дядьку испугала!

-Знаешь, тут неподалеку хуторок есть, так мы его называем, какие в тайге хуторки, так там тетка Тамара с мужем живут. У него машина. Договоримся, так до самой Москвы довезет.

-Ты думаешь, у меня есть такие деньги в наличии?

Олеся хитренько хмыкнула, и хотя уже смеркалось, я увидел ее взгляд, достойный человека много знающего.

-Да...да. Вешай лапшу мне!

-Ну...-начал было я, но Олеся перебила и голос ее не был детским, тем более, наивным.

-Ну, дуги гну! Меня не проведешь, гость заезжий: старуха все богатство отдала тебе, уж не жадничай!

-Олеся! – воскликнул я.

-У меня очень – очень длинный нос и интуиция.

-И еще подглядывать любишь...

-Да, я в курсе всех дел любого из наших, здесь живущих.

-Нет, Олеся, - сказал я ей в ответ, которого она не ожидала.

– Веди меня ни к тетке Тамаре, а обратно, к бабке моей, на болото.

-Ты что, офигел?! В ночь? Погибнуть хочешь, - раскричалась она. – Или тебя за собой Марина зовет?! Нет!– сказала она, обнимая меня по взрослому, страстно и крепко прижимаясь ко мне всем телом. – Нет! Вигдор, нет! Ты моим будешь! Моим!

Я хотел отпрянуть от нее, но, как оказалось, сильна была девка, хоть и казалась неказистой, худосочной, впилась в меня, точно пихтовая иголка, не отодрать.

-Олеся! Я обещаю тебе, что ты будешь в Москве обучаться танцам. Мои родители, как раз открывают школу, идет отбор. Я обещаю, что будешь в первой группе!

-Нет! Не верю! Многие обманывали меня...

-Тебя?-удивился я. – В твоей шестнадцатилетней жизни?!

-Поэтому мои глаза и уши везде, чтоб была в курсе. А бабка, что тебе графскую фигню дала, да золотишко, многим жизнь испоганила. Заманивала. Отдавала. А потом, в милицию: обокрали! Подставить захотела, Вигдор! – она подтянулась к моему лицу, став на носочки. – Ты мне веришь?

-Верю! Отчего я должен не верить тебе?

-Верь! Я, как увидела тебя, так и влюбилась по самые уши! Да, у нас большая разница в возрасте, я словно щенок перед волкодавом, но, поверь мне, что только ты вытянешь меня из этого болота. Не хочу повторить жизнь Марины и еще многих нашенских девчонок. Знаю, думаешь обо мне, что эта пигалица знает о любви... Не думай так! Я сердцем чую, что ты – мой воздух, мое пламя, моя жизнь! – она начала целовать меня, а я стоял растерянный, потому как, мне еще не приходилось быть один на один с девчушками.

Неподалеку пронеслась милицейская машина.

-Видел? – спросила она со значением. – Это по наши души. Уверяю. Идем... – она потянула меня, куда-то в темень, и я, услышав хлюпанье и почувствовав гниlostность воздуха, услышал ее настойчивое: - Вынимай свои цапки и эту графскую грамоту, на кой шут она тебе нужна сейчас-то, и кидай, бросай без сожаления, пусть болоту достанется!

И действительно, подумал я, на кой мне эти драгоценности, этот лист охранной графской грамоты, и открыв свой вещмешок, попросил посветить мне Олесю фонариком, и достав мешочек с богатством и грамоту, все без сожаления бросил подальше в болото.

-Слава Богу! – со вздохом сказала Олеся.

-Аминь! Аминь!! Ты мой ангел спаситель!

-Любовь моя! – сказала Олеся. – В темноте тебе не сориентироваться, ты по краешку так и иди, пока попутка не встретится. А я, чтобы канители не было, пойду домой, а уж мое дело, когда появлюсь у тебя, в Москве, ты только адресок мне дай.

Я вынул визитку.

-Все! До встречи! И помни, я обязательно найду тебя! – она вновь начала целовать меня, чуточку безрассудно, не по дев-

чоночьи, по женски умело.

Я дал ей денег.

-Расплачиваться будешь, как все приличные люди, а ни как...

-Вигдор! – ее щеки окропились бусинками слез, а мне, почему-то показалось, что передо мной Марина, и я поцеловал Олесю в лоб, сказав:

-Я обязательно помогу тебе стать танцовщицей! Верь мне!

26. -Ну это разве можно в тридцать восемь лет таким долбеном быть? – закричала на меня Эмилия, как только открыла мне дверь.

-Не понял... – я уставился на нее бессмысленным взглядом. –

Объяснил ты мне, что да как?

-Отцу плохо. Сердце, – уже тихо сказала она.

-А я – то при чем? – уже взорвался я.

Она ввела меня на кухню и прикрыла дверь:

Повестка пришла. Нагулялся. Накатался и...

-И... что?

-Убил Марину. Украл девчонку. И ограбил свою бабу. Графиню.

-Да что они там, с ума, что ли походили, выдвигать такие обвинения? И кому – мне?!

-Значит были эти все дела.

-Марину задрал медведь, ее «скорая» забирала из тайги, я был не более чем очевидец. Девчонка? Да она так танцует! Так танцует! Вот отпросится у матери и приедет, я ей визитку дал. Ведь вы открываете школу? А бабу, она по делу выходит мне прабабукой уже, чокнутая. Многих под монастырь подвела и графским титулом и с богатством своим, с

царских времен.

-Ну и что ж делать-то будем?

-Клевета! Наверное, пока я до дома добирался, уж все выяснили. Ну абсурдище же полный! Мать! Марину медведь порвал, у меня что, такие когти что ли? И не ножевые же раны, а медвежьи когти! Всю изодрал, страшно смотреть было! А лицо оставил, то ли со спины к ней зашел...

-Глупая поездка! Очень глупая! Идиотская, до мозга костей! А девчонка эта? Она-то что?

-Танцовщица настоящая! И представь, это сторожа их поселкового нужно судить за растление. Он ей магнитофон с записями давал за...

-Неужели насиловал?

-Да! И если уж будет экспертиза, то... эта девочка давно живет половой жизнью. Да и у самой, что ли языка нет?! Все могла бы рассказать!

-Боже! Боже! Что творится! И это все хотят на тебя, прошлого повесить? Ну вот, чуяло мое сердце, что нет тебе туда пути! Графья раздолбанные! Ну, а старуха эта что?

-Самая настоящая баба Яга...Какие графские документы, - я сразу начал с отпирания.-Какие там богатства?! Дурило сто трехлетнее. Я у нее и часа не пробыл. Боже! Вонь, почти что, сгнившая землянка...

-Знаешь, мой тебе совет, бери этот квиток из милиции присланный и иди, прямо сейчас иди, и все как мне, на духу им вылепи. Вот так мол, к старым родственникам ездить, засадить могут!

Я быстренько побрился и сменив рубашку и куртку, пошел по указанному адресу.

-Ну, явились, не запылились, - сказал мне старший лейтенант.

-Да, сразу же по приезду. А что за вопросы ко мне будут?

-Зададим...Садитесь...

-Глупость какая-то...Вы хоть когти медведя с моими,-я протянул почти что, к его носу свою руку, - сопоставить можете?

Неожиданно в кабинет вошел генерал. Старший лейтенант вытянулся в струнку, вскочив из-за стола. А генерал улыбнулся.

-Ну и ты, Вигдор попался. На чем?

Я опешил. И вспомнил, еще в школе, учившегося со мной Вовку Иванова.

-Ты что ли? Вовка?

-Владимир Иванович Иванов. В люди выбился, как видишь. Ну-ка, пошли ко мне в кабинет. Разберемся, как ты оказался в сибирской обители.

Пока мы шли по коридору, Вовка все старался приобнять меня: не забыл, как все годы учебы в школе, давал ему списывать математику и все чертежи по черчению выполнял идеально.

-Ну? И что там за хреновина на краю света? – спросил он меня, как только мы зашли в его кабинет.

-Знал бы, рассказал, - ответил я, с недоумением. – Сам ума не приложу, что там такого сверхординарного стряслось, что я сижу у тебя в МВД. Небось, не встретились бы...

-Да ты у меня, как на ладони,-засмеялся Вовка.

-Откуда такая осведомленность?

-От твоей бывшей, вестимо. Только не заводись: она мне любовницей была, когда с тобой жила в браке.

-Понятно, - усмехнулся я. – Я не сыщик и не криминалист, но по этой причине, мы и расстались с ней. Очень падкая на мужской пол была...

-Да уж...-вздыхнул Вовка. – Она и мне рожки наставила...
Так что...

-Квиты, - нашелся я.

-Ну, а там, в Сибири?

-К родственникам ездил.

-И наследил изрядно.

Я приподнял брови:

- Каким образом?

-Ну то, что женщину медведь задрал, ясно, не ты. Но шуры-муры у вас были?

-То была только моя заказчица. Виллу ей в Болгарии строил.

-Сумасбродка! Отказаться от сумасшедших денег, виллы и уехать в Сибирь!

-У каждого свои в башке тараканы...

-Вот так и ее муж, бывший, сказал. Бросалась из стороны в сторону, сама вряд ли знала, что хотела. Хорошо, эту Марину отметаем, не ты ее убил. А бабка? Эта ведмища...

-Графиня! – сказал я с достоинством.

-Какая, к черту, графиня?!-засмеялся Вовка.-Бывшая заключенная! При чем, ни по одной статье. В том числе и за разбой.

-Ого!–не выдержал я, сказав свое «ого!», то ли с восхищением, то ли с долей негодования, что она у нас в роду, как никак, моей бабки мать.

-Да, да, Вигдор. Родословная, скажу тебе, я, с гнильцой! – тут же, изменив тон, спросил: - Она тебе ничего не передавала?

-Мне?–искренне удивился я.–Драного кролика на стол поставила, угостить, видимо хотела...

-Ты от ответа не уходи! – пригрозил мне Владимир Иванович.

-Говорю как есть...А чего она мне могла дать, если сама жила, как бомжиха.

-Странно все это! Очень! – он задумался, почему-то не смотря на меня. А потом вдруг резко спросил: - У тебя хоть билеты имеются?

-Какие билеты? – не понял я.

-Ну ехал, когда обратно, должны, же быть билеты: паровозные, самолетные, автобусные... Нас интересует 21 сентября, где ты был в это время?

Я начал вынимать из кармана билеты, не люблю барсеток, все ношу при себе, во внутренних карманах.

-Ну и билетов у тебя...Какого черта ехал к родству за тысячу земель, вот чего не понять...- Вован все всматривался, разглядывая билеты. – Да, у тебя алиби, 21 сентября, ты плыл на теплоходе...

-А что случилось? В чем дело? – не понял я.

-Бабку твою «графиню» убили 21 сентября. Подозрение и на тебе, так как она участковому до этого заявление носила, что ты ограбил ее, украл все ее ценности.

«Вот сука»-хотел сказать я, но сдержался, сказав:

-Глупо! Какие там, в бомжатнике, ценности: гниль да вонь стоит до сих пор в носу.

-Хорошо, а теперь расскажи об Олесе, девчонке, которую ты хотел увезти с собой. Она говорит, что денег дал.

-Дал! – не стал отпираться я. – Хотел, чтобы она магнитофон купила, танцует хорошо, а музыки нет. И еще денег дал, чтобы в Москву приехала, договорившись обо всем со своей мамой, не сама по себе. Мои родители, как раз, скоро будут набирать группу учащихся танцоров.

-Хорошо,-махнул рукой Вован.–Но ее, эту танцульку и подозревают в убийстве «графини».

-Ее? – мои глаза округлились. – А цель?
-Ну теперь...вроде ты денег дал, не у старухи она украла, а так...
-Там не девчонку, стебелек, две ручки, нужно сажать, а старика сторожа. Вот растлитель малолеток! Он Олеся пользовал, чтобы клубный магнитофон на час-два дать.
-Брось! Дед импотент! Проверено. Ему 80 лет уже стукнуло. Какой из него педофил?
-Не знаю. Олеся мне говорила, что он ее пользовал. Извращенец видно...
Здесь Вовану позвонили. Он отвечал односложно, стараясь не смотреть на меня.
-Хорошо, - сказал он мне после того, как положил трубку.
– Можешь быть свободен. Давай подпишу твою бумажку, чтобы выпустили на выходе.
И через некоторое время сказал:
-Вигдор, могу я попросить тебя об маленьком одолжении?
– явно смущаясь.
-Ну? В чем это одолжение?
-Да, земельку прикупил. Хочу домишко с банькой построить. Ты же архитектор- дизайнер, так к кому мне обратиться, как ни к тебе? Съездим туда в воскресенье? Прикинешь, а?
-Чего ж не съездить...
-Понимаю, это не Греция, ни Болгария и не Чехия...
-Работа есть работа, - прервал я его, вставая. – Бывай!
Он сунул мне свою визитку.
-Жду звонка в субботу.
-Построим тебе замок с банькой...

27. -Господи! Стыд-то какой! – встретила меня на пороге заплаканная Эмилия.
-Что еще такое? – не понял я.
-Обыск был! Обыск! Отцу «скорую» вызывали!
-А искали что?
-Драгоценности привезенные тобой, графскую грамоту...
-Понятно. Пока меня допрашивали в УВД, здесь весь дом перевернули. Обыск? Ну и ну!
Подумал: молодец Олеся, что заставила меня выбросить все драгоценности в омут, а то было бы дело! Да и на черта они мне, награбленные «графиней» за долгие годы жизни?!
Зато Эмилия разошлась не на шутку, она постоянно срывалась на крик:
-И пришла же тебе в башку тупая идея, съездить в эту Тьмутаракань! Титул захотели! Графья, чертовы! А если бы у меня была не французская бижутерия, а настоящие камни? Кому бы их приписали, как украденные? Тебе сынок! Господи!.. Уборки-то теперь сколько!
-Позовешь Мотю. Ты все равно хотела делать генеральную уборку, - сказал я ей.
-Да я вся обессиленная! Меня, как будто под каток положили, что асфальт на дорогах укладывает! И за что это нам, такое наказание? За какие такие деяния?! – сетовала она. – Как жить после такого срама? Обыск! В нашей квартире – обыск, будто мы какие воры или преступники! И понятых пригласили, Веру Ивановну, – первую сплетницу дома! Уж она наплетет соседям!
-Ну успокойся, родная моя, - обнял я ее. – Уж как говорят: и на старуху бывает проруха. Поехал с самыми чистыми мыслями, увидеть родню, а получилось...
-Какая дурость! И я хороша! Про титул Мишке подумала.

Эмилия не могла успокоиться до самой ночи. Отцу, приехавшая «скорая», сделала укол и он спал, что тоже ее раздражало, что от его негодных родственников–каторжан, он остается, как бы вне разговора, в стороне...

А через день мне позвонил Вован и, уже, как бы неофициально спросил, когда поедем смотреть земельку его участка, а потом ввернул, все-таки, свое:

-Вигдор, эта девчонка, Олеся, все же настаивает, что в день убийства твоей прабабки, «графини», была с тобой и вот, прислали запрос, я должен допросить тебя, но я то знаю, что 21 сентября, ты был в дороге, подтверждение имеется, решил не вызывать к нам.

-Шустра девчонка, - сказал я.

-Ей грозит статья за убийство.

-Значит ищет в моем лице алиби?

-Значит ищет. И еще говорит, что вы любили друг друга...

-Врет... рассердился я.—Любить мне, москвичу, человеку под сорок, эту козявку?!

-Было бы на что позариться, - усмехнулся Вован. — Доска два соска...

-Ну и что, так будете теперь меня дергать по пустякам. В конце концов, какие могут быть разговоры, ты еще мне скажи, что я не выездной из Москвы. Лучше, давай я посмотрю твою земельку и в уме созреет план, как ее побыстрее обустроить. Работа может занять зимние месяцы, а уж будет план, если ты его утвердишь, то по весне начнем строительство.

-Да чего тянуть, давай завтра, прямо, с утра, в одиннадцать...

Когда я вернулся с работы домой, то Эмилия протянула мне телеграмму с кислым выражением лица, сказав:

-Читай –читай! – добавив. — Дурак же ты!

Я развернул телеграмму, глазам своим не веря, что она от Олеси.

«Где твоя защита? А я тебя так любила! Мне грозит срок. Выезжай срочно. Олеся».

-Мало ли, кто меня любит, или любил,-сказал я Эмилии, которая застыла возле меня.

-Видно запутался ты, сын, в девках...

-Ничего подобного. Что и было, как, где, при каких обстоятельствах, все давно кануло в Лету...Сейчас я свободен и, главное, чист!

-Все вы чисты...-махнула она рукой. — Только почему-то, порою, от такой чистоты, дети рождаются.

-Мишка что ли? — улыбнулся я. — Так это сама Софи хотела родить от меня. Ну, понравился я ей, очень!

Эмилия рассмеялась и по-матерински, ласково, шлепнула, как ребенка.

-Балбесище, ты мой! Не Олесь, там в глухомани искать нужно было, а больше внимания обращать на Софи! Достойна тебя только она, и ты ее тоже! Это судьба, понимаешь?!

-Судьба? — переспросил я ее задумчиво. — Что-то не очень похоже на судьбу.

-Угомонись! — строго сказала Эмилия. — Вот пройдет полгода, она вступит в наследство, станет сама себе хозяйкой. А сейчас она должна блюсти все те написанные, ее педерастом, мужем, правила. Вернее, ограничения, которые он перед ней поставил. Ты мне, как матери скажи, правду: Софи тебе нравится, как женщина?

-Нет...-почему-то сразу выпалил я, не желая продолжать разговор.

-Дурак! Она тебе лучше этой Олеси станцует...

И Эмилия, притопнув каблучком, а она и в домашней обстановке часто ходила в туфлях, начала танец без музыкального сопровождения, подбадривая меня, чтобы я подсобил ей в партнерстве.

Но я, поцеловав ее в щеку, пошел в свою комнату.

-Извини, нужно работать, срочный заказ.

28. Через несколько месяцев, судьба определила мне назначение: командировку в город, в который нужно было ехать по тому сибирскому тракту, который я надолго запомнил.

Неизвестно, каким образом, но наш поезд в котором я ехал, остановили на каком-то полустанке, безо всякого предупреждения и когда я, выйдя из купе, спросил проводницу:

-Почему стоим?

Она, как-то недовольно фыркнула и сказала с явным презрением:

-Этапированных пропускаем.

-Осужденных, что ли? – не понял я.

-Да, здесь всегда с ними происходит встреча, безо всякого объявления. Перевозят заключенных из одного города в другой. Да вот и они, - сказала она, показывая на проезжавший рядом с нашим, поезд. Он тоже почему-то, остановился напротив.

-Сейчас других подвезут, они вон в том здании ждут, - показала она, куда-то в сторону.

Было довольно светло, хотя в это время суток, уже гас дневной, солнечный свет и становилось тоскливо, и тошно.

Неожиданно я услышал не крик, а вопль из стоящего на-

против вагона:

-Вигдор! Вигдор!!

Через железные сетки на окнах трудно было рассмотреть лицо, но по голосу я понял, что это Олеся.

-Вигдор, - вопила она через какую-то щель, видимо хорошо видя меня. – Это я Олеся! Мне дали семь лет и везут в тюрьму, - она назвала, какое-то географическое название города.

-Я не сержусь на тебя, поверь мне, что ты не помог мне. Но я, клянусь тебе, что не убивала «графиню».

Лязгнул прицеп, то ли нашего, то ли Олесиного поезда.

-Вигдор! Я люблю тебя! Найди меня! С твоим именем, жить мне намного легче!

Наш поезд тронулся, и стал медленно отъезжать от Олесиного окна, но я еще долго слышал крик и ее:

-Люблю! Люблю!! Люблю!!!-слова врезались в мозг, острием кинжала.

-У вас прямо мексиканский сериал, оказывается, - сказала все еще стоявшая рядом проводница. – Люблю...- усмехнулась она, - да такого мужчину, как вы, любая бы полюбила... А здесь ...рецидивистка...

-Не вам судить, - ответил я строго.

-Конечно. Суду. Лично я, никогда бы не пошла в присяжные заседатели.

-Приглашали? – спросил я ухмыльнувшись.

-К слову сказала, - и добавила, - это ж надо, семь лет колонии! Страх!

-От сумы...

-А...- махнула она рукой. – Кто по правде живет, зарекается нечего! – и спросила: - Чаю принести?

-Принесите...- ответил я машинально, заходя в купе.

-Давай, вместо чая...- проводница, почти тот час, зашла с бутылкой коньяка и стаканами.

Шлепнула все на стол и вынула из кармана кителя лимон.

-Сам видишь, вагон почти пустой, впереди ночь. А эта баба-воровка, разбередила тебе душу.

-Она не воровка, - сказал я с безразличием.

-Ну...убийца...Еще хуже! Страшно, что с ней знался, с такой-то...

-И не убийца...

-Защищаешь!-проводница ловко откупорила бутылку и разлила коньяк по стаканам, вынула нож, и на газетке разрезала лимон большими кусками.

-Пей! - сказала она. - Чего задумался? Пей! Легче станет!

Я отстранил стакан...

-Загубили девку, - сказал я с сожалением. - Знаешь, как она танцевала! Загубили!

-Сейчас все танцуют, - опрокидывая налитый коньяк, сказала проводница. - Меня на дискотеке ты не видел. Я и стриптиз могу...

«Ну все!» - подумал я. - «Она явно сейчас напьется и будет меня соблазнять».

-Что не пьешь? - спросила проводница, вновь наливая себе. - Брезгуешь?

-Ты же губишь себя этой сивухой, - ответил я ей. - Да, не хочу пить этот твой напиток, под названием «коньяк». Ты хоть посмотри, какого он, вовсе не коньячного цвета! Зеленый, как шампунь.

-Ох-ох-ох!-скривилась она.-Какие мы образованные в коньячных делах. Цвет ни такой, запах...Главное, в голову бьет, душу успокаивает и все, нормалец!

-Ты ту девчонку жалеешь или презираешь, не знаю, что

этапом едет в тюрьму? Но сама-то сознаешь, что можешь и семи лет не прожить от этой отравы.

-Вся Россия пьет!-ответила она, опрокидывая налитое в рот, вгрызаясь зубами в лимонную толстую дольку.

-Пьет!-ответил я с сожалением.-Спивается матушка Россия - это точно!

-Я наркотой не занимаюсь - это плохо! - уже опьянев, сказала проводница.-Быстро люди мрут от наркоты. А пить... Да моя бабка сто с лишнем лет прожила. И мать пьет. И я пью. Выпивка стимулирует и жизнь дает, да и настроение повышает. Выпей! - она вылила из бутылки остаток «коньяка» в стакан. - Давай на брудершафт выпьем, как бы, ближе станем... А не хочешь, так хрен собачий, с тобой, спать пойду.

Она вылила содержимое обоих стаканов в рот и пошатываясь пошла к двери. - Спи, и думай, о том, что кричала тебе, девчонка, все равно до самого утра не будет ни одной ни станции, ни полустанка... Дурак ты! - и выйдя, хлопнула дверью.

29. С совещания я приехал подавленным: запомнив название пункта назначения Олеси, где находилась тюрьма, все же отыскал это место. Очень просил свидания с ней у начальника тюрьмы, но он сразу сказал:

-Не положено! Кто вы ей? Муж? Нет. Родственник, как седьмая вода на киселе. Да и вновь прибывшая она, у нее еще карантин не закончился и об свидании с кем-то из близких и речи быть не может. Да и зачем вам она, молодой человек? Убийца! Вы москвич, имеете престижную работу, а она... - он с досадой махнул рукой. - Порою, ей Богу, не

пойму я нашего брата. Как домашних псов тянет на помойку...

- Грустный ты какой-то, - сказала Эмилия. - Задумчивый. Понятно, - сделала она вывод, - был в тех краях и пошли воспоминания. А впрочем, что и кого вспоминать?! Стесняться и скрывать надо, что такая дурная родословная...

- Ну... прямо 38 год...

- Удивительно, что твоя бабка - мать, сумела скрыть свои корни. А то бы многим не поздоровилось, и упекли бы в Сибирь, на каторгу, как вашу проклятую «графиню».

- Мама! Мама! О покойниках, вроде не нужно говорить плохое.

- Нужно говорить, что есть! А не строить ложных биографий! Графья, мать вашу, объявились в XXI веке!

- Ну ты, опять, мать, разошлась, - сказал укоризненно отец.

Эмилия вспыхнула:

- Конечно, Ник, дело старое, но, матушка твоя боялась, что я еврейских кровей и разыграла спектакль с появлением Вигдора.

- Да она всего боялась всю жизнь! - успокоил ее отец. - Как пуганная ворона сидела в жизни своей. Не знаю, как ей в голову пришла идея рождения Вигдора, но о твоей нации, никогда в доме разговора не было!

- Не любила она меня...

- Это может быть. Единственного сына увести хотела.

- Куда?! - вспыхнула Эмилия. - Если бы с тобой была, то и жизнь пошла бы по другому. Поколесила по миру, не дай Бог никому...

- Сейчас твой сын колесит...

- Это другое, - отмахнулась она, и вдруг заплакала.

- Ты что?! - бросились мы к ней с отцом.

- Потерянных годов жалко! - вытирая слезы говорила она. - Ведь Вигдора не видела маленьким, ни как он начинал говорить, ходить... Вот и сейчас ты, Вигдор не видишь Мишку своего... Что за судьба у нас такая, - возвратилась она вновь к теме Софи.

- Ну, уж что и как, небесная канцелярия написала, - развел руками отец. - Вот и опять, завтра твой сын уезжает...

- Куда это?

- На симпозиум в Америку, - ответил я приглушенно.

Никуда ехать мне не хотелось.

- О! Может произойти встреча с Софи! - обрадовалась Эмилия.

- Слушай, оставь эту тему, - сказал я с явным раздражением в голосе. - Еще осталось два месяца до ее свободы.

- Один месяц, - поправила она меня. - И 10 дней.

- Ты еще в минутах суммируй, - подколот ее отец.

- Как я вижу, до Софи, вам, как до перегоревшей лампочки, - съязвила Эмилия. - Странно... Вигдор! У тебя от нее ребенок!

- Скорее, у нее от меня...

- Какая разница Мишке, кто у кого, и от кого! Вы - пара! Вы должны быть вместе, мой дорогой сын! И не нужно искать причину для неосуществления того, что предрешиено Свыше! - настойчиво сказала она, будто Софи с ребенком были в соседней комнате.

- Я не люблю, - ответил я Эмилии, стараясь быть спокойным, - чтобы меня заставляли делать то, чего я не хочу.

- Да, да, - вмешался отец. - К сожалению или к счастью, но Вигдор имеет свое мнение по всем вопросам с детства. И заставить его, что-то сделать вопреки, увы, Эмилия, дорогая, невозможно!

-Характер – это хорошо, - ответила Эмилия, - это, замечу, не недостаток, а скорее-достоинство мужчины, но следует действовать согласно принципам, выбирая из предложенного, умом.

-Он был женат, - вновь вмешался отец, - на женщине неглупой и деловой, всегда и во всем стремящейся только вперед. Как я понял, Софи похожа на нее характером: бизнес леди, одним словом. Может быть, Вигдор не желает входить в одну и ту же реку, дважды? Его пугает напор Софи, ведь он встречался с ней на разных конференциях. Эта дама...

-Хватит! Каждая женщина, как бы она не была умна хочет семью. А Вигдора больше интересует архитектура, дизайн, строительство новых городов, с осушением болот и прочее, прочее, прочее... Не положить глаз на такую женщину! – Эмилия махнула рукой на нас с отцом и ушла в другую комнату.

-У тебя кто-то есть? – спросил заговорческим голосом, отец.

-Ты считаешь меня, импотентом что ли? – улыбнулся я. – Или того хуже, пидором?

-Уж одного хватало,-засмеялся отец.-Изгадил жизнь молодой девочке.

- Я понимаю Эмилию, - начал было я, но отец поправил:

- Маму, маму, сынок... Она так рада, что у нее есть ты.

-Я понимаю маму, что ей очень хочется, чтобы ее приемная дочь стала моей женой, чтобы сложилась семья, тем более, что есть сын, но и ты пойми меня, отец, я привык самостоятельно принимать решения.

И рассказал ему историю с Олесей, которая не шла у меня из головы.

-И эта маленькая, девчонка–птенчик, больше будоражит

мой ум и сердце, чем красавица, знатная леди...

-Я понимаю, - ответил отец. – Понимаю тебя, сынок. А может быть, у тебя к ней чувство не любви, а жалости?

-Пока не разобрался еще, в самом себе...Хочу вот, по приезду из Америки, задействовать Вована, пусть посодествует, организует мне с ней свидание. Не надолго, на час, но я очень хочу ее видеть. Тем более, что план его фазенды я ему сдал без копейки, чисто по-дружески, как одноклассник однокласснику...

-И ты поедешь опять в Тьмутаракань?–удивился отец. – К этой пигалице?

-Поеду! Что-то приказывает мне сделать это. Внутренний голос.

-Это-совесть сынок. Совесть!

-Может быть, не разобрался еще...Видно будет...

-Но она ж...

-Тюремщица. Семь лет сидеть будет...

-Господи! – взмолился отец. – И родственница, - напомнил он.

-Седьмая вода на киселе, какая там родственница...

Я вздохнул, вспоминая крик Олеси, скорее отчаянный, безнадежный, чтобы нашел ее, что любит:

-С твоим именем жить мне намного легче! – кричала она мне.

-Извини, - попросил я отца. – Мне нужно собраться в дорогу и побыть одному.

-Конечно, конечно, сынок, - засуетился он, вскакивая из-за стола. – Уже час поздний... Конечно, конечно...

30. Длительный перелет из Москвы в Америку всегда выбивал меня из колеи. Эта дорога из аэропорта, гостиничное

вселение: только бы лечь и спать, из-за временных поясов, а не готовиться к заслушиванию докладов...

Постучавшая в номер горничная, любезно пригласила отобедать за счет устроителей симпозиума. В самолете кормили, и я отказался, вывесив на обратной стороне двери номера, табличку, чтобы меня не беспокоили.

Душ отрезвил меня и переодевшись, я спустился в бар выпить чашечку кофе. Спускаясь со своего этажа, в прозрачном лифте, вроде бы заметил мелькнувшую фигуру Софи, но, как-то не заострил на этом свое внимание. Конечно же, как ей не быть здесь...

Меня кто-то окликнул, когда я вышел из лифта:

-Вигдор?

Передо мной стоял сын Марины, раскрепощенный, модный, собственно, очередной представитель нынешней молодежи.

-А ты какими судьбами здесь? – спросил я, совершенно забыв его имя.

-Приглашен на конференцию, - с достоинством ответил он.

– Один со всего учебного заведения.

-Ты тоже пошел в архитектуру?

-Да, по вашей, Вигдор милости.

-По моей?!- удивился я.

-Да! Поменял факультет, это было возможно. Мне понравился ваш проект нашего дома, нашей виллы...

-Ваш дом проектировал не я.

-Какая разница! – улыбнулся он. – Главное, что семя в душу было брошено и оно проросло...

-У тебя уже есть работа?

-Несколько. Их оценили. Не знаю, воплотятся ли они в реальность, но... вот я здесь, а это, что-то, да значит.

-Думаю, да! Это твоя маленькая победа. На сегодня. Удачи! – я протянул ему руку. – Поздравляю!

-Почему вы не спрашиваете меня о маме? Она очень тепло о вас всегда отзывалась. Хотя... - он помедлил, - я не всегда понимал ее поступки, действия и вообще, странноватая она была женщина.

Я молчал.

-Вас даже не интересует, что я говорю о ней в прошедшем времени?

Я снова промолчал.

-А мне казалось, что в такую женщину невозможно было не влюбиться, - он вздохнул. – К сожалению, ее нет.

-Я знаю, - ответил я. – И даже видел, когда ее задрал медведь.

-Вы были в этом Богом забытом, месте в тот момент, когда...

-Да! Где ее похоронили?

-Не знаю, - ответил юноша. – Наверное, там же, в ее глуши, на родине. Во всяком случае, я ее помню живой и не хотел бы думать, что ее нет. Странный случай...

-Нет ничего странного, если попадешься в лапы медведю в предзимнюю пору. Она должна была быть поосторожней в тайге.

-А может быть, она искала смерть? Зная эти места – искала?

-Мне трудно судить об этом, мальчик... Я выражаю тебе свое соболезнование...

-Спасибо,-без эмоционально сказал он.-Идемте в зал, кажется, скоро начнутся выступления.

Он, как-то заторопился, и вскоре смешался с толпой людей заходящих в зал.

Неожиданно, меня толкнула какая-то особа, и даже не извинившись, видимо была очень занята серьезным разговором с каким-то мужчиной, ловко проскользнула мимо.

Софи! Да, то была она! Я не ошибся: то была она! Сделала она этот толчок намеренно или случайно, но я усмехнулся про себя: жизнь или скорее, судьба, вновь сталкивала нас, оставляя на расстоянии...

Доклады...Прения...И в завершении первого дня, ужин строителей конференции с музыкой, танцами, кокетливыми девицами на сцене.

Меня интересовала Софи. Появится ли она здесь? Или вновь исчезнет, растворившись в людском потоке? Поднявшись на обходной балкон зала, я начал сверху присматриваться к публике и мой взгляд отыскал – таки Софи, сидевшую рядом с мужчиной, с которым она, что-то бурно обсуждала.

Именно с тем, с которым входила в зал, толкнув меня.

Видимо, я слишком пристально смотрел на нее, потому что, через какое-то время, Софи забеспокоилась и начала озираться вокруг. С кем-то здоровалась, кому-то улыбалась...

Я же неотрываясь смотрел на нее, ради интереса решив, поднимет ли она вверх голову. Мужчина все еще ей, что-то говорил, но Софи уже не слушала его. Она стала напряженной, какой-то взволнованно – нервной...

Мужчина положил свою руку на ее ладонь, сжав, успокаивая, видимо желая, этим жестом, снять ее напряжение...

Но вот она подняла свою голову вверх и наши глаза встретились. Я развернулся и ушел. Мне было достаточным видеть Софи, и дать ей понять, что она не одна...

Вечеринка меня не интересовала. В баре я выпил виски, закусив нехитрой закуской предложенной барменом и под-

нялся в номер.

Было, что рассказать по приезду Эмилии... Где-то в душе, я злорадствовал: птичка попалась! Ее разговоры о сроках наследства, вступления в него, были болтовней, которая сейчас для меня стала явью.

Неожиданно в дверь постучали. Хотя я повесил табличку, чтобы меня не беспокоили, что же это за горничная, не умеющая читать что ли?!

Стук повторился. Я отрешенно сидел в кресле, разумеется начиная помимо своей воли, нервничать.

Когда стук повторился в третий раз, я поднялся и открыв дверь, брякнул:

-Что тебе нужно?!

И увидел бледное лицо Софи.

-Я понимаю, Вигдор, ты отдыхаешь...

-Заходи, - сказал я с безразличием. – Но мне тебя угостить нечем...

Софи зарделась:

-Я не есть и не пить сюда пришла.

-Так зачем же? Неужели увидеть меня?! – лицо мое исказила гримаса.

-Не юродствуй! Я все понимаю, ты на меня обижен...

-Конечно, контракты, наследство...А почему ты, собственно, здесь? Еще остался целый месяц и 8 дней, Эмилия ведет счет...

Софи вздохнула, сказав:

-Увы! Я выполняю все пункты завещания. Ради сына.

-Да? – с долей издевки спросил я ее. – А кто же тот мужчина, что был рядом?

-Ревнуете?–она приподняла бровь от неудовольствия заданным вопросом.–Это мой адвокат, который теперь посто-

янно со мной. Мне надоели эти четыре лба, которым нужно платить. Я уволила их. Рассчитала!

-А чем же вы платите адвокату?

Мы перешли на «вы».

-Вигдор! – возмутилась Софи. – Давайте отчет вашим словам!

-Мадам Софи,-сказал я, - уж не нужно делать из меня полного идиота. Ваш адвокат на симпозиуме? Он что, по-совместительству еще и архитектор? Проектировщик? Дизайнер?

Софи покусывала губы.

-Думайте, что хотите, Вигдор, но на суде, а суд будет обязательно, потому что, наследников объявилось слишком много, адвокат станет защищать меня, мои интересы и по пунктам зачитает, где, когда и какое время и с кем я была. Это важно по завещанию.

-И зачитают, даже, что сейчас, вы пребываете в номере незнакомого мужчины, который, может быть, в эти минуты, не просто соблазняет вас, а тащит в кровать!

-Я сказала, что иду в туалет, - начала было оправдываться Софи, а потом, что-то резко изменила, тон, сказав: - Какой же вы, Вигдор, осел! – и хлопнув дверью, ушла.

Я же был спокоен. Во мне не дрогнул ни один мускул, при виде красавицы, увы, женщины не моей мечты. В чем я убедился...

31. По приезду домой, конечно же, состоялся не лицеприятный разговор с Эмилией, но работа так захлестнула меня, что я вообще не вспоминал ни о какой Софи, скорее, когда и выдавались минуты отдыха, я больше вспоминал и думал об Олесе. Да, не красавице, скорее – простушке, но чем-то взяв-

шей меня в полон.

Прошло свыше двух месяцев, когда Эмилия, к обеду, встретила меня с недовольным лицом. Она, явно была сердита на весь свет, в том числе и на меня.

-А ты, мам, что такая сегодня? – спросил я ее, когда она почти швырнула мне тарелку с гуляшем.

-Вам же безразлична судьба Софи, что же мне рассказывать...

Мы с отцом переглянулись и молча принялись за еду.

-А ты что не ешь?–спросил я ее, чем вызвал в ней еще больше негодование.

-Кусок в горло не лезет! Бедная Софи! Этот мерзавец пидор, оставил ее без копейки!

-Как?!-уж тут не выдержали напряжения мы с отцом, одновременно задав вопрос.

-Вот так! Половина наследства досталась Мишке, но к оставленному, он только сможет прикоснуться в 21 год. Вторая половина досталась в долях его любовникам! А Софи, моей девочке, шиш!

-Ну и что? – осадил я ее. – Софи имеет свое большое агентство по недвижимости. Она неплохой архитектор, дизайнер, я воочию видел ее работы и явно ей не предстоит безбедное существование.

Но Эмилия будто не слышала моих слов, продолжая свое:

-Каков подлец! Негодяй! Да перевернуться ему на том свете, несчастному! – вошла она в раж. – Так испоганить жизнь девочке!

-Постой!–остановил ее отец.–Он дал ей хорошее образование. Она имела все, что душе угодно. Дорогая моя, он даже дал ей доступ к телу чужого мужчины, чтобы занять ребенка для общественного мнения...

-Но, молодая девочка, не видела никакого интима! Она до сих пор, хоть и родила Мишку, но остается, по сути, девочкой! Девственницей!

-Это в наше время очень легко, родить ребенка и снова стать девственницей.

-Вас с отцом не переговоришь! Чтобы меня поддержать, вы выдвигаете версии против! Что за народ!

-Ты, мама, лучше расскажи, как идет набор в школу фламенко? Я уверен, Софи сама разберется как ей быть, - сказал я ей.

-В основном, отсеиваем. Танцуют все сегодня, но нет изюминки в их вилянии задницами.

-И что, быть школе или...

-Мы продлили конкурс, - ответил отец. - Знаешь, подумали так: пусть будет десять одаренных, чем стадо бездарей.

-Но они бы платили за учебу...

-Какой толк в деньгах? - сказала Эмилия. - Нужен талант, а обдираловкой заниматься мы не собираемся...

-Ага! - подловил я ее. - «Какой толк в деньгах?». Что же ты орала именно за них, печалась о Софи?!

-Ой, хватит! Хватит! - схватилась она, чуточку театрально, за голову. - Вам двоим не понять, что я хотела сказать, имея ввиду прошедший суд...

Звонок в дверь раздался так неожиданно, что мы вмиг замолчали.

-Кто бы это мог быть? - сказала Эмилия, по-боевому ринувшись в коридор.

-Ой, да соседка, наверное, - отмахнулся отец. - Все ходит просит за внучку, чтобы мы приняли ее в школу танцев, а девочка... ну на дискотеку разве что сойдет, с танцами своими.

Но из коридора донесся недовольный голос Эмилии, зовущий меня:

-Вигдор! Это к тебе...

-Бог мой! Да кто это ко мне может быть?! - вставая из-за стола нехотя поплелся я к входной двери.

-Разбирайся сам! - сказала Эмилия и ушла на кухню.

Я не поверил своим глазам: передо мной стояла - Олеся!

Коротко подстриженная, еще худее, чем была, одни глаза на лице, в курточке, видимо не со своего плеча и небольшой сумкой.

-Ты?! - просто опешил я.

-Да, Вигдор, я! - она опустила глаза.

-Ну, проходи... - затащил я ее, за тоненькую ручонку, через порог, вовнутрь коридора, захлопывая дверь.

-Как ты здесь оказалась? Сбежала?! - почему-то мне подумалось, что она способна на это.

-Нет, Вигдор, нет! Разве там, - она махнула головой в сторону, - от них сбежишь? Ты, наверно, НТВ не смотришь, их передачу «ЧП».

-А что там? Сюжет был?

-Был, был, - из кухни высунул голову отец. - Нашли в болоте придурочную «графиню». Свалилась видимо, ненароком, бегая в темноте, да ища свое богатство.

-Боже мой, Олеська! - я обнял ее, и прижал к себе. - Ты уж извини меня за все!

-За что? - спросила она, смотря на меня влюбленными глазами.

-Раздевайся, - приказал я ей. - Да и чеботы свои снимай, одень домашенки.

-Это Олеся! - сказал я, вталкивая стеснительную особу в кухню.

-А с обыском к нам не придут? - съязвила Эмилия, подозрительно смотря на девчонку.

-Да, нет, - ответила та, у меня все документы в порядке!

Сразу выпустили, как только бабушку нашли, а экспертиза показала, что ничего с ней насильственного не было, сама сорвалась с тропинки в топь. Я же говорила, что не убивала ее!

-Бывает...- отозвался отец.—Считай, что ты родилась под счастливой звездой! А то бы сидеть тебе, горемычной.

-Я повторяла, как молитву, имя Вигдора! Это он, не зная того сам, мне помог!

-Ну-ка, в ванную, - скомандовала Эмилия. — Помойся, приведи себя в надлежащий вид. Я дам тебе и полотенце и что одеть.

Пока Олеся купалась, Эмилия бросилась в воспоминания:

-Как я была—стебелек! Помнишь, Ник, ну тростинка, тростинкой...

-Олеся мне напомнила тебя...-задумчиво сказал отец.—Вигдор говорит, что она и танцует отлично...

-Увидим,-сказала Эмилия.—Не будем ничего говорить наперед.

Олеся вышла после купания, какой-то, неузнаваемо новой, похорошевшей даже.

-Женщина в красном, - сказал я, смотря на ее красный халат, в который ее закутала Эмилия.

-Женщина в красном? — переспросила меня она с интересом. — Вигдор, мальчик мой, так неужели ты видишь в Олесе мне замену?

Она потащила Олесю в комнату, и через некоторое время вывела королеву: загримированная, с черным париком, в туфлях на каблуке, в которых танцевала сама Эмилия, блистая на сценах кабаков и ресторанов, и платье... то самое красное платье, в котором я ее увидел впервые, в Праге.

-Ну-ка, Ник, доставай свой инструмент! Сыграй, как играл прежде, испанскую. У тебя, девочка будет сейчас экзамен!

-Накормила бы сперва девчонку с дороги, - сказал отец.

-На голодный желудок легче танцевать... - ответила Эми-

лия.

И заиграла музыка...Бандонеон...И Олеся, эта девчонка из сибирского захолустья, пошла в пляс, да так профессионально, театрально—жеманно, картинно, угадывая каждым своим движением ритмовую гамму, что не удержавшись, с ней рядом оказалась и Эмилия, подававшая команды:

-Выше голову! Голова пошла в сторону! Заиграли плечи... Замани Вигдора, замани, поймай в свою ловушку! Умничка!

Мне пришлось тоже вступить в танец и наши, глаза в глаза с Олесей, сказали многое...Вот кто мне был небезразличен!

...Ночью она оказалось в моей постели, хотя Эмилия постелила ей в зале, на диване... Я ждал, что она придет ко мне. Обязательно придет. И она пришла...

КОНЕЦ

Повседневье – в «Повседневьи»

И вновь состоялась встреча с Галой Абдуллаевой, накануне выхода ее новой книги «Повседневье», чему я, как журналист, не раз бравшая у известного литератора интервью, была этому обстоятельству несказанно рада.

Рада не просто встрече, а новой беседе с Женщиной, чье творчество настолько многогранно, совершенно, естественно, что, многим поклонникам ее таланта, уверена, принесет чистую радость нового откровения в общении с ней.

Ведь, как говорил Аристотель: «Наслаждение общением – главный признак дружбы». Перефразировав, добавлю от себя лично: наслаждение общением – главный праздник души, что немаловажно в наше хаотично-сумбурное время, в котором нам выпало жить.

-Итак, Гала ханум, ваша очередная книга, замечу, одиннадцатая по счету, названа вами – «Повседневье». Почему?

-На этот вопрос я уже ответила в самом начале книги. Ведь повседневье – это долгий урок жизни, который расходится с философией и умствованием, следуя своим законам для каждого индивидуума в отдельности. Постоянство повседневья очевидно, тем ценнее маленькие радости и праздники. Все, написанное мной, что вобрала в себя книга, а это и повесть, «Интервью ее жизни – 3», и рассказы, и стихи, и повесть «Женщина в красном» - это все из повседневья: судьбы людские, во множестве своем... Судьбы!

-Кажется, повесть «Интервью ее жизни», уже из книги в книгу, переросла в роман. И, хочется верить, что новая встреча с Тамиллой, будет слишком желанной для многих читателей.

-Честно говоря, повесть «Интервью ее жизни – 2» была

написана под давлением читательниц. Старалась не идти на поводу, но, видимо жизнь героя произведения, настолько зависит от автора, что и во мне возник интерес, а что же может быть дальше? Написав вторую часть, была уверена: все, можно поставить точку. Но... это, как оказалось, сделать было непросто и «Интервью ее жизни – 3» выписалось настолько легко, будто продолжение повести мне диктовали Свыше и руке, только и оставалось, что успевать за фразами, записывая их. Удивительное явление в творчестве, когда не автор выбирает тему, а тема выбирает автора. В целом, это лично для меня, явление самопроизвольное. Уверена, что увидев на страницах книги «Интервью ее жизни – 3» читатели будут рады такому сюрпризу.

-Значит, и у произведений своя, особая судьба?

-Видимо, - да! Не предмет выбора, не случайность, а, именно – судьба! Именно она и главенствует в тех или иных событиях героев. Предполагаешь написать одно, а получается совершенно другое. Непонятное чувство, возникающее ниоткуда, самостоятельно, и уводящее мысль в подчинение словам и действиям. Я, как автор, зачастую просто-напросто попадаю врасплох и, действия моих героев вызывают во мне потрясение, являясь полной неожиданностью для меня от написанного. Природу творчества, не изменить, потому как, я это ощущаю наглядно, от книги к книге, и вижу в том – высшую тайну подчинения, судьбу, которая не просто живет в произведениях, но властвует и бродит, и в своем постоянстве, всякий раз дразнит новыми сюжетными линиями и толкает к новому написанию...

-Мистика!

-Все может быть. Но подчинившись этой силе окончательно, безусловно, доверяюсь ей, уверившись в ее многогранности, вероятности и естественности, с абсолютно возможным исходом завершения очередного произведения,

будь то проза или поэзия.

-Наверное, поэтому, вам не претит чувство замкнутости или... одиночества?

-Еще в XIX веке, как бы за меня ответил американский писатель, философ и публицист Генри Дэвид Торо: мы часто бываем более одиноки среди людей, чем в тиши своих комнат. И еще он очень точно сказал: я никогда не встречал партнера столь общительного, как одиночество. Замечу, что понятие – одиночество, отлично рифмуется с «пророчество», «высочество», «творчество», - очень все весомо, где-то даже – таинство! Люблю пребывать именно в состоянии, - которое так многих пугает, - одиночества.

-Многие же, воспринимают это как игнорирование...

-Крайность. Все мы, люди, человечество в целом, разные, со своим складом характера, настроения, образом жизни. Выражаясь современным языком: я – человек, не воспринимающий тусовок. Тем более, что с тех пор, как мой супруг побывал в хадже, ни только в душе, но и в доме резко изменилась атмосфера бытия. Чтение Корана и более глубокое понимание сур, заставляет совсем иначе взглянуть на мир, окружающих, жизнь в целом. Идет личностное переосмысление многого...

-Однако, в мире множество открывающихся человеку истин, ровно как и оставшихся заблуждений...

-Увы! Обычно, душевная неустойчивость ведет к заблуждениям. А так же непомерное зло, зависть, ненависть, ложь, пагубное ослепление ума от переполняющего человека злодейства, идущего от скудоумия...

-Печально, но злой человек, в самую первую очередь, казнит самого себя.

-Но понимает ли этот человек это?! Зло порождает зло, и

в самую первую очередь, наказывает, злого человека, сжигая. То есть, злой человек, казнит самого себя своей же злобой и это касается любого негативного явления: действует закон бумеранга и все возвращается обратно к первоисточнику.

-Примером: мадам Изабелл в «Интервью ее жизни – 3».

-Люди, как правило, не рождаются плохими, а становятся ими под влиянием многих жизненных факторов, и вряд ли, всех тех, кто несет вред людям, ждет милость Божья, потому как, это – происки Сатаны, не более того.

-Роман, повести, стихи – огромное многоперсонажье... Людские судьбы, характеры, нравы...

Всё и все из повседневья. Каждый из нас принадлежит своему веку и состоит из силы и слабости, и проникнуть в глубины душ, сложно. «Образ» Божий – человек-бездна чувств и эмоций, настоящая Всемирная история, преодолевающий длинный ряд дней испытанием Свыше. Своеобразный путь через лишения и... смирение. Как сказал Френсис Филипп Юниус, английский политический деятель, живший на пересечении двух веков XVIII – XIX, что «если много сказано, то многое и доказано».

-Но, вернемся вновь, к персонажу мадам Изабелл, из повести «Интервью ее жизни – 3», не просто прибегающей, а живущей, в этом мире, магией. Как лично вы относитесь к этому явлению в обществе?

-Вера человека, во все эпохи, в способность воздействовать на природу, людей, животных, что-то предвидеть и даже изменять, является составной частью всех культов. Но, все религии мира отрицательно относятся к оккультизму, гадалкам, прорицателям, ясновидящим, ведунам, джадовкам, магам, утверждая, что все это – суть происков Сатаны. Благословенный Пророк наш Мухаммед говорил: «Всякий аст-

ролог – лжец, а место всякого колдуна – в аду». Огромным грехом и даже святотатством является гадание на священных книгах: Коране, Библии, Торе. Эти книги передающие людям слова Бога, приближают к Всевышнему, возвышая души, укрепляя силу ума, подавляя темное начало любого греха, всякого рода дурные мысли.

Да человек хочет знать, что его ждет не только в будущем, но и имеет многочисленные желания сообразно своим прихотям, вплоть до уничтожения неугодного лица, делая обряд «на смерть».

Но, будущее, никогда и никому не было ясно, ибо только Всевышний определяет и вершит судьбы любого из нас. Всевышний! Так нужно ли брать на свою душу грех? Очень хорошо видно, чем закончила свои деяния мадам Изабелл... Расплата неизбежна, и об этом я говорю не голословно, ибо, встречала в своей жизни людей, желающих доказать окружающим, что они провидцы и могут все изменить в этом мире, только плати. Свою же жизнь, они изменить никак не могли, и вмешиваясь в Божьи дела всеми доступными им способами, книг - то по магии сейчас сколько развелось, заканчивали свое «творчество» очень печально, а некоторые из них, даже трагически.

-Гала ханум, но в вашем романе «Веретено, или День без времени» - Таварет, все же прибегает к некоего рода гаданию, открывая Священный Коран.

-Так она просит Всевышнего ответить ей через Священную книгу на ее вопросы о любимом мужчине, делая это не через магический обряд, не через гадалку или джадовку, а самостоятельно, через переполняющие ее чувства, через неизвестность, вряд ли задумываясь в своем душевном порыве о грехе, о том, что этого делать нельзя.

-Впрочем, она заканчивает свою жизнь трагически.

Может быть, то звенья одной цепи? Что за все прегрешения, вольные или невольные, воздается Свыше?

-В конечном счете, хотим мы этого или нет, а может быть, просто не задумываемся о наказании, о содеянном нами, вольно или невольно, каждый, в конечном итоге, платит за все...

- «За все воздается сполна и различны лишь виды расплаты»...

-Игорь Губерман, русский поэт, наш современник, очень точно выразил многое в своих стихах. Добавлю, что, ничто в этом мире не дается даром: ни любовь, ни творческая победа, не говоря о расплате за ненависть, оскорбления, зло, преступления... за многое...

-Ваши рассказы...

-О! При их написании, будто опускаешься в преисподнюю общества!

-Все же, что вас привело к разочарованию?

-Я просто, как автор, анализирую образ жизни XXI века, принимая все как реальность сегодняшнего бытия. В моей судьбе переплелись два столетия, две совершенно разные эпохи. Явление сложное: жить по коммунистическим законам, которые отбросили и оплевали, и нынешнее преобразование... Ведь есть принцип исторической закономерности: любой замысел, идея ли, воплощаясь в реальность, порождает непредвиденные последствия.

Да, мы хотели жить, как живут на Западе. Но вот и у нас сейчас на каждом углу супермаркеты, бутики, - покупай все, что угодно. Изобилие! А деньги где взять?!

История любой страны, - это в самую первую очередь, - история народа. А наш народ перенес неслыханные жертвы, один Карабах, чего стоит, да и сейчас проблема беженцев так

же актуальна, и до сих пор выдерживает огромные испытания. Самоотверженные люди!

Однако, по сравнению с тем временем, когда все мы были советским обществом, сейчас идет чудовищная деградация, в первую очередь, молодежи. А ощутимая волна насилия, проституция, наркомания... что несет нам телевидение?

-Как я понимаю, вы ностальгируете по тем, прошедшим временам?

-Нет, нет, я воспринимаю все как реальность и описываю ее, как исследователь, опираясь на свое творчество. У меня есть желание делать то, что я сейчас делаю: писать!

-А разочарованность?

-Каждый человек чем-то, да разочарован, ведь душа не может находиться постоянно в одном и том же состоянии. Все и всё меняется. Люди раскрепостились, даже не стали бояться властей и законов. В любой сфере, особенно, коммунальных услуг, будь то газ, свет, вода, телефон – игра на нервах, причем, постоянная. Аргумент: мало платите, значит, воруете. И только, когда руководящие органы дадут по мозгам, приносят извинения. А так, сплошное хамство, сплошная коррупция... Это коробит. Вписаться в новую систему людям высочайшей нравственности, трудно, порой оказываясь в отчаянном положении.

-Значит, свобода и независимость совмещают в себе дурные страсти?

-Свобода и независимость – это победа справедливости, которая совершенствует общество, но, как метко заметил О.Бальзак: «Свобода, данная народу в неограниченном количестве, - это девственница отданная развратникам». Получилось, что развал Союза привел к продолжительной болезни общества, всего постсоветского пространства в

целом. Развалилась социальная марксистско-ленинская организация, за двадцать с лишним лет, засохли корни коммунизма и выкорчеваны безвозвратно.

Но... всё то, что в советском обществе вызывало протест, сейчас потребляется с явным удовольствием ежеминутно и ежечасно оболванивают народ литература, кинофильмы, телевидение, реклама и в целом общество даже не замечает того, что всецело оболванены. Такого интеллектуального идиотизма, какой мы, люди старшего поколения, наблюдаем сейчас, не было никогда, даже в отвергнутой, советской истории.

-Кризис во всем: в идеологии, в интеллекте, в психологии, в экономике. Состояние, что весь мир находится на помойке, даже пресловутый Запад и та же Америка. Выход? В чем вы его видите, как творческая личность?

-Какие у меня могут быть предложения, если я – писатель, поэтесса, но никак не политик. Ведь недаром говорили в свое время, что когда-нибудь, брежневское время, люди будут вспоминать, как золотые годы. Хотя сейчас эти, прошедшие, годы называют не иначе как – «застойные годы». История каждой страны, это в первую очередь, история народа. Сталинское время: повсеместные «враги народа», неслыханные по своим масштабам, жертвы... Считаю, что марксистская критика капитализма, в огромной степени, сохраняет свое значение и для современности. Сейчас можно сказать: марксизм есть нелепость, ерунда, ведь принято считать, что получилось на деле. И никто не хочет сказать, что низкий уровень, бездарных идеологов, довел марксизм до насмешки. Без диалектического материализма понять современный мир невозможно. И уж если вы спросили меня, в чем, лично я, вижу выход, отвечу: восстановить прежнюю систему и не

идти куда-то в дебри. Но я не делаю никаких предсказаний, не берусь прогнозировать что-то... Движение вперед – сила, которая идет по миру и которую уже вряд ли остановишь. Изменения неизбежны, хотим мы того или нет.

-В своей, второй, по счету, книге «Опрокинутый мир» вы писали: «Не первый виток спирали мы с тобой проживаем»... Спираль – символ?

-Да, в стихотворении «Спираль», есть такие строки, и эта, винтообразная кривая имеет великую многозначность, встречаясь не только в природе, но и в двойной молекуле ДНК, в рисунках на человеческих пальцах.

-Своеобразный код жизни?

-С древнейших времен – символ жизненной силы. Сжатая спиральная пружина – важный элемент в учении йоги: скрытый символ силы, в энергии спины. Водовороты и смерчи, раковины моллюсков, языки пламени, рисунки спиральной резьбы маори, жителей Новой Зеландии и Полинезии, мегалитические памятники... многое, что требует расшифровки спирали.

-Мегалитические памятники, что они собой представляют?

-Древние сооружения – мегалиты, древние сооружения 3 – 2 тысячелетий до н.э. и более позднего периода, встречающиеся во многих странах, представляют собой громадные камни святилищ или могильных памятников. Интересно, что вырезанные на них спирали изображают путешествие по лабиринтам загробного мира и, якобы дающие подсказки на возможное возвращение оттуда.

Видите, как бывает: в своей книге «Веретено, или День без времени» я дала некого рода словарь встречающихся, в тексте слов, необходимых для более глубокой «расшиф-

ровки» читателям, знающим русский язык не в полном совершенстве. Меня обвинили некоторые читательницы, что я их сделала «тупыми». Очень жаль, что некоторые читатели так думают, забывая, что в республике, уже многие из нынешнего поколения молодежи, не просто, плохо, а вообще не знают русский язык. И все же, кто хочет читать мои книги, просят, чтобы я давала справку по тому или иному понятию, слову. На это может уйти множество драгоценных страниц, поэтому часто говорю всем своим читателям: почаще обращайтесь к словарям, работайте с языком источника, его основой, происхождением, отыскивая значение слов, расширяя кругозор.

-Можно ли сказать, что с потерей русского языка, в небытие, постепенно, уходит интеллигенция?

-К сожалению, такого понятия, как интеллигенция, нигде в мире нет. Это говорит, в первую очередь, о бездуховном уровне. Полное обуржуазивание общества, когда все думает только о деньгах, личном бизнесе – катастрофично! Бытовой стандарт жизни: телемания, компьютерная игромания, ограниченность кругозора, разговоры ни о чем, американизация... Чума! Все это происходит незаметно, тем чудовищнее будущее! Ограниченность, с каждым годом все нагляднее, о какой интеллигенции можно будет говорить в ближайшие годы? Когда я вижу выброшенные на свалку русскоязычные книги, невольно понимаю новое измерение ценности, ощущаю душой и сердцем новую шкалу деградации общества. Мне страшно, что нет интереса к русской литературе. Народ живет в своем, новом измерении, а, может быть, здесь что-то другое: веяние времени.

-Что же для вас значит русский язык, на котором вы пишете, думаете, говорите?

-Все! Трепетно отношусь к каждому слову, руководствуясь

здравым смыслом его (т.е. русского языка) энергетической силы. Это многогранный мир моего бытия. Когда иду по улице, в магазине ли, в транспорте, и вдруг, кто-то заговаривает по-русски, я обретаю веру и замечательное чувство в самой себе, что еще не все потеряно окончательно. Раньше, в стране, имя которой было СССР, - русский язык воспринимался и впитывался инстинктивно, и, где-то даже, школа убивала интерес к русской и советской литературе, хотелось получить доступ к западным авторам. Сейчас же, понимаешь, глубже мысля, что такое русский язык.

Сейчас можно смотреть на русский язык, особенно по постсоветскому пространству, через политическую призму. Хотя, на мой взгляд, вряд ли нужно смешивать политику с языком, литературой, искусством. Сейчас, русский язык, играет роль временного фона, но утратить с ним полнейшую связь невозможно. Замечу, что Священная книга – Коран, переведенная на русский язык иман Валерией Пороховой – это огромное подспорье для русскоязычного населения, в мировом масштабе!

-Но, кажется, Священный Коран уже переводился, и не раз, на русский язык?

-Да, но традиционно выполненные переводы, не только лишают Коран его духовно-поэтической окраски, но и зачастую приводят к оскудению передачи смысла истинного Писания Откровения Божьего.

-Коран изложен в форме...

-...высокопафосного стиха. И Слова Господни, переданные на одном языке, порой не имеют адекватного аналога на другом. От переводчика многое зависит, и иман Валерия Порохова максимально точно сумела передать смысл Писания, как буквальный текст Корана, руководство человечеству для

жизни на русском языке. Ведь, к сожалению, арабский язык знают немногие и постижение смысла заповедей Священного Корана. Ко всему же, даны отличные комментарии (тафсиры) иман Валерии Пороховой, что позволяет более осмысленно читать Коран, постигая уникальную значимость писания.

-Гала ханум, вы тоже много стихов писали касаясь темы религии, причем, не только мусульманской, но и христианской, иудейской. Примером: «Ода книге», «Слепой», «Верую», «Четки», «Воскресенье Господне», «Кааба», «Инокине», «Йом а-шоа», «Стена плача»... Да разве перечислишь все написанное вами...

-Я счастливый человек, во-первых, что ни от кого не завишу в своем творчестве, во-вторых, что пишу о том, что мне хочется, ощущая пульс своей души, и в-третьих, что не помещена, не зажата в какие-то рамки, а с большим удовольствием экспериментирую.

-Как сказал Клод Бернар, французский физиолог: «Экспериментатор принуждает природу разоблачаться».

-В вечном потоке постоянных открытий, увлекая за собой в особую страну, в особый мир, где по-настоящему интересно. Главное, не подарвать веру в себя!

-А сомнения? Ведь они, наверное, не чужды вам?

-Сомнение присутствует во мне постоянно, наверное оттого, что я по знаку Зодиака – Весы. Как-то, очень редко, чаши весов находятся в уравновешенном состоянии. А так, в суматошном повседневно, сомнения дают постоянный толчок к необходимости думать, размышлять, аргументировать, где-то даже, - воспитывать и открывать глаза на какие-то вещи, по-иному видеть мир, жизнь, людей...

-Что, собственно и находит отражение в вашем творче-

стве. Своеобразная призма...

-...для разложения всего самого сложного и непостижимого в нашем повседневье на созидательную силу, духовное просветление, творческую энергию, беспредельное добро и правду. Ведь отражательная призма раскладывает сложный свет в спектр, а это величины импульсов, энергий, масс... Очень применительно сравнение к нашей жизни, к нашему повседневью.

-Целая философия...

-Как говорил Цицерон: «Культура ума – есть философия». Ведь каждый человек имеет свое собственное мировоззрение, свою внутреннюю суть, а это и есть философия суждения, благодаря самому себе. Соль жизни, что обнаруживает ум человека.

-Гала ханум, не было ли у вас желания написать о познании духовного мира, о сущности мыслящей души, о сущности духовного мира?

-При жизни моего супруга, я многое постигла, через него, об образе духовного самосовершенствования. Тем более, что этим занимается и моя дочь Азада ханум в Бакинском офисе «Лотос» пропагандируя космоэнергетику, а это и есть прохождение человека через область души.

Вы заговорили о сверх духовном в окружающем мире. Путь к самопознанию человека тема очень серьезная, если ее рассматривать с различных точек в нашем пространстве бытия. Природа восприятия духовного мира – это целая наука, ведущая к самопознанию, и вполне естественно, что когда-нибудь, во мне проснется побуждение заняться написанием именно о сверхчувственном мире. Пока же, к такой сложной теме написания, я не готова.

-Книгу «Повседневье» вы посвящаете своему супругу

хаджи Зауру Абдуллаеву, как дань памяти о человеке, связанного с Богом, но и владеющим в бытовой мудрости свод морально-нравственных, религиозных, гражданских норм...

- Безусловно. Именно через чтение Корана, молитв, множества религиозных книг, совершения намаза, хаджи Заур впитал в себя, не просто внутреннее удовлетворение постижения Аллаха, а получил просветление души от соприкосновения со словом Аллаха. Он умер, как святой, тихо и мирно с умиротворенностью на лице. О, Аллах! Прости его и помилуй! Даруй ему благополучие и будь к нему снисходителен! Аллах рахмьят олясун!

- Аллах рахмьят олясун! Спасибо, Гала ханум вам за интервью.

Л.Г.

Содержание:

Суть житейской мудрости.....	3
От автора	6
Интервью ее жизни – 3 (повесть).....	7
Очертания (сборник стихотворений).....	63
Элегия	65
Тоска	66
Проказник Амур	67
Соблазн	68
Услышь мое сердце	69
Спасение	70
«Дар».....	71
Нагар	73
Грезы	74
Ты	75
Зло	76
Вечность	78
Листья	79
Свет огня	79
Письма	80
Тоскую о тебе... ..	82
Безнравственность.....	83
Ожиданье.....	84
Несутся годы	85
Стихия.....	86
Когда-нибудь	86
Прощай	87
Послесловие	89
Рассказы.....	91

Письмо	93
Наказят	97
Нищая	101
Звонки	104
Встреча	108
Брат	112
Мотылек.....	117
Изоляция.....	121
Женщина в красном (повесть).....	127
Повседневные- в «Повседневьи» (интервью с Галой Абдуллаевой)	284

ГАЛА АБДУЛЛАЕВА БИБЛИОГРАФИЯ

ПАМЯТЬ СЕРДЦА. Стихи. Баку, 2000 г.
ОПРОКИНУТЫЙ МИР. Стихи. Баку, 2000 г.
ШАЛЬНАЯ КАРУСЕЛЬ. Стихи. Баку, 2001 г.
КРЕДИТ ЧЕЛОВЕЧНОСТИ. Стихи. Повесть. Баку, 2001 г.
ВЕК ХАМЕЛЕОНА. Стихи. Баку, 2001 г.
КАЛЕЙДОСКОП МГНОВЕНИЙ. Стихи. Повесть. Баку, 2002 г.
ТЕАТР АБСУРДА. Стихи. Повесть. Баку, 2003 г.
ВЕРЕТЕНО, или ДЕНЬ БЕЗ ВРЕМЕНИ. Роман. Баку, 2005 г.
АРАБЕСКИ. Повесть. Рассказы. Баку, 2006 г.
ТРЕТЬЕ ИЗМЕРЕНИЕ. Рассказы. Стихи. Повесть. Баку, 2006 г.
ПОВСЕДНЕВЬЕ. Повести. Рассказы. Стихи. Баку, 2012 г.

Перу Г.Абдуллаевой принадлежат: поэмы, трактат о космо-энергетике, афоризмы, ответы на вопросы читателей, интервью.

Г.Абдуллаева-член Международной Ассоциации Русскоязычных Журналистов (МАРЖ), член Международной Федерации Журналистов (МФЖ-Брюссель), член Союза Журналистов России.

Подписано к печати: 12.04.2012
Формат: 60x84 1/16. Бумага офсетная.
Усл. п.л. 18,75. Тираж: 300

Отпечатано в типографии "Нагыл еви".
Баку, ул. 28 Мая 78/5
Тел.: 498-56-38

